

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 4 раза в год

Под общей редакцией Е. Н. Максимовой

УДК [1+93/94+32](06)
ББК 60+87я437
П18

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор:

Е. Н. Максимова, д-р полит. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Д. В. Маковская, канд. полит. наук

Редакционная коллегия:

Авдонин В. С., д-р политических наук (Москва); Алиев А. А.-Г., д-р ист. наук (Москва); Аликберов А. К., канд. ист. наук (Москва); Андросов В. П., д-р ист. наук, профессор (Москва); Бармина Е. А., канд. филол. наук, доцент (Севастополь); Белоглазов Р. Н., канд. ист. наук (Севастополь); Гарас Л. Н., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Дмитриев В. В., канд. ист. наук, доцент (Севастополь); Ефременко Д. В., д-р политических наук (Москва); Жиртуева Н. С., д-р филос. наук, доцент (Севастополь); Зайцев И. В., д-р ист. наук, доцент (Москва); Ирхин А. А., д-р полит. наук, доцент (Севастополь); Кабаченко А. П., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Козлов М. Н., д-р ист. наук, доцент – редактор истор. рубрики (Севастополь); Миронов А. В., д-р филос. наук, доцент – редактор филос. рубрики (Севастополь); Наумкин В. В., д-р ист. наук, профессор, академик РАН (Москва); Скворцов Л. Д., д-р филос. наук, профессор (Москва); Скребец Е. В., д-р полит. наук, доцент – редактор полит. рубрики (Севастополь); Чихарев И. А., канд. полит. наук, доцент (Севастополь); Шаронова В. Г., канд. ист. наук (Москва).

Editor-in-chief

Maksimova E.N., Doctor of Political Sciences, Docent

Executive secretary

Makovskaya D.V., Candidate of Political Sciences

Editorial Board:

Avdonin V.S., Doctor of Political Sciences (Moscow); Aliev A.A.G., Doctor of Historical Sciences (Moscow); Alikberov A.K., Candidate of Historical Sciences (Moscow); Androsov V.P., Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow); Barmina E.A., Candidate of Philological Sciences, Docent (Sevastopol); Beloglazov R.N., Candidate of Historical Sciences (Sevastopol); Garas L.N., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Dmitriev V.V., Candidate of Historical Sciences, Docent (Sevastopol); Efremenko D.V., Doctor of Political Sciences (Moscow); Zhirtueva N.S., Doctor of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Zaytsev I.V., Doctor of Historical Sciences, Docent (Moscow); Irkhin A.A., Doctor of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Kabachenko A.P., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Kozlov M.N., Doctor of Historical Sciences, Docent – Editor of Historical Section (Sevastopol); Mironov A.V., Doctor of Philosophical Sciences, Docent – Editor of Philosophical Section (Sevastopol); Naumkin V.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); Skvortsov L.D., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Moscow); Skrebets E.V., Doctor of Political Sciences, Docent – Editor of Political Section (Sevastopol); Chikharev I.A., Candidate of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Sharonova V.G., Candidate of Historical Sciences (Moscow)

П18 Парадигмы истории и общественного развития [Текст] : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГАОУ ВО «Севастоп. гос. ун-т» ; под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; редкол.: В.С. Авдонин [и др.]. — Вып. 15-16. — Севастополь : СевГУ, 2019. — 138 с. — ISSN 2500-4190.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим и политическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия.

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой. Сборник выходит 4 раза в год. Издается с января 2016 г. Сборник зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN (ISSN: 2500-4190), Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС77-64133 от 25 декабря 2015 г.), индексируется в библиографической базе данных научных публикаций российских учёных РИНЦ.

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

Белоглазов Р. Н., Осиповский С. Н.

Становление и развитие политики советской власти по отношению к религиозным конфессиям
Крыма в 1920-е гг. (по материалам Севастополя) 7

Бойцова Е. Е.

Музеи Севастополя в виртуальном пространстве 20

Дмитриев В. В.

Газета «Южные ведомости» как информационный источник по изучению истории Крыма периода
Гражданской войны 25

Дмитриева В. В.

Характеристика элементов социализации в родильно-крестильной обрядности греков Крыма и
Приазовья 30

Иванов С. В., Горбунов П. А.

Локализация скопления средневековых якорей в акватории Судакской бухты 35

Коваленко В. В.

Полуденная столица 41

Козлов М. Н., Жиртуева Н. С.

Исторические корни древнерусской былины «Гибель Святогора» 50

Рыбак И. В.

Проявления антирелигиозной политики РКП(б) в Крымской АССР в 1918-1941 гг. 55

Савчинский В. Э., Ильичев А. В., Ситало М. С.

История возникновения и развития традиционного ирландского костюма 60

Шендрикова С. П., Козлов М. Н.

Письменные и материальные свидетельства о существовании театра в античном Крыму на примере
Херсонеса 68

Философские науки

Галяс И. А.

Со-лидерство как модель управления современным сообществом 74

Жиртуева Н. С.

Типология мистических учений в исследованиях Мирча Элиаде 80

Миронов А. В. Религиозное единство через удаление от социального мира (анализ формирования христианских общин в I –III вв.)	85
Ткаченко Р. В. Анализ историософских аспектов в различных моделях культуры	91
Дерюгин П. П., Ярмач О. В., Страшко Е. В., Ярмач В. Е. Человеческий капитал: подходы и исторические практики	96

Политические науки

Вакулова Т. В. Противостояние советской и европейской цивилизаций в 1939-1945 гг.	103
Гарас Л. Н., Лебедь Н. И. Особенности участия частных военных компаний в «гибридных войнах»	109
Гарас Л. Н. Специфика миграционных процессов в современной Италии	115
Нечаев В. Д., Гришина А. В., Косцова М. В. Современные подходы и теории гендерной политики: региональный аспект (на примере стран Большого Средиземноморья)	120
Скребец Е. В. Концепция «Империи» М. Хардта и А. Негри	125
Чемшит А. А. О роли личности в истории: Сталин как Верховный главнокомандующий	129
Шавардова Е. Ю. Политический язык как инструмент формирования имиджа политического лидера	134

CONTENTS

Historical Studies

Beloglazov R. N., Osipovskiy S. N.

Formation and Development of the Soviet Government Policy Towards Religious Confessions of Crimea in the 1920s (based on the materials of Sevastopol) 7

Boytsova E. E.

Museum of Sevastopol in the Virtual Space 20

Dmitriev V. V.

The Newspaper «Southern Vedomosti» as an Information Source for the Study of the History of Crimea During the Civil War 25

Dmitrieva V. V.

Characteristics of the Elements of Socialization in the Process of Maternity and Baptismal Rites of the Greeks of Crimea and the Sea of Azov Region 30

Ivanov S. V., Gorbunov P. A.

Localization of a Cluster of Medieval Anchors in the Sudak Bay 35

Kovalenko V.V.

Midday Capital 41

Kozlov M. N., Zhirtueva N. S.

Historical Roots of the Old Russian Epic "The Death of Svyatogor" 50

Rybak I. V.

Anti-Religious Propaganda of the RCP (b) in the Crimean ASSR in 1918-1941 55

Savchinskiy V. E., Ilyichov A. V., Sitalo M. S.

Origin and Development of Ancient Irish Costume 60

Shendrikova S. P., Kozlov M. N.

Written and Material Evidence of the Existence of a Theater in Ancient Crimea on the Example of Chersonesus 68

Philosophical Studies

Galyas I. A.

Co-Leadership as a Model for Managing Modern World Community 74

Zhirtueva N. S.

Typology of Mystical Teachings in the Studies of Mircea Eliade 80

Mironov A. V.

Religious Unity Through Separation from Social World (Analysis of the Formation of Christian Communities in the 1st-3d Centuries) 85

Tkachenko R. V.

Aspects of Historiosophy: An Analysis on the Basis of Various Cultural Patterns 91

Deryugin P. P., Yarmak O. V., Strashko E. V., Yarmak V. E.

Human Capital: Historical Approach 96

Political Studies

Vakulova T. V.

The Confrontation Between Soviet and European Civilizations in 1939-1945 103

Garas L. N., Lebed N. I.

Features of Participation of Private Military Companies in «Hybrid Wars» 109

Garas L. N.

Specifics of Migration Processes in Modern Italy 115

Nechaev, V. D. Grishina, A. V., Kostsova, M. V.

Modern Approaches and Theories of Gender Policy: Regional Aspect (on the Example of the Great Mediterranean Region) 120

Skrebets E. V.

The Concept of «Empire» by M. Hardt and A. Negri 125

Chemshit A. A.

The Role of Personality in History: Stalin as the Commander-in-Chief 129

Shavardova E. Yu.

Political Language as a Tool for Forming the Image of a Political Leader 134

УДК 322:28/29(47)

В статье рассматриваются основные направления осуществления советской конфессиональной политики в Крыму в 1920-е гг. на примере севастопольского региона. Установлено, что партийно-государственное руководство применяло разную тактику для решения религиозного вопроса, что обуславливалось актуальными проблемами текущей общественно-политической обстановки. В условиях НЭП проводилась жесткая административная регламентация деятельности религиозных общин, продолжилась борьба с РПЦ при помощи негласной поддержки раскольниковых групп обновленческого движения. Вместе с тем некоторым конфессиям национальных меньшинств Крыма предоставлялись определенные уступки и льготы.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Крымская АССР, Севастополь, конфессиональная политика, обновленцы, национальные меньшинства, греки, крымские татары.

Р. Н. Белоглазов, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: belovr73@mail.ru

С. Н. Осиповский, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: simosip@gmail.com

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕЛИГИОЗНЫМ КОНФЕССИЯМ КРЫМА В 1920-Е ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВАСТОПОЛЯ)¹

Советская конфессиональная реформа началась в Севастополе, как и в других регионах Крыма, после завершения активных военных действий Гражданской войны, подавления очагов сопротивления бело-зеленых формирований в горнолесной местности, создания и становления новых органов власти.

К началу 1920-х гг. в РСФСР уже существовала широкая нормативно-правовая база по проведению секуляризации и регулированию деятельности религиозных организаций. В составе нескольких центральных ведомств были сформированы и действовали структуры, отвечавшие за это направление работы. Основу нового законодательства заложил «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. (далее – «Декрет об отделении...»), в развитие которого было издано большое число подзаконных актов и инструкций.

Новый политический режим приступил к проведению секуляризации, ориентируясь на определенный опыт и практики, которые уже существовали в буржуазных демократических государствах Европы. Однако правящая коммунистическая партия, руководствуясь своими атеистическими и антицерковными идейно-мировоззренческими установками, в ходе реализации конфессиональной политики стремилась также создать условия для искоренения религии из общественной жизни, ослабления и распада церковно-административных структур всех вероисповеданий. В связи с этим разрабатывались и принимались нормативные требования дискриминационного характера: религиозные организации лишались статуса юридического лица, а их собственность была национализирована.

Практическая реализация нового законодательства на территории Крыма находилась в прямой зависимости от становления и развития региональных структур власти и управления. В 1921 г. по постановлению чрезвычайного органа власти Крымского революционного комитета была создана специальная Межведомственная комиссия как главный руководящий орган по вопросу о проведении секуляризации на полуострове [5, л. 1]. Одновременно на уровне уездов создавались аналогичные

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и правительства г. Севастополя, проект «История взаимоотношений религиозных общин и органов государственной власти в Севастополе (1783-2017 гг.)» № 18-49-920003.

структуры, которые отвечали за это направление работы в пределах соответствующей административно-территориальной единицы.

Севастопольская региональная межведомственная комиссия по отделению церкви от государства (в августе 1921 г. получила название «Комиссия по религиозным делам») включала в свой состав представителей от партийно-государственных структур (райком партии, финансовый отдел, рабоче-крестьянская инспекция, подразделение Всероссийской чрезвычайной комиссии, секция по охране памятников старины и искусства), общественных организаций (комсомол, профсоюзы) и религиозных конфессий (католической, мусульманской, православной, евангелической и иудейской) [29, с. 199].

В октябре 1921 г. в Крыму было введено новое административно-территориальное деление из 7 округов, включавших 21 район с 298 сельскими советами. Одной из таких новых единиц стал Севастопольский округ, делившийся на город Севастополь и 4 сельских района: Балаклавский, Чоргунский, Любимовский и Байдарский. В ноябре 1921 г. 1-й Всекрымский учредительный съезд советов провозгласил создание Крымской АССР в составе РСФСР и принял ее Конституцию, началось формирование высших структур власти республики. В частности, был создан главный законодательный орган на время между съездами советов – Крымский центральный исполнительный комитет (далее – КрымЦИК) и правительство – Крымский совет народных комиссаров (далее – КрымСНК).

В Крымской АССР по аналогии со структурой и системой разделения полномочий в центральном аппарате управления РСФСР, приступили к учреждению административных подразделений, отвечавших за проведение конфессиональной политики. Так, в начале 1922 г. в составе Крымского Народного комиссариата внутренних дел (далее – КрымНКВД) начал действовать церковный подотдел (с апреля 1923 г. – отдел), на который было возложено руководство процессом отделения церкви от государства в республике. Одновременно при отделах управления окружных исполкомов приступили к формированию специальных церковных подотделов. Подобная практика по опыту других российских регионов доказала целесообразность и эффективность, так как для реализации соответствующих нормативно-правовых актов на местах только данный наркомат имел в подчинении разветвленный аппарат структур исполнительной власти.

На основании представленных КрымНКВД предложений, Президиум КрымСНК принял 21 марта 1922 г. постановление о роспуске Межведомственной комиссии по отделению церкви от государства и ее территориальных аналогов, а также ликвидации недавно созданного с похожими полномочиями VIII отдела Народного комиссариата юстиции Крыма [4, л. 15].

Одной из особенностей организационной сети конфессий в пределах Севастопольского округа было ее религиозное разнообразие, расположение почти всех мечетей в сельской местности, наличие трех православных монастырей, функционирование нескольких православных приходов с преимущественно греческим составом клира и прихожан. Представители региональных структур власти принимали во внимание эти особенности, отмечая в служебных документах, что *«местное население, отличающееся разнородностью религиозных верований, сект, толков и особой косностью, создает условия, требующие сугубо осторожного подхода в работе всех советских учреждений»* [29, с. 199].

Согласно действовавшему законодательству, верующие должны были создать группу не менее 20 человек, которая имела право заключить с местным исполкомом договор на аренду культового здания и необходимого для функционирования прихода имущества. Члены «двадчатки» впоследствии должны были отвечать за сохранность арендуемой собственности, уплату налоговых и страховых сборов, проведение ремонтов, наем служителей культа, заключение сделок частногоправового характера. Единственным источником поступления денежных средств разрешался сбор добровольных пожертвований (складчина). Заключение такого договора считалось обязательным условием для нормализации деятельности конфессиональных общин и их отношений с органами власти, поэтому исполкомы должны были сконцентрировать внимание на их скорейшем юридическом оформлении.

В 1922 г. севастопольским органам исполнительной власти не удалось приступить к планомерному и систематическому осуществлению «Декрета об отделении...», так как на полуострове начался массовый голод, который потребовал напряжения всех сил государственного аппарата для ликвидации этого бедствия. Составной частью соответствующих мероприятий советское руководство объявило кампанию по изъятию церковных и монастырских ценностей, оказавшую большое влияние на дальнейший ход формирования государственно-конфессиональных отношений, как в Крыму и Севастополе, так и на общероссийском уровне.

Летом и осенью 1921 г. в России и на Украине начался голод, который охватил, по разным оценкам, от 13 до 40 млн. человек. Крымский полуостров, в том числе стал одним из регионов, пораженных этой гуманитарной катастрофой. Первые ее признаки появлялись уже в августе 1921 г., а

в сентябре-октябре в Крыму началась массовая смертность. Лишь с декабря 1921 г. руководство республики стало принимать меры по оказанию помощи населению, когда по постановлению Президиума КрымЦИК была образована Центральная республиканская комиссия помощи голодающим.

В этих сложнейших условиях местные органы власти приступили к осуществлению декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 г. «Об изъятии церковных ценностей». В начале марта 1922 г. при КрымЦИК была образована специальная комиссия по этому вопросу под председательством члена Президиума КрымЦИК А. Н. Елагина, началось формирование аналогичных структур в округах в составе председателя исполкома, начальника местной комиссии помощи голодающим и уполномоченного рабоче-крестьянской инспекции. Изъятия предполагалось осуществлять по инвентарным описям учета имущества, составленным до 1917 г., в присутствии членов религиозной общины. Внимание сотрудников госаппарата обращалось на принятие мер по предотвращению возможных происшествий и недоразумений [3, л. 61].

Кроме конфискации ценностей, кампания, как известно, преследовала и ряд политических целей: инспирировать очередную волну репрессий против Русской православной церкви (далее – РПЦ), отнесенной властями к наиболее реакционной и контрреволюционной части общества, продолжить дискредитацию духовенства, обвинив его в нежелании оказать помощь голодающим, поддержать внутрицерковный раскол с целью ликвидации организационной структуры РПЦ. Именно в период борьбы с голодом о себе широко заявили представители так называемого обновленческого церковного движения, которые декларировали лояльность советской власти, необходимость добровольно передать ценности в пользу голодающих и проведения церковных реформ (переход на новый календарь, введение женатого епископата, второбрачие для духовенства и т. д.).

Как и в других регионах России, среди духовенства нашлись как сторонники, так и противники изъятий ценностей. На позицию священнослужителей в этот момент влияло несколько факторов: формы и методы местных органов власти по проведению конфискаций, настроение верующих, отношение к посланию патриарха Московского и всея России Тихона (Белавина) от 28 февраля 1922 г., который назвал соответствующий декрет советской власти «актом святотатства» и запретил, исходя из канонических требований, добровольную передачу предметов, использовавшихся при богослужении.

В Севастополе окружной исполком уже 4 марта 1922 г. рекомендовал севастопольскому благочинному протоиерею П. В. Пересыпкину выступить с воззванием к клиру и верующим о необходимости жертвовать ценности для помощи голодающим. Севастопольское духовенство после предварительного совещания, которое продолжалось нескольких часов, приняло следующее решение: *«Выпустить воззвание с призывом об оказании активной помощи всем голодающим без различия вероисповедания, которое с разрешения исполкома поместить в местных газетах, а настоятелей церквей просить созвать приходские советы и убедительно предложить им принять меры и усилить помощь голодающим пожертвованием церковных ценностей и обратиться к молящимся об оказании помощи своими личными средствами. Сознавая, что право распоряжаться церковным имуществом принадлежит епископам (апостольское правило 38–40), мы все же осмеливаемся постановить противное, так как к этому вынуждают нас современные, не терпящие отлагательства обстоятельства – голод, смерть наших сограждан»* [35, с. 156].

После массового террора, проведенного различными силовыми структурами на полуострове в конце 1920 – 1921 гг., бессмысленность открытого сопротивления была очевидна для многих представителей клира и мирян. В этом отношении в Крыму не возникло активного организованного противодействия конфискациям, как в некоторых других регионах России, приводившего к столкновениям с армейскими и полицейскими подразделениями, сопровождавшимися человеческими жертвами.

В ходе кампании у церквей изымали чаши и предметы из драгоценных металлов, которые использовались при богослужении, что справедливо воспринималось клиром и мирянами как кощунство и поругание святынь. В этих условиях некоторые представители духовенства и прихожан, руководствуясь убеждениями своей христианской совести, стремились спасти соответствующие предметы от святотатства, пытаясь спрятать их за пределами храма. Подобного рода действия с формально-юридической стороны считались преступлением, которое власти, поставившие православных верующих и представителей других конфессий по сути в безвыходное положение, цинично интерпретировали как организацию «лжеограблений». По данным Ю. А. Катунина, в Крыму было выявлено 15 таких случаев [28, с. 90].

На территории Крымской АССР начались аресты и вынесение приговоров скорыми на расправу советскими чрезвычайными судами по фактам попыток спасти от конфискации ценности. В частности, 19 марта 1922 г. севастопольскому благочинному протоиерею П. В. Пересыпкину

городской революционный трибунал предъявил обвинение в сокрытии описей учета церковного имущества и его хищениях (в 1923 г. оставался на свободе и продолжал выполнять обязанности настоятеля Покровского собора) [35, с. 157].

Органы власти Крыма провели кампанию по изъятию ценностей достаточно организованно в течение марта-июля 1922 г. Количество конфискованных вещей в различных церквях и храмах Севастополя заметно отличалось. Больше всего имущества в виде изделий из серебра было изъято из православных монастырей, что в весовом измерении составило следующие цифры: Херсонесский монастырь Св. Владимира – 2 пуда, 27 фунтов, 62 золотника; Инкерманский монастырь Св. Климента – 1 пуд 60 золотников; Балаклавский монастырь Св. Георгия – 2 пуда, 18 фунтов, 21 золотник [7, л. 37]. Общий объем ценностей, которые удалось забрать из культовых зданий города, составил около 23 пудов, 26 фунтов, 02 золотника, 06 десятин серебра и 11 золотников 08 долей золота [7, л. 37].

Всего из Крыма по итогам кампании было отправлено в Государственное хранилище ценностей РСФСР 1 фунт 29 золотников 25 долей изделий из золота, 140 пудов 9 фунтов 70 золотников серебряных изделий, 23 золотника 38 долей жемчуга, 123,25 карата драгоценных камней [6, л. 49].

Антицерковная по своему замыслу кампания преследовала, кроме чисто утилитарных, политические и агитационно-пропагандистские цели. В связи с этим итог ее результатам был подведен в ходе широко освещаемого в печатных СМИ судебного процесса над активными участниками так называемой церковной контрреволюции. Редактор крымской газеты «Вестник» Голдобин писал по этому поводу: *«Все обвиняются в сокрытии ценностей. Активном и пассивном сопротивлении изъятию, в возбуждении верующих против соввласти»* [25, л. 114].

В ноябре 1922 г. в Симферополе проходили открытые судебные заседания по делу «церковников», в ходе которых к ответственности было привлечено 73 человека (представители православного, армяно-григорианского, католического духовенства, церковные сторожа, монахи и монахини, прихожане), включая архиепископа Таврического и Симферопольского Никодима (Кроткова). Правящего епископа обвиняли в попытке спрятать ценности архиерейской домашней церкви и распространении по епархии негласных указаний о сопротивлении конфискациям церковного имущества. Большинство из участников процесса получили различные сроки тюремного заключения, некоторые были оправданы. Епископа Никодима осудили на 8 лет лишения свободы (в 1923 г. амнистирован).

В феврале 1923 г. в Севастополе по аналогичному обвинению (сокрытие ценностей) был арестован настоятель Балаклавского монастыря Св. Георгия иеромонах Ипполит (Андрощук). Руководство Севастопольского окружного отдела Крымского политического управления (далее – ГПУ Крыма) предавало этому делу на региональном уровне особое значение. В частности, начальник секретной части севастопольского подразделения ГПУ Крыма Антонов, обратился к председателю окружного исполкома Афанасьеву со служебной запиской по поводу необходимости приостановить процесс закрытия и ликвидации Георгиевского монастыря, так как факт привлечения к ответственности иеромонаха Ипполита, как главы еще действующей монастырской общины, мог иметь большее значение с информационно-пропагандистской точки зрения для дискредитации православного духовенства [29, с. 180-181].

В 1923 г. для местных органов исполнительной власти Крымской АССР приоритетным направлением работы в области секуляризации было закрытие и ликвидация домашних молитвенных помещений, культовых зданий, находившихся под одной крышей с государственными учреждениями и монастырями. Однако чиновники структур исполнительной власти Севастополя предпочли в этом вопросе, прежде всего, следовать «пожеланиям» чекистов. В частности, на запрос церковного подотдела КрымНКВД в середине 1923 г. по поводу отсутствия результатов работы на соответствующем участке Севастопольский окружной исполком ответил следующее: «Отдел управления сообщает, что еще ни 1 монастырь и ни 1 церковь не ликвидированы. После окончания процесса над служителями Георгиевского монастыря будет немедленно приступлено к ликвидации всех монастырей и требуемое будет выполнено» [10, л. 230].

Судебная расправа над иеромонахом Ипполитом состоялась в начале января 1924 г., когда в Севастополе выездное заседание Главсуда Крыма признало настоятеля монастыря и еще нескольких монахов виновными в хищении имущества. Приведенные факты являются примером того, что подлинное содержание советской конфессиональной политики в 1920-е гг. было нередко отражено в секретных документах и негласных указаниях спецслужб, которые могли вступать в противоречие даже с действующей нормативно-правовой базой.

В течение 1923 – 1924 гг. в Крыму реализовывалась очередная административная реформа, в ходе которой был ликвидирован республиканский НКВД, а большая часть его полномочий передана в Центральное административное управление Крымской АССР (далее – ЦАУ Крыма), созданное при

КрымСНК с одновременным подчинением Центральному административному управлению НКВД РСФСР [12, л. 21]. В сферу компетенции этой новой структуры, в том числе входил вопрос о проведении конфессиональной реформы, так как в состав отдела общеадминистративного надзора ЦАУ Крыма был включен центральный церковный отдел упраздненного КрымНКВД.

Вместе с тем в республике учреждалось новое административно-территориальное деление, в соответствии с которым Севастопольский округ преобразовывался в одноименный район (города Балаклава и Севастополь, около 200 населенных пунктов, численность населения около 84 000 человек [33, с.112]). При административном отделе районного исполкома также функционировал региональный церковный подотдел (в мае 1925 г. переименованы в столы религиозных культов), находившийся в подчинении указанного подразделения ЦАУ Крыма.

В апреле 1923 г. была опубликована совместная инструкция НКВД и Народного комиссариата юстиции РСФСР «О порядке регистрации религиозных обществ и выдаче разрешений на созыв съездов таковых», которая позволила легализовать в правовом пространстве традиционные органы конфессионального самоуправления разных вероисповеданий (муфтиат, епархиальное управление и т. д.). В соответствии с новым нормативно-правовым актом верующие и духовенство могли создавать, кроме «двадцаток», еще один вид конфессиональных организаций численностью не менее 50 человек, получивших официальное название – религиозные общества. Такая структура могла руководить деятельностью нескольких приходов в масштабах района или всего региона, проводить съезды, формировать постоянно действующие органы управления, заключать договоры на аренду культовых зданий и соответствующего имущества, принимая на себя все вытекающие из этого права и обязанности.

Лучше организованные и более многочисленные религиозные общества вызывали повышенное внимание со стороны органов власти, поэтому регистрация их уставов, а также последующий контроль за деятельностью был возложен на территориальные органы милиции. К примеру, собрание общины могло проходить только в присутствии участкового надзирателя, который в дальнейшем направлял письменный отчет о мероприятии в районное управление органов внутренних дел и ГПУ Крыма. В течение 1925 г. в Крымской АССР было взято на учет 73 религиозных обществ православной и 77 мусульманской конфессий [12, л. 23].

В августе 1925 г. Президиум КрымЦИК принял постановление о создании Центральной комиссии по церковным вопросам (в 1930-е гг. переименована в Постоянную комиссию по вопросам культов при КрымЦИК) в ставе председателя КрымЦИК В. Ибраимова, начальника ЦАУ Крыма Я. Т. Лаубе, начальника ГПУ Крыма А. И. Торопкина, а также нескольких беспартийных лиц немецкой и крымско-татарской национальности [31 – 1925. – 2 сент.; 13, л. 4]. На комиссию возлагалась функция контроля за реализацией законодательства о религиозных организациях на территории Крымской АССР. Особую актуальность это приобретало в отношении соблюдения нормативных процедур и правил ликвидации культовых зданий, которыми местные исполкомы нередко пренебрегали или трактовали их настолько произвольно, что в течение 1923 г. в некоторых регионах Крыма сеть приходов многих конфессий оказалась на грани полного уничтожения. После получения такого негативного опыта был утвержден новый процедурный порядок, когда закрытие храма приобретало юридическую силу только после рассмотрения всех материалов по этому делу, подготовленных местным исполкомом, указанной выше Центральной комиссией, а само решение впоследствии утверждалось Президиумом КрымЦИК.

Основная работа по проведению учета культовых зданий, религиозных общин и оформлению договоров на передачу верующим храмов и имущества была проведена в Севастопольском районе в течение 1924 – 1925 гг. По данным Севастопольского исполкома, в конце 1925 г. на территории непосредственно города числилось на учете 33 культовых здания, 24 группы верующих (12 православных, 1 католическая, 1 лютеранская, 4 иудейских, 1 мусульманская, 1 армяно-григорианская, 1 караимская, 1 адвентистская, 1 евангелическая, 1 баптистская). Кроме того, было зарегистрировано 24 религиозных общества («пятидесятки»), которые по конфессиональной принадлежности соответствовали указанному выше составу действующих приходских общин [27, л. 11].

В сельской местности эти показатели выглядели следующим образом: на 45 всего учтенных культовых зданий приходилось 36 групп верующих (12 православных, 24 мусульманских) и 32 религиозных общества (8 православных, 25 мусульманских) [27, л. 11].

В соответствии с требованиями действовавшего законодательства в 1924 – 1925 гг. в регионе проходил процесс ликвидации домашних молитвенных помещений, храмов, находившихся под одной крышей с государственными учреждениями, монастырей. Кроме того, нормативно-правовая база давала возможности для закрытия и перепрофилирования практически любого культового здания в случае острого недостатка помещений для жилищных, санитарно-медицинских, культурно-

просветительских целей, а также по причине многочисленных требований трудящихся, выраженных в форме коллективных постановлений и заявлений различного рода собраний, съездов и т. п. [8, л. 101].

В середине 1920-х гг. такая практика в Севастополе уже имела несколько precedентов. К примеру, по ходатайству железнодорожных рабочих в 1924 г. была закрыта и переделана под клуб церковь Феодосия Черниговского, построенная около вокзала в 1902 г. На основании заявлений рабочих еврейской национальности прекратила действовать также в 1924 г. синагога Файнберга (ул. Гоголевская), здание которой передали под завод зоотехники. По инициативе отдела народного образования была закрыта церковь Живоначальной Троицы (ул. Восставших), в которой разместилась школа-интернат [36].

Свою лепту в этот процесс внесла и администрация Севастопольского исправительного дома (городская тюрьма), которая инициировала обращения по поводу ликвидации тюремного храма Николая Чудотворца (ул. Херсонесская), где в дальнейшем был расположен клуб данного пенитенциарного учреждения.

Не могло не заявить о своих интересах и военное ведомство, на территории которого оставалось несколько храмов, подчинявшихся при монархии обер-священнику армии и флота. По ходатайству военных, были закрыты также в 1924 г. церкви Иоанна Воина (Артиллерийские казармы) и Николая Чудотворца (казармы Брестского полка), где соответственно были обустроены общежитие для краснофлотцев и артиллерийский склад.

Культовое здание, которое не было взято в аренду группой верующих, подлежало закрытию и использованию для других целей. В 1924 г. подобное решение было принято по поводу часовни Покровского собора Николая Чудотворца (ул. К. Маркса) и часовни Федоровской иконы Божьей матери (пл. Ластовая), которые в течение нескольких лет были разобраны на стройматериалы.

Юридическое оформление закрытия православных монастырей растянулось на несколько лет, так как возникал круг проблем, связанных с использованием не только их храмов, но и обширной территории с подсобными помещениями и другим имуществом. В этом отношении более последовательно и оперативно решился вопрос с монастырем Св. Владимира на Херсонесе, собственность которого была передана первоначально в ведение отдела социального обеспечения районного исполкома, а позднее – Херсонесскому музею. В силу этой причины монастырские храмы (Владимирский собор, церковь Семи Священномучеников Херсонесских, Корсунская церковь) уже в середине 1920-х гг. были закрыты и использовались как музейные помещения [36].

На основе национализированной собственности Балаклавского монастыря Св. Георгия был создан совхоз, который в 1923 г. из ведения Народного комиссариата земледелия был передан Севастопольскому курортному управлению. На базе Инкерманского монастыря Св. Климента была создана также сельскохозяйственная артель. Однако на территории бывших монастырей оставались действующие храмы, взятые верующими в аренду. В частности, в Инкермане по договору общине передали в пользование все 7 монастырских церквей и 1 часовню, из которых фактически функционировали только храмы Св. Климента и Св. Троицы. В Балаклаве арендные договоры были оформлены на церкви Св. Георгия и Св. Троицы [17, л. 5].

В августе 1926 г. по представлению Центральной церковной комиссии Крыма Президиум КрымЦИК юридически утвердил ликвидацию обоих монастырей и постановил передать их жилые помещения и постройки Севастопольскому отделу местного хозяйства для эксплуатации [9, л. 46].

Структура и полномочия органов исполнительной власти на местах позволяла обеспечить тщательный контроль за деятельностью религиозных общин, функционирование которых подвергалось мелочной регламентации. Все вопросы создания конфессиональных организаций (групп верующих или религиозных обществ) и их легализации, надзор за выполнением взятых на себя по договору аренды обязательств находились в компетенции районных столов религиозных культов, действовавших в тесном взаимодействии с милицией и ГПУ Крыма. В связи с этим при подборе кадров начальников этих административных подразделений предпочтение отдавалось бывшим сотрудникам советских спецслужб.

В первой половине 1920-х гг. наиболее закрытой от общества стороной конфессиональной политики, непосредственно курировавшейся ГПУ, были действия по дезинтеграции РПЦ путем оказания негласной поддержки сторонникам так называемого обновленчества. Это раскольническое по своей сути антицерковное движение рассматривалось властными структурами сугубо утилитарно, как инструмент дискредитации православия в России в целом.

В Крыму обновленцы не имели широкой поддержки среди мирян, но смогли закрепиться на полуострове благодаря помощи со стороны органов власти. Главным руководящим центром их движения стало созданное осенью 1922 г. во главе с обновленческим епископом Петром (Рождественским) Таврическое епархиальное управление (далее – ТЕУ) в Симферополе [20, л. 24

об.], которое подчинялось главной организации раскольников – Высшему церковному управлению (г. Москва) «Живой церкви» и объявило себя единственной законной властью в епархии. Формальным основанием для такого позиционирования обновленцев были аресты и высылка архиепископа Никодима (Кроткова) и викарного епископа Сергия (Зверева), что разрушило на несколько лет систему централизованного управления приходами РПЦ в регионе.

Во второй половине 1923 г. Крымский областной комитет РКП(б) (далее – Крымский ОК РКП(б) / ВКП(б)) подготовил и направил в окружные комитеты партии специальное письмо под грифом «Секретно», составленное начальником ГПУ Крыма С. Ф. Реденсом и комиссаром КрымНКВД Б. С. Шведовым, с характеристикой целей, задач, форм и методов проведения политики по отношению к РПЦ, возглавляемой патриархом Тихоном (Белавиным). В силу данного обстоятельства на слэнге партийно-государственных чиновников 1920-х гг. каноническая патриаршая церковь получила название тихоновской. В указанном документе, в частности, говорилось следующее: *«Будущему обществу никакая церковь уже не нужна, но в данный момент, когда церковь начала разлагаться, мы должны ускорить этот процесс, используя для этой цели обновленческое движение. <...> Наша работа должна сводиться к негласной поддержке обновленцев в своей борьбе против реакционного духовенства, путем передачи под законным предлогом в их ведение храмов, часовен и источников церковных доходов, подрывая этим экономическую основу существования черносотенного духовенства. Облегчить обновленцам передвижение с агитационной целью и связь с Симферополем. <...> Свои действия необходимо координировать с действиями ГПУ на местах, которые имеют подробные инструкции и план данной работы. <...>»*

Открытая тактическая линия остается прежней: вести борьбу с религиозными суевериями, отметить в сторону все разговоры о связи Советской власти с обновленцами, использовать все средства для дискредитации тихоновщины и временно щадить обновленцев. Когда же старые церковники будут побеждены, настанет момент ударить и по их преемникам – обновленцам» [20, л. 25].

Севастополь в 1923 г., по оценке указанных функционеров госаппарата, стал одним из центров распространения обновленчества, что было связано с переходом в подчинение ТЕУ севастопольского викарного епископа РПЦ Александра (Раевского), который в апреле 1923 г. возглавил обновленческую кафедру Таврической епархии (покаялся в 1924 г. и вернулся в РПЦ). Однако желаемое развитие ситуации явно выдавалась за действительное, так как насаждать раскол в городе приходилось при помощи тех же методов репрессий, ущемления прав, запугивания клира и мирян, негласной поддержки обновленцев, как и в других регионах Крыма.

В январе 1924 г. ЦАУ Крыма издало специальный циркуляр № 114/с, в котором предписывалось прекратить *«<...> регистрации вновь возникающих религиозных обществ реакционного направления впредь до особого распоряжения ЦАУ и производить регистрацию вновь возникающих религиозных обществ нового направления»* [11, л. 3]. Фактически речь шла о введении нормативного запрета на легализацию общин патриаршей церкви.

В апреле 1924 г. Севастопольский отдел ГПУ Крыма арестовал причт Петропавловской церкви (Городской холм) за поминование во время службы имен членов бывшей царской семьи Романовых. Соответствующий договор об аренде храма был аннулирован, а церковь передали обновленческой группе верующих («двадцатке»). Однако уже в начале мая 1924 г. в специальной информационной сводке о состоянии Севастопольского района чекисты были вынуждены констатировать, что после появления в культовом здании раскольников *«<...> прихожане перешли в другие тихоновские церкви – посещаемость резко сократилась»* [24, л. 4 об., л. 7].

Новый обновленческий архиерей в Крыму Алексей (Замараев), назначенный в 1924 г., организовал в марте 1925 г. так называемый III епархиальный съезд, который принял постановление о создании Крымской автономной церковной митрополии в составе трех епархий: Симферопольской под управлением митрополита, Севастопольской и Керчь-Феодосийской [14, л. 68].

По данным ЦАУ Крыма, на 10 октября 1925 г. на полуострове было 64 патриарших и 59 обновленческих приходов, подчиненных созданному вместо ВЦУ «Живой церкви» так называемому Священному синоду Православной Российской церкви (далее – обновленческий Синод), 1 приход Союза древлеапостольской церкви (одна из обновленческих групп) и 14 автокефальных православных храмов и молитвенных домов [12, л. 21-22].

Созданная Алексием (Замараевым) Крымская митрополия, используя свой автономный статус, в вопросах церковных реформ стала на позицию обновленцев Украины, которые отложили их проведение до обсуждения на Вселенском соборе. Это означало непризнание тех новшеств (женатый епископат, второбрачие для духовенства и т. д.) обновленческого Синода, которые вызвали наиболее острое неприятие у верующих Крыма. Однако даже такая разумная мера не позволила раскольникам

расширить базу своей поддержки на полуострове, где большая ортодоксальная часть мирян продолжала воспринимать их как еретиков и агентов советских спецслужб.

На рубеже 1926 – 1927 гг. распределение православных приходов Севастополя по церковной юрисдикции складывалось в целом не в пользу обновленцев. По данным ЦАУ Крыма, непосредственно на территории города было всего 5 обновленческих (Покровский собор / ул. К. Маркса /, церковь Архистратига Михаила / ул. Ленина /, Петропавловская церковь / Городской холм /, церковь Всех Святых / городское кладбище /, церковь Вознесения Господня / Северная сторона /) и 3 староцерковных (РПЦ) прихода (церковь Христа Спасителя / больничный храм, ул. Херсонесская /, Митрофановская церковь / Корабельная сторона /, Николаевская церковь / Братское кладбище /). Кроме того, было 3 автокефальные церкви (Владимирский собор / Городской холм /, Адмиралтейский собор Св. Николая / ул. Ленина /, Александро-Невская церковь / Корабельная сторона /), которые не подчинялись какому-либо церковно-административному центру, но фактически по каноническим вопросам находились на позиции патриаршей церкви [15, л. 26].

В Инкермане 2 действовавшие церкви закрытого монастыря находились в руках обновленцев, но приходской храм Всех скорбящих Радость оставался в юрисдикции РПЦ. Обновленческими были также 2 церкви бывшего Георгиевского Балаклавского монастыря.

Одной из особенностей конфессиональной ситуации в Крыму в 1920-е гг. стало создание в 1925 г. особого благочиннического округа греческих приходов, перешедших в подчинение Константинопольского патриархата. В связи с этим соответствующие церкви числились как автокефальные, однако, их миряне и клир, преимущественно этнические греки, по вопросу о внутрицерковных реформах оставались на позициях жесткой ортодоксии, что давало основание считать их сторонниками канонической патриаршей церкви. На территории Севастопольского района было 4 таких прихода (Севастополь – церковь Трех Святителей / ул. Артиллерийская /, Балаклава – церковь Св. Николая, Петропавловская церковь, храм Воздвижения Креста Господня) [15, л. 26].

В сельской местности в деревнях Комары, Карань и Кадыковка православные храмы находились под управлением обновленцев, а в поселке Скеля церковный приход был автокефальным.

Несмотря на административный прессинг со стороны властей, в Севастополе оставалась широкая база поддержки РПЦ. В частности, в 1926 г. духовенство и верующие патриаршей церкви города предприняли попытку восстановить управление приходами, нарушенное после перехода к обновленцам в 1923 г. благочинного протоиерея П. В. Пересыпкина с клиром Покровского собора, через выборы нового состава совета и главы Севастопольского благочиннического округа. Так, настоятель храма Христа Спасителя при городской больнице протоиерей С. П. Богоявленский обратился в стол религиозных культов Севастопольского исполкома с заявлением о разрешении проведения 20 сентября 1926 г. в своем храме соответствующего собрания [15, л. 83].

Исходя из существовавшей практики согласования своих действий по поводу РПЦ со спецслужбами, исполком направил в местное подразделение ГПУ Крыма запрос, на который получил следующий ответ: *«Созыв собрания духовенства и представителей ее тихоновских церквей г. Севастополя мы считаем нежелательным, поэтому просим под благовидным предлогом разрешение Богоявленскому не давать»* [15, л. 83].

Однако восстановление централизованного управления приходами РПЦ в Крыму продолжалось. В ноябре 1927 г. приходские советы автокефальных Владимирского и Никольского соборов приняли постановление о переходе в подчинение Временного патриаршего Священного синода, созданного в мае 1927 г. при заместителе патриаршего местоблюстителя РПЦ митрополите Сергии (Старгородском). В декабре 1927 г. церковный совет автокефального прихода Александро-Невской церкви принял аналогичное решение. Непосредственным поводом для этого стало назначение на крымскую кафедру руководством РПЦ епископа Александра (Трапицына), что означало восстановление законной церковной власти в Крыму [15, л. 123, 124].

После 7 лет разнообразных репрессий против духовенства и верующих, изоощренных попыток уничтожить каноническую церковь руками спецслужб, региональное партийно-советское руководство было вынуждено признать фиаско своей «церковной политики». В специальном докладе «О состоянии религиозного движения по Севастополю» в начале 1928 г. районный комитет ВКП(б) констатировал усиление позиций РПЦ в городе: *«Приезд в Крым тихоновского епископа с правами правящего епархией подтолкнул события и нейтраллисты открыто заявили о своем переходе. Этот переход немногим усилил тихоновское течение, но на первых порах создал психологический эффект торжества тихоновины»* [23, л. 32].

Большинство мирян Севастополя посещали храмы патриаршей церкви. Некоторые из них считали, не принимая во внимание принципиальные различия, что раскол необходимо преодолеть на основе объединения всех церквей. На уровне духовенства противоречия носили острый непримиримый характер. Обновленческий клир подвергался также моральному порицанию со

стороны ортодоксальной части верующих, которые называли его представителей «живистами» и «безверниками», в отдельных случаях, не ставя в известность священников-обновленцев, собирали подписи за возвращение своих приходов в РПЦ.

Без помощи властных структур сторонники «Живой церкви» и других раскольничьих групп были обречены на то, чтобы превратиться в Крыму и Севастополе в маргинальную общину, лишенную широкой поддержки прихожан. В конце 1920-х гг., выбрав окончательно жесткий курс на полное искоренение религии в СССР, партийно-государственное руководство обрушило репрессии на все церковные течения, независимо от их особенностей и общественно-политической ориентации.

Специфика проведения конфессиональной политики в Крымской АССР в 1920-е гг. во многом определялась многонациональным составом населения республики, где на территории около 26 тыс. кв. км. в указанный период проживали представители более 26 национальностей общей численностью около 700 тысяч человек.

После преодоления массового голода в Крыму постепенно началась общественно-политической стабилизация, связанная с проведением курса новой экономической политики (далее – НЭП), ориентированной во многом на крестьянство. Последнее обстоятельство оказало большое влияние и на дальнейшее развитие государственно-конфессиональных отношений, что было следствием высокого уровня религиозности среди жителей сельской местности. В связи с конъюнктурными изменениями внутренней политики советское руководство в середине 1920-х гг. считало возможным временно отказаться от грубого административно-репрессивного давления на религиозные общины.

Вместе с тем в контексте ожидаемого расширения международного революционного движения, особенно в регионах Азии, большевики пытались проводить тактически гибкую политику по отношению к национальным меньшинствам, что имело значение для расширения и укрепления социальной базы советского режима в таких регионах как Крым. Особую актуальность это приобретало применительно к крымским татарам, а также другим относительно многочисленным этническим общинам полуострова.

В условиях Севастопольского района специфика подходов к религиозным меньшинствам также нашла свое применение, что было выражением общекрымских тенденций и процессов в области регулирования деятельности религиозных организаций. Наиболее отчетливо это было продемонстрировано на примере греков и крымских татар.

В Крыму в 1920-е гг. проживало около 16 тысяч греков [34, с. 4] (в Севастопольском районе – около 4 тысяч, непосредственно в городе – около 2 тысяч) [33, с. 112]. Религия в их жизни играла значительную роль, так как церковный приход являлся консолидирующим центром для всей общины. Всего на территории Крымской АССР было 12 действовавших греческих церквей и 6 религиозных обществ [16, л. 31]. Настоятелями соответствующих храмов были священники из числа этнических греков, которые проводили церковные службы на родном языке. Национальная однородность клира и прихожан, а также раскол внутри РПЦ, спровоцированный обновленцами, побудили крымских греков к автокефализации своих приходов в первой половине 1920-х гг.

В июне 1925 г. в Симферополе состоялся съезд религиозных обществ греков Крыма, на котором было объявлено о переходе их церквей в подчинение патриарха Константинопольского Василия III. Органом конфессионального самоуправления был избран Благочиннический совет, который возглавил настоятель севастопольского храма Трех Святителей, благочинный архимандрит Г. Г. Вукунус. В силу последнего обстоятельства главным центром нового церковно-административного образования стал Севастополь.

В определенной степени такой подход был традиционным для Таврической епархии РПЦ, где при Российской империи греческие приходы были также объединены в особое благочинническое округе, однако, находившемся в подчинении правящего епископа. В условиях 1920-х годов принципиальным моментом стало изменение церковной юрисдикции вследствие политических причин, связанных с желанием дистанцироваться от церковного раскола и конфликтных аспектов отношений РПЦ с государством. В частности, архимандрит Г. Г. Вукунас обосновал эту позицию следующим образом: «<...> будучи лояльными по отношению к местным гражданским Властям Крыма, смотрим на разделение Русских Церквей, <...>, как на внутреннее семейное дело их поэтому наша община, не желая совсем вмешиваться в чужие церковные дела держит низменный церковный нейтралитет <...>» [16, л. 42].

Властные структуры Крымской АССР до определенного момента не препятствовали деятельности греческих церковных приходов, не применяли к ним репрессивных санкций или ограничений. Однако в 1927 г. отношение к автокефальным общинам стало меняться в худшую сторону в связи с тем, что в соответствующих церковных советах («двадцатках») преобладали представители зажиточных слоев, имевшие преимущественно греческое гражданство. Эти факты

давали основание видеть в религиозных организациях греков оплот классового врага и центр распространения антисоветского влияния из-за рубежа. Такой подход был отражением общегосударственных тенденций, обусловленных стремлением отстранить иностранцев от участия в управлении конфессиональными общинами и ограничить их возможности по идеологическому влиянию на население.

28 февраля 1927 г. Президиум ВЦИК выпустил циркуляр под грифом «Секретно», согласно которому иностранно-подданные не имели права возглавлять или обслуживать религиозные организации, заниматься соответствующей пропагандой [18, л. 5]. В исполнение этого постановления ЦАУ Крыма в апреле 1927 г. разработало специальную инструкцию, согласно которой священнослужители без советского гражданства не могли заниматься отправлением религиозного культа, иностранцам также было запрещено являться членами групп верующих или религиозных обществ, принимать участие в их работе.

В первую очередь эти санкции затронули греческую общину Крыма, среди которой был значительный процент лиц с гражданством Греции. В частности, из 301 активного прихожанина в Севастополе, только 9 имели советские паспорта [19, л. 3]. С целью защитить свое право на свободную деятельность приходов и духовенства крымские греки обратились за помощью к дипломатическому посланнику Греции в Москве, который в октябре 1927 г. направил по этому вопросу в Народный комиссариат иностранных дел СССР официальное письмо.

Учитывая, что вопрос стал приобретать нежелательный международный резонанс, органы власти допустили возможным пойти на отсрочку выполнения соответствующих требований на один год, предполагая, что в течение этого времени церковная община должна была найти замену своему клиру. Однако этот компромисс принципиально не менял ситуацию, так как подобрать священнослужителей со знанием греческого языка с советским гражданством не представлялось возможным по причине их почти полного отсутствия [19, л. 10]. Представители национального духовенства после фактически насильственного отстранения их от выполнения своего служения предпочитали переехать в Грецию. В частности, одними из первых так поступили архимандрит Е. Тайганиди, протоиерей Г. Попандопуло, иерей К. Мавроматиди и в дальнейшем архимандрит Г. Г. Вукунас [1].

Ситуация с греческими приходами продемонстрировала, что по мере усиления тенденций по формированию тоталитарного государства, советское руководство стремилось к унификации конфессиональной политики, лишая религиозные общины национальных меньшинств тех преимуществ, которые из конъюнктурных соображений были предоставлены им в начале реализации НЭП. В полной мере это проявилось и на примере самого многочисленного крымско-татарского этнического меньшинства, исторически составлявшего основу для развития ислама в Крыму.

По данным всесоюзной переписи 1926 г. в Крымской АССР проживало 713 823 человека, из которых крымских татар 179 094 (около 25%) [34, с. 5]. При этом большая часть мусульманского населения в Севастопольском районе, где в середине 1920-х гг. действовало 25 мечетей и 9 мусульманских религиозных обществ [30, с. 171], приходилась на Байдарский подрайон (около 10 тысяч человек) [33, с. 111].

В отношении крымских татар степень уступок и льгот советского руководства в Крымской АССР была наиболее широкой, что во многом определялось позицией большевиков по вопросу о желательном распространении идей социализма среди народов Турции и Ближнего Востока. В 1923 – 1925 гг. в результате проведения трех региональных съездов в Симферополе крымским татарам удалось восстановить муфтиат, получивший название Народное управление религиозных дел мусульман Крыма (далее – НУРДМК). Под эгидой НУРДМК осуществлялось централизованное руководство мечетскими приходами, развивались другие традиционные по форме и содержанию направления религиозной жизни.

Муфтиат и конфессиональные общины мусульман пользовались более широким кругом прав, чем аналогичные структуры самоуправления других конфессий, что нашло выражение в определенных исключениях из действовавшей по данному вопросу нормативной базы. В частности, мечети в сельской местности были освобождены от налогов, культовые здания мусульман, если не формировалась «двадцатка» арендаторов, не подвергались закрытию и ликвидации, правоохранные органы старались не применять репрессивные санкции в случае нарушения верующими законодательства о религиозных организациях. В частности, в переписке с руководством Крымской АССР начальник секретно-оперативной части ГПУ Крыма А. А. Арнольдов отмечал: *«<...> в отношении татарского духовенства необходимо быть весьма осторожным и проходить мимо всех явлений так тонко, чтобы давлений ГПУ на требования нацменов не были проявлены ни в коей мере»* [10, л. 414].

Немаловажной причиной, обуславливавшей именно такой подход к мусульманской конфессии в Крыму, являлось также проведение политики коренизации кадров в республике, предполагавшей широкое вовлечение в аппарат власти и управления автономии представителей крымских татар. В частности, в середине 1920-х гг. председателем КрымЦИК являлся В. Ибраимов, а главой КрымСНК О. Дерен-Айерлы, которые старались оказать поддержку своим соплеменникам в решении вопросов, связанных с деятельностью религиозных общин [2, с. 229].

В специальной информационной сводке о состоянии Севастопольского района за май 1924 г. местное подразделение ГПУ Крыма давало следующую характеристику ситуации в крымско-татарской среде: *«Религиозные предрассудки в татарской массе очень сильны. Пост строго соблюдает все население. Аналогично не замечено уклонений от исполнения религиозных обрядов при рождении, смерти, свадьбе и т.п. Процент посещающих мечети высок, особенно по пятницам (старики и средний возраст). После каждого богослужения муллы произносят напутственные речи, в которых особенно подчеркивается необходимость сохранения веры в бога и принуждения к этому молодежи. Муллы пользуются авторитетом, являясь и докторами и судьями и предсказателями будущего. Приходские советы проявляют свою деятельность только в период сбора урожая, когда они собирают «ушур», 10 % урожая»* [24, л. 9].

Местные конфессиональные общины стремились сохранить контроль над бывшей вакуфной собственностью, национализированной советской властью, передавая соответствующие земельные наделы (от 3 до 10 десятин) в пользование муллы как трудовые наделы. В некоторых случаях крестьяне арендовали эти участки, чтобы передать полученный урожай мечетскому приходу или выкупали его для использования с той же целью. Довольно широко среди крестьян проходили сборы добровольных пожертвований на религиозные нужды, предусмотренные религиозной традицией.

Самой существенной уступкой в отношении мусульман СССР в целом и Крыма в частности следует считать предоставление им права восстановить систему начального этноконфессионального образования. В частности, Инструкция НКВД и Народного комиссариата просвещения РСФСР «О преподавании мусульманского вероучения среди восточных народностей, исповедующих мусульманское вероучение», утвержденная Президиумом ВЦИК 27 августа 1925 г., разрешала организацию при мечетях специальных школ для детей (мектебе) не младше 14 лет или окончивших школу первой ступени. Учебные заведения такого плана были запрещены для всех конфессий первыми декретами и постановлениями советской власти, реализованными в Крыму в начале 1920-х гг.

В 1927 г. жителям деревни Байдары удалось построить новое здание для религиозной школы, в которой обучалось более 30 детей [22, л. 27]. Согласно действовавшим инструкциям, занятия в таких мектебе, кроме мечетей, могли проводиться в помещениях приходских сторожек, которые, в отличие от культовых зданий, можно было перестроить с учетом требований организации учебного процесса. Этот прецедент был с большим воодушевлением воспринят во многих крымско-татарских деревнях района, где крестьяне декларировали свою готовность действовать таким же образом.

Анализ информационно-аналитических документов 1924 – 1928 гг., подготовленных различными органами власти Севастополя, свидетельствует о том, что среди крымских татар, проживавших на территории региона, отмечался высокий уровень религиозности, большое влияние духовенства, а также крайне низкий примитивный уровень так называемой просветительской антирелигиозной работы. На этом фоне происходили факты диаметрально противоположного характера. Например, по данным Севастопольского райкома ВКП(б) за 1926 г., в деревне Камышлы под влиянием муллы вышли из комсомольской организации 4 человека [21, л. 36].

По мнению партийных чиновников, существенным препятствием для развития антирелигиозной работы в Крыму был многонациональный и многоконфессиональный состав населения полуострова. Языковой барьер, незнание пропагандистами обычаев и традиций национальных меньшинств, дефицит атеистической литературы затрудняли решение этой задачи. В ноябре 1926 г. Севастопольский райком ВКП(б) констатировал: *«Совсем слабо у нас ведется работа среди нацмен (греков, евреев, армян, поляков и т. д.). Партийцы не усвоили важности и необходимости ведения работы среди национальных меньшинств на их родных языках»* [32. – 1926. – 17 ноября].

В отношении развития идеологического воздействия на крымских татар начальник стола религиозных культов Севастопольского исполкома Быков высказался в 1928 г. еще более категорично: *«Касаясь магометанской веры, невольно с жалостью приходится сказать, что нами в плоскости антирелигиозной пропаганды в татарских деревнях сделано очень и очень мало <...>»* [26, л. 58].

Советское руководство в течение 1920-х гг. пришло к выводу, что не в состоянии кардинально изменить в нужном для себя направлении мировоззрение и жизненный уклад мусульманских народов, который формировался веками под влиянием религии. В связи с этим усилилась тенденция

на унификацию конфессиональной политики, что означало отказ от толерантного отношения к исламу и его последователям в СССР. В Крымской АССР в течение 1927 – 1928 гг. крымские татары постепенно были лишены всех льгот, связанных с деятельностью религиозных общин, легальные конфессиональные школы были ликвидированы. Жесткий курс на полное искоренение «религиозных предрассудков» стал проводиться в конце 1920-х гг. в отношении всех советских народов, независимо от их национальных и религиозных особенностей.

Таким образом, реализация советской конфессиональной политики на территории Крыма началась позже, чем в других регионах европейской части России, после окончания Гражданской войны в ноябре 1920 г. и преодоления длительного чрезвычайного периода, связанного со становлением органов власти Крымской АССР, ликвидацией тяжелых последствий военного времени и массового голода 1922 г.

Руководствуясь директивами и указаниями центра, властные структуры республики провели кампанию по изъятию церковных ценностей, которая стала очередным этапом эскалации конфликта между советским государством и РПЦ, и сопровождалась выборочными репрессиями против духовенства и верующих, которые коснулись представителей разных конфессий. Ситуация в религиозной сфере Севастополя не стала исключением, где конфискации затронули все церковные приходы, и, несмотря на отсутствие активного сопротивления со стороны клира и мирян, были осуществлены аресты среди православных священнослужителей.

В период начала реализации НЭП и связанной с этим социально-политической стабилизацией советское руководство изменило тактику конфессиональной политики, временно отказавшись от грубого административно-репрессивного давления на религиозные организации, сфера деятельности которых и общественного влияния была сведена до минимума при помощи механизмов мелочной административно-правовой регламентации и контроля. При этом государственное регулирование в отношении конфессиональных общин не имело правового характера, так как суть и главное содержание соответствующего политического курса было отражено в ведомственных секретных инструкциях и распоряжениях, а также в негласных указаниях и действиях со стороны спецслужб.

На фоне относительной общественной либерализации в период НЭП подверглись определенной корректировке антицерковные практики по борьбе с РПЦ, которая традиционно имела в городе широкую поддержку со стороны населения. Наиболее характерным примером этого были попытки добиться организационного распада и дискредитации в глазах верующих канонической церкви при помощи так называемого обновленческого движения, представители которого в 1920-е гг. благодаря исключительно помощи властных структур сумели закрепить свое присутствие на региональном уровне. Вместе с тем в отношении конфессий национальных меньшинств допускались определенные исключения из нормативно-правовой базы и уступки с целью привлечь их на сторону советской власти, что в условиях Севастопольского района было актуально до определенного времени применительно к грекам и крымским татарам.

Православная община Севастополя в период гонений и репрессий со стороны атеистического государства сумела проявить стойкость и мужество, сплотившись вокруг своих духовных пастырей, и отстоять в середине 1920-х гг. позиции канонической патриаршей церкви в городе, тем самым одержав моральную победу над своими гонителями и их пособниками в лице представителей раскольничьих движений.

Список литературы

1. Архимандрит Григорий (Вукунас) // Севастопольское благочиние: сайт – URL: <https://hersones.org/publication/poleznye-materialy/8346-arhimandrit-grigoriy-vukunas.html> (дата обращения 11.10.2019)

2. Белоглазов, Р. Н. Отношение органов власти Крымской АССР к мусульманскому населению в период новой экономической политики (1923-1927 гг.) / Р. Н. Белоглазов // Историческое наследие Крыма: сб. ст. / Гос. ком. по охране культ. наследия Респ. Крым – Симферополь: ООО «Антиква», 2017. – С. 226-230.

3. Государственный архив Республики Крым (далее – ГА РК), Ф. Р-151, оп. 1, д. 2.

4. ГА РК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 12.

5. ГА РК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 17.

6. ГА РК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 227.

7. ГА РК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 237.

8. ГА РК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 403.

9. ГА РК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 640.

10. ГА РК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 812.

11. ГА РК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 845.

12. ГА РК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 1124.

13. ГАРК, Ф. 663, оп. 10, д. 1126.
14. ГА РК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 1139.
15. ГА РК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 1166.
16. ГА РК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 1208.
17. ГА РК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 1442.
18. ГА РК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 1501.
19. ГА РК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 1513.
20. ГА РК, Ф. П-1, оп. 1, д. 243.
21. ГА РК, Ф. П-1, оп. 1, д. 693.
22. ГА РК, Ф. П-1, оп. 1, д. 807.
23. ГА РК, Ф. П-1, оп. 1, д. 863 б.
24. ГА РК, Ф. П-34, оп. 1, д. 13.
25. Государственный архив Российской Федерации, Р-1318, оп. 13, д. 39.
26. Государственное казенное учреждение Архив города Севастополя (далее – ГКУ АГС), Ф. Р-79, оп. 1, д. 502.
27. ГКУ АГС, Ф. Р-420, оп. 1, д. 366.
28. Катунин, Ю. А. Изъятие церковных ценностей: «де юре» и «де факто» / Ю. А. Катунин // Культура народов Причерноморья. – № 4. – 1998. – С. 86-90.
29. Катунин, Ю. А. Православие Крыма в 1917 – 1939 годах: проблема взаимоотношений с государством / Ю. А. Катунин. – Симферополь: МСП «Ната», 2002. – 416 с.
30. Кирюшко, М. І. Іслам в Криму релігійно-національна самоідентифікація кримськотатарського народу / М. І. Кирюшко, О. Є. Бойцова. – К. : Світогляд, 2005. – 300 с.
31. Красная Керчь – орган Керченского горкома РКП(б)-ВКП(б), горсовета и городского профсоюзного совета.
32. Маяк коммуны – орган Севастопольского горкома РКП(б)-ВКП(б).
33. Никитина, И. В. Административно-территориальное преобразование в г. Севастополе в 1920-1930 гг. / И. В. Никитина // Вестник Брянского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 108-113.
34. Никольский, П. А. Население Крыма / П. А. Никольский. – Симферополь: Крымгосиздат, 1929. – 16 с.
35. Протоиерей Николай Доненко Наследники царства / Протоиерей Николай Доненко. – Симферополь: Таврида, 2000. – 462 с.
36. Терещук, Н. М. История культовых сооружений Севастополя. История закрытия и возвращения культовых сооружений // Законодательное Собрание города Севастополя : сайт – URL: https://web.archive.org/web/20190129122732/https://sevzakon.ru/view/istoriya_goroda_sevastopolya/9313/12112/ (дата обращения: 27.11.2019).

Статья поступила в редакцию 20.12.2019

Beloglazov, R. N., Osipovskiy S. N. *Formation and Development of the Soviet Government Policy Towards Religious Confessions of Crimea in the 1920s (based on the materials of Sevastopol)*

The article considers the main directions of Soviet confessional policy in Crimea in the 1920s on the example of the Sevastopol region. It is established that party and state leadership used different tactics to solve a religious issue, which was due to the urgent problems of the current socio-political situation. Under NEP conditions, strict administrative regulation of the religious communities' activities was carried out, and the struggle against the ROC continued with tacit support of schismatic groups of the Renovationist movement. At the same time, some concessions and privileges were granted to certain confessions of national minorities of Crimea.

Keywords: Russian Orthodox Church, Crimean ASSR, Sevastopol, confessional policy, Renovationists, national minorities, Greeks, Crimean Tatars..

УДК 069:001.12

В статье проанализированы музейные сайты и рассмотрен опыт использования виртуальной реальности как государственными, так и общественными музеями Севастополя.

Ключевые слова: виртуальное пространство, музеи Севастополя.

Е. Е. Бойцова, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: elenaboicova@list.ru

МУЗЕИ СЕВАСТОПОЛЯ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

На современном этапе активно совершенствуются технологии позиционирования музеев в информационном пространстве. Цифровизация фондовых музейных коллекций, создание виртуальных экскурсий по экспозициям музеев, презентация в сети Интернет образовательных программ позволяют значительно расширить охват целевой аудитории, имеют большой научный, образовательный, просветительский эффект, повышают туристическую привлекательность региона.

Ряд исследователей подчеркивает, что в условиях ускоряющихся темпов информатизации перед музеями возникают дополнительные задачи, связанные с созданием информационных продуктов, таких как виртуальные музеи, а также электронные каталоги и реестры культурного наследия, доступные для самых широких слоев населения [3, с.133; 7, с. 376]. Это создает условия для создания единого информационного музейно-образовательного пространства. Появляются новые формы работы и организационно-методические разработки к ним: виртуальный музей, музейные приложения для компьютеров и смартфонов, образовательные порталы, виртуальные уроки и т. п. Обогащаются с помощью технических средств традиционные формы работы: урок в музее, экскурсии и др.

С развитием интернет-технологий на музейных сайтах стали размещать виртуальные экспозиции, а потом и виртуальные экскурсии. В настоящее время на музейных сайтах качество и объемы размещенного материала постоянно повышаются, постепенно происходит определение смысла и назначения музеев в электронной среде. Отечественные исследователи обращаются к изучению вопроса создания качественных веб-ресурсов для музеев. Виртуальные музеи, созданные такими известными российскими музеями, как: Музеи Московского Кремля, Третьяковская галерея, Русский музей, Эрмитаж, Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Музей ГУЛАГа, Воронцовский дворец и другими, оцениваются специалистами и пользователями как информативные и удобные [8, с.23].

Как справедливо отмечает А. В. Караманов, фактически в современной виртуальной информационной среде посетитель музея становится активным пользователем и социальным партнером музейного веб-пространства, встроенного в культурно-образовательный процесс и способного оказывать на него определенное влияние. На инфраструктурном уровне музей приходит к необходимости обеспечивать все более открытый доступ для всех посетителей, создавая различные «зоны комфорта», удобные для встреч и дискуссий. Коммуникационный уровень позволяет разрабатывать и внедрять музейно-педагогические программы, вовлекающие посетителей. На виртуальном — музей увеличивает доступность своих коллекций и баз данных в онлайн-режиме, создает удобные технологические платформы для совместного использования — блоги, чаты, социальные сети. При использовании возможностей свободного доступа к музейным ресурсам происходит расширение культурно-образовательной среды музея путем создания различных дополнительных ресурсов и инструментов обучения. Очевидно, что такие процессы способствуют объединению целей образования и самообразования, воспитания и самовоспитания, когда становятся непосредственными формами культурной жизни личности, способствуя развитию ее постоянной активности [4, с.106].

Л. М. Шляхтина подчеркивает, что музейно-педагогическое управление деятельностью личности может осуществляться как на дистанционном уровне, так и в процессе взаимодействия с посетителем в музейной среде. В структуре многих музейных институций как в Российской Федерации, так и за ее пределами появились отделы или секторы, деятельность которых связана с разработкой новых технологий взаимодействия с разнообразными группами посетителей музея. Среди них автор отмечает Молодежный образовательный центр Государственного Эрмитажа, Детский исторический музей в Государственном музее политической истории России, Детско-юношеской центр в Российском этнографическом музее [14, с.110].

Известные всему миру музеи города Севастополя: Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастопольский военно-исторический музей-заповедник, Военно-исторический музей Черноморского флота, Военно-исторический музей фортификационных сооружений, Севастопольский художественный музей имени М. П. Крошицкого представляют основные направления своей деятельности, коллекции, виртуальные туры и выставочные проекты на страницах официальных сайтов. В тоже время общественные музеи Севастополя, которые также обладают огромным культурно-образовательным потенциалом, пока недостаточно представлены в информационном пространстве. Типовая структура музейного сайта включает разделы с информацией о возможностях посещения музея, истории его создания, экспозициях, выставках, реже о коллекциях, образовательных программах, экскурсиях, публикациях, при этом каждый из них обладает уникальными особенностями.

Следует отметить, что на сайте Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» представлены разделы истории музея и раскопок, презентации экспозиций, с возможностью увидеть их 3D панорамы, новостной портал по основным направлениям деятельности, научные проекты и подробная характеристика культурно-просветительских программ для различных категорий посетителей [11]. Предлагаются традиционные и инновационные формы музейной коммуникации, в том числе, экскурсионные проекты с интерактивными включениями: «По древним улицам шагая...» – для дошкольников и обучающихся начальной школы, «Здравствуй, Херсонес!» – для обучающихся 3-5 классов средней школы, «От греческого алфавита до славянской письменности» – для обучающихся 6-9 классов средней школы, «Прогулки по Херсонесу» – для людей с ограниченными возможностями (инвалидов-колясочников), «Прикоснись к древности» – для людей с ограниченными возможностями (инвалидов по зрению). Для учреждений образования музей-заповедник предлагает лекционно-интерактивные занятия «Херсонес – город мастеров», «Боги и герои Херсонеса», «Образование, воспитание и спорт в древнем Херсонесе», «Как мы узнаем о далеком прошлом?». Проект «Херсонесская школа» предусматривает цикл интерактивных мастер-классов для детей, т.е. музейных занятий, состоящих из теоретической и практической частей, таких как «Археологическая песочница», «Письмо стилями», «Маски», «Роспись керамики». Предлагается отдельная программа для школьников, углубленно изучающих историю и региональное краеведение «Школа краеведа», цикл лекций-презентаций «Херсонесский гимнасий» и тематические квесты для учащихся средней школы, интерактивная программа для кадет кадетских училищ с элементами театрализации «Загадки древнего Херсонеса», цикл практических занятий для старшеклассников (волонтеров) и студентов, проходящих производственную в музее-заповеднике [11].

Значительным культурно-образовательным потенциалом обладает содержательный контент размещенных на сайте музея-заповедника «Херсонес Таврический» виртуальных выставок: «Семья и дом в Древнем Херсонесе», «Разыскивание предметов древности ради», к 130-летию начала исследований в Херсонесе Императорской археологической комиссии, «Советский туристический плакат», «Святая Русь», «Христианские святыни Алании» и др. Современные тенденции развития музейного дела позволяют ожидать, что в дальнейшем на сайте музея будет расширяться доступность коллекций и баз данных в онлайн-режиме [11].

Уникальные культурно-образовательные ресурсы содержит сайт Севастопольского военно-исторического музея-заповедника, который объединяет шесть музейных объектов, открытые экспозиции и исторические памятники, расположенные на обширной территории в разных районах города Севастополя [12]. На сайте музея-заповедника представлены материалы по истории музея и его коллекций, виртуальные туры по экспозициям объектов музея, презентация научных проектов и публикаций. Сайт знакомит посетителей с циклом культурно-образовательных программ «Музей в гостях у школы» для школьников 1-11 классов, который включает в себя чтение лекций по истории Севастополя, проведение массовых мероприятий и экскурсий по передвижным музейным выставкам. Видеоархив мероприятий на сайте музея демонстрирует методы подачи информации учащимся, их отклик на видеопрезентации, кинофильмы, фотографии, документы из фондов музея, знакомство с которыми формирует у них более глубокое понимание исторических событий. Одним из проектов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника, посвященных 75-летию Великой Победы, при поддержке Министерства культуры Российской Федерации и Российского военно-исторического общества, стал конкурс школьных музеев «Город Славы – Севастополь». Конкурс проводился в одной номинации «История одного экспоната – Реликвии Победы», в нём приняли участие команды 10 музеев учреждений образования г. Севастополя. Очный этап конкурса прошел 20 февраля 2020 года в Культурно-выставочном комплексе Севастопольского военно-исторического музея-заповедника. Все участники конкурса получили сертификаты и приглашения принять участие в работе летнего специализированного лагеря музейный «Бастион», который будет работать летом на базе Севастопольского военно-исторического музея-заповедника [12].

Кроме того, на сайте музея-заповедника представлен цикл электронных выставок, в том числе: 75-летию начала героической обороны Севастополя 1941–1942 гг. посвящена выставка «Бессмертный город нашей славы», в которой о подвиге защитников города рассказывают материалы из фондовых коллекций изобразительного, документального, вещевого, фото-негативного фондов музея. Электронная выставка «Крымская война 1853–1856 гг.: события, итоги» знакомит с документами, фотографиями, наградными знаками, памятными медалями, деталями обмундирования, вооружения русской армии и армий неприятеля, личными вещами участников войны и обороны Севастополя 1854–1855 гг., гравюрами и картинами русских и иностранных художников. Беспрецедентному трудовому героизму, давшему возможность поднять город из руин после Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. посвящены материалы обзорной выставки «Возрожденный» из фондов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника. Выставка «Севастополь – колыбель российской авиации» повествует о создании и начальном периоде деятельности Севастопольской военной авиационной школы (1910 – 1917 гг.), знакомит с документами, фотографиями, книгами, личными вещами, поступившими в музей от потомков первых летчиков: М. Н. Ефимова, К. К. Арцеулова, Г. А. Демешкана, В. С. Семенова, Э. И. Кирша; почтовыми карточками, книгами по истории авиации, полученными от З.И. Челибановой, вдовы Героя Советского Союза, летчика и коллекционера В. И. Ерошенко. Целый ряд выставок посвящен выдающимся людям, судьба которых связана с Севастополем. Материалы сайта помогают популяризовать деятельность Севастопольского военно-исторического музея-заповедника как пространства образования и воспитания [12].

Сайт Севастопольского морского Аквариума-музея при Институте морских биологических исследований приглашает посетителей совершить путешествие в увлекательный подводный мир Мирового океана. На сайте представлены общие сведения об истории музея и его коллекциях, виртуальные туры по экспозиции, уникальные научно-просветительские проекты «Тайны планеты Океан» и «Сокровища планеты Океан». Основной идеей проектов является популяризация науки и научного знания посредством мультимедийных ресурсов, выставочных залов и экспозиций на базе старейшего в России Музея гидробионтов южных морей. Проекты включают цикл интерактивных научно-просветительских учебных занятий на базе Аквариума-музея о подводном мире нашей планеты, особенностях строения, образа жизни, взаимоотношений, процессов жизнедеятельности различных групп гидробионтов, а также специфичность и отличительные черты морей и океанов Земли [9].

Сайт Севастопольского художественного музея им. М. П. Крошицкого подробно знакомит посетителей с историей создания и уникальными коллекциями музея, в том числе с документами и фотографиями о героическом спасении коллекции в годы Великой Отечественной войны директором Михаилом Павловичем Крошицким [2]. На сайте музея представлена информация о широком спектре музейных культурно-образовательных проектов и программ, разработанных с учётом возрастных особенностей посетителей. Особое внимание уделяется детской аудитории, которой адресованы обзорная и тематические экскурсии по постоянной экспозиции и временным выставкам, лекции с использованием мультимедийного оборудования, интерактивные и игровые занятия, что делают знакомство с музеем интересным и запоминающимся. Сайт музея информирует о проведении циклов занятий «Азбука искусств», «Беседы о народном творчестве», «Сказания и мифы в изобразительном искусстве», «Путешествия по древним цивилизациям», «История искусства», которые разработаны с учётом школьных учебных программ по гуманитарным предметам. Ежегодно музейные программы дополняются новыми лекциями, тематическими экскурсиями, разнообразными акциями, посвященными творчеству севастопольских художников, темам «Севастополь в изобразительном искусстве», «Героическое в искусстве» и многим другим [2].

В целом, севастопольские государственные музеи федерального и регионального уровня достаточно широко представлены в виртуальном пространстве, постепенно расширяя спектр своих медиаресурсов, однако цифровой формат презентации ресурсов общественных музеев Севастополя развивается гораздо сложнее и медленнее. Наибольшее распространение институт общественных музеев как в стране, так и в Севастополе приобрёл во второй половине 1950-х – 1980-х годах, в период «музейного бума», связанного с новыми направлениями, формами и методами идеологической, воспитательной, образовательной, культурно-массовой работы среди населения страны. Своего максимума сеть общественных музеев в Севастополе достигла к 1990 г., в городе действовало 148 учреждений такого типа, в том числе 55 ведомственных и 42 школьных музея [1].

Общественные музеи Севастополя взяли на себя в первую очередь выполнение задач, связанных с сохранением и интерпретацией историко-культурного наследия региона, являясь при этом исследовательскими и образовательными центрами. Историю развития экономики и социо-культурной сферы Севастополя, преемственности трудовых традиций стали сохранять, изучать и

транслировать такие общественные музеи, как Народный музей Севморзавода (основан в 1958 г.), музей истории троллейбусного управления (основан в 1969 г.), Народный музей истории совхоза им. С. Перовской (основан в 1970 г.), музей истории Севастопольского узла связи (основан в 1972 г.), музей трудовой славы треста «Севастопольстрой» (основан в 1973 г.), музей истории Севастопольского водоканала (основан в 1976 г.), Народный музей истории рыбной промышленности Азово-Черноморского бассейна (основан в 1981 г.), Народный музей Севастопольского академического русского драматического театра им. А.В. Луначарского (основан в 1964 г.), шесть музеев истории образования, Народный музей истории Севастопольской полиции (милиции) им. М. С. Казакевича (основан в 1973 г.), Народный медицинский музей Севастопольского морского госпиталя имени Н. И. Пирогова Черноморского флота России (основан в 1977 г.), музей истории Первой горбольницы им. Н. И. Пирогова (основан в 1993 г.) и ряд других музеев [6, с.95-97].

На базе севастопольских общественных музеев была организована эффективная система поисковой работы, которая позволяла ежегодно пополнять коллекции новыми музейными предметами. Хотя в 1990-е годы численность этой группы музеев сильно сократилась, на современном этапе сеть общественных музеев Севастополя включает более 50 учреждений, в том числе 29 школьных музеев. В экспозиции многих музеев есть подлинные экспонаты, имеющие большую историческую ценность, они приняты на государственный учёт Музеем героической обороны и освобождения Севастополя.

При этом следует отметить в качестве положительной тенденции, что в Севастополе в 2000-е годы открывались новые музеи, например, Музейный историко-мемориальный комплекс Героическим защитникам Севастополя «35-я Береговая батарея», комплекс музеев, в том числе музей советского детства, на базе эко-парка «Лукоморье», музей «Подземный Севастополь», музей 11-й береговой батареи и другие.

Виртуализация общественных музеев подразумевает организацию в сети Интернет общедоступных ресурсов, которые предоставляют возможность пользователю ознакомиться с виртуальными копиями реальных музейных экспонатов, посетить тематические виртуальные выставки и экскурсии, представить взаимосвязь развития историко-культурной среды региона с жизнью и деятельностью его конкретных жителей. Однако для Севастопольских общественных музеев данная работа пока только начинается. Официальный сайт с профессионально подобранными и хорошо структурированными ресурсами об истории создания, экспозициях, выставках, исследовательских и просветительских проектах, научных публикациях представляет деятельность только одного из общественных музеев Севастополя – Музея «35-я Береговая батарея» [13].

На сайте Музейного историко-мемориального комплекса героическим защитникам Севастополя «35-я береговая батарея» представлены материалы о тематике, содержании, инновационных формах научно-просветительной работы с подрастающим поколением, в том числе проведении интерактивных уроков, работе батареинной школы, тематических выставках и многих других проектах [13].

С целью увековечения имен участников боев за Севастополь в период обороны города 1941–1942 гг. в Музейном историко-мемориальном комплексе героическим защитникам Севастополя «35-я береговая батарея» создана электронная база данных, доступ к которой представлен на сайте. Сегодня в ней содержатся сведения о более чем 103 тыс. защитниках города. База данных регулярно пополняется, источниками информации являются: Книга Памяти города-героя Севастополя, Книги Памяти других городов и регионов, электронные копии документов Центрального архива Министерства обороны России и других архивов, размещённые на сайтах «Мемориал», «Подвиг народа» и «Память народа», документы из семейных архивов, мемуары, воспоминания, художественная литература, периодика, данные военной археологии. Имена участников последних дней обороны Севастополя (с 1 июля 1942 г.) размещаются в Пантеоне памяти. На данный момент Пантеон хранит 44921 фамилию [13].

Некоторые ведомственные музеи разместили веб-страницы на сайтах своих учреждений, в том числе музеи учреждений образования, музей истории рыбной промышленности Азово-Черноморского бассейна [10], музей Севморзавода, музеи эко-парка «Лукоморье», остальные общественные музеи Севастополя представлены краткой информацией на туристических порталах или в соцсетях.

На современном этапе значительный вклад в презентацию своих музеев и их образовательных ресурсов вносят учреждения образования Севастополя. Хотя пока из 29 школьных музеев свои сайты или страницы представили только 8, следует отметить, что данная работа осуществляется системно, постепенно расширяя круг участников. Обобщенная информация о профилизации и направлениях деятельности школьных музеев Севастополя размещена на сайте Межшкольного краеведческого музея имени Е. Н. Овена Севастопольского центра туризма, краеведения, спорта и экскурсий

учащейся молодежи, курирующего региональную сеть школьных музеев [2]. На веб-страницах таких школьных музеев Севастополя, как музей «Часовые Родины» средней общеобразовательной школы (СОШ) №30 им. Героя Советского Союза Г. А. Рубцова, «Музей подводников» СОШ №4 им. А. Н. Кесаева, музей «Наш Гагаринский район» гимназии №24, краеведческий музей «Наследие» СОШ №31, музей «Этих дней не смолкнет Слава» СОШ №37, музей «История войск ПВО страны» СОШ №43, Межшкольный краеведческий музей им. Е. Н. Овена размещаются паспорта музеев, их летописи, новости и программы развития, виртуальные экскурсии по экспозициям, которые проводят юные экскурсоводы, публикации, презентации, видео-отчеты о реализации исследовательских и творческих проектов. Данные ресурсы дают возможность учащимся самостоятельно пополнять свои знания, глубоко вникать в изучение историко-культурного наследия Севастопольского региона, предлагать собственные проекты [1; 5].

Таким образом, применение информационно-коммуникационных технологий для презентации общественных музеев Севастополя в виртуальном пространстве остается актуальной задачей, решение которой значительно увеличит целевую аудиторию посетителей музеев, расширит возможности музейной коммуникации.

Список литературы

1. ГБОУ ДО г. Севастополя «Севастопольский центр туризма, краеведения, спорта и экскурсий учащейся молодежи»: сайт. – URL: <https://sutur.edusev.ru/activity/museums/post/> (дата обращения: 14.12.2019).
2. ГБУК «Севастопольский художественный музей им. М. П. Крошицкого»: сайт. – URL: <http://www.sevartmuseum.info> (дата обращения: 14.12.2019).
3. Иванова, О. В. Формы взаимодействия музеев и общеобразовательных организаций в условиях информационного общества / О. В. Иванов // Ценности и смыслы. – 2018. – № 6 (58). – С.130-142.
4. Караманов, А. В. Организация персональной виртуальной среды обучения для студентов в музее: возможности и перспективы / А. В. Караманов // Вопросы музеологии. – 2017. – №1 (15). – С.105-113.
5. Образовательные организации г. Севастополя»: сайт. – URL: <https://eduface.ru/sites/list/region/1/type/1> (дата обращения: 14.12.2019).
6. Павшенко, Н. С. Система научно-методической работы МГООС с общественными музеями / Н. С. Павшенко / Музей в современном обществе: практика, проблемы, проекты: Материалы международной научно-практической конференции 26 мая 2010 г. – Севастополь – Симферополь, 2011. – С. 93–99.
7. Родионов, С. Г., Андреев В. В., Родионова Д. Д. Практика продвижения музеев Кемеровской области в виртуальной среде / С. Г. Родионов, В. В. Андреев, Д. Д. Родионова // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 6. – С. 376–381.
8. Рыгалова, М. В. Веб-сайты как средство презентации музеев (на примере муниципальных музеев Алтайского края) / М. В. Рыгалова // Учёные записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). Научный журнал. – 2018. – № 3 (17). – С. 22 – 25.
9. Севастопольский Аквариум-музей: сайт. – URL: <https://sevaaquarium.ru/> (дата обращения: 14.12.2019).
10. Севастопольский музей рыбной промышленности»: сайт. – URL: <http://virtual-sevastopol.ru/kamyshi-muzei.html> (дата обращения: 14.12.2019).
11. ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» : сайт. – URL: <https://chersonesos-sev.ru/> (дата обращения: 14.12.2019).
12. ФГБУК «Севастопольский военно-исторический музей-заповедник»: сайт. – URL: <http://sevmuseum.ru/> (дата обращения: 14.12.2019)
13. ЧУС МИМК «35 береговая батарея»: сайт. – URL: <https://35battery.ru/> (дата обращения: 14.12.2019).
12. Шляхтина Л. М. Музейная педагогика в современных реалиях / Л. М. Шляхтина // Вестник СПбГИК. – 2019. – № 3 (40). – С.109-112.

Статья поступила в редакцию 23.12.2019

Boytsova, E. E. Museum of Sevastopol in the Virtual Space

This article analyzes Museum sites and considers the experience of using virtual reality by state and public museums in Sevastopol.

Keywords: virtual space, Sevastopol museums.

УДК 930.22

В статье рассматривается газета «Южные ведомости» как важный исторический источник. Анализируются информационные возможности газеты по изучению истории Крыма периода Гражданской войны. Показана структура газеты, тематические рубрики, осуществлен содержательный анализ публикаций.

Ключевые слова: периодическая печать, исторический источник, Гражданская война, Крым

В. В. Дмитриев, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: vladislav.ist@mail.ru

ГАЗЕТА «ЮЖНЫЕ ВЕДОМОСТИ» КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ КРЫМА ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

На протяжении многих лет внимание ученых привлекает изучение событий Гражданской войны в Крыму. Всестороннее объективное освещение данного периода не представляется возможным без широкого привлечения периодических печатных изданий, выходивших на полуострове в 1917–1920 гг. По подсчетам ученых в Крыму, с начала Февральской революции и до падения правительства П. Н. Врангеля, выходило 160 различных наименований периодических изданий [2, с.130].

Если советская периодика активно использовалась в научных исследованиях, то антибольшевистская пресса в советское время подвергалась уничтожению по политическим причинам. Уцелевшие издания сберегались в спецхранах архивов, музеев, библиотек и только недавно стали доступны ученым. Одной из таких газет являются «Южные ведомости».

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что газета «Южные ведомости» как информационный источник по изучению истории Крыма периода Гражданской войны ранее не была предметом специального изучения. В своих работах ученые лишь фрагментарно касались данной темы, проводя обобщающий обзор крымской антибольшевистской прессы [1; 2; 3; 5; 6].

Целью данной статьи является раскрытие информационных возможностей газеты «Южные ведомости» как исторического источника для дальнейших исследований.

«Южные ведомости» были крупной ежедневной частной газетой, издававшейся в Крыму в начале XX в. Выпускалась газета в Симферополе с 1906 г. До революции ее редактировали такие известные деятели, как А. А. Левицкий, Н. Н. Клепинин, А. Я Хаджи, Б. Д. Волков, С. А. Усов, Д. М. Розловский, С. Е. Бычков, З. Г. Миллер [7, с.130].

В годы революции и Гражданской войны газета продолжала издаваться. В тот период неоднократно менялись учредители газеты. С 26 августа 1917 г. по 25 августа 1919 г. «Южные ведомости» были печатным органом сначала Таврической губернской земской управы, а потом Таврического союза журналистов и литераторов. Редактором газеты являлся председатель управы Н. Н. Богданов. С 25 августа 1919 г. и до ноября 1920 г. газета выпускалась Товариществом на паях «Издательское дело Южных ведомостей». Редактором издания в 1919 г. был П. С. Бобровский, а в 1920 г. А. П. Лурье [2, с.286].

В связи с антибольшевистской направленностью газеты во время кратковременного установления советской власти в Крыму, в 1918 и 1919 гг., выпуск издания приостанавливался.

Газета выражала интересы преимущественно либерально настроенной интеллигенции и выступала как против красного, так белого террора. Ратовала за воплощение в жизнь принципов народовластия, участия в органах местного самоуправления разных слоев населения. В своей работе редколлегия газеты отстаивала демократические принципы. Такая позиция сотрудников «Южных ведомостей» привела к тому, что к газете не проявляли симпатий не только большевики, но и часть руководства белого движения. Правительство генерала П. Н. Врангеля причислило ее к изданиям, нелояльным по отношению к власти. Газета была лишена финансовой поддержки со стороны правительства и испытывала различные притеснения со стороны властей [3, с.179]. Так, редактор «Южных ведомостей» А. П. Лурье был арестован и подвергся временному заключению. В связи с отсутствием государственной поддержки, финансовую помощь изданию оказывало кооперативное движение. Но выделяемой помощи газете не хватало, и она постоянно нуждалась в средствах. Выпуск «Южных ведомостей» был прекращен в конце 1920 г. после установления в Крыму советской власти.

«Южные ведомости» относились к универсальному типу газет, на страницах которой публиковались политические, общественные, экономические и литературные материалы, знакомящие читателя с положением как в России, так и в мире. Несмотря на столь широкую тематическую палитру, основное внимание редакция газеты уделяла освещению событий, происходивших в Крыму.

Поступление материалов в редакцию газеты происходило из разных источников: от собственных корреспондентов в регионах, телеграфных агентств и информационно-пропагандистских учреждений. Половина информационных и аналитических материалов поступала от информационно-пропагандистских учреждений белых правительств Юга России. Так, информационная политика правительства генерала А. И. Деникина осуществлялась через отдел пропаганды Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами Юга России. При данном отделе работало «пресс-бюро», формировавшее информацию для газет. В период правления генерала П. Н. Врангеля все ранее существовавшие учреждения пропаганды были расформированы. Функции «пресс-бюро» перешли отделу печати при начальнике гражданского управления [4, с. 83-84, 88].

Объем и формат газеты неоднократно менялся. Примером может служить 1919 г. С января до начала октября 1919 г. «Южные ведомости» представляли собой издание, выходившее на двух полосах формата А 2. С октября по декабрь 1919 г. публикация газеты осуществлялась на четырех полосах формата А 4. На газетной полосе текст верстался в несколько колонок, в зависимости от формата и объема их количество варьировало с трех до семи. В издании отсутствовали фотографии и иллюстрации, размещение которых было очень дорогим.

Тираж газеты составлял 1250–1500 экземпляров [2, с. 286]. Основными способами распространения газеты были подписка и розничная продажа. Редакция газеты неоднократно меняла стоимость газеты в связи с подорожанием газетной бумаги, краски и прочих материалов. Так, если розничная цена газеты в январе 1919 г. была 50 коп., то в октябре 1919 г. – уже 3 руб. [9, с.1; 19, с.4].

Структура газеты делилась на разделы и рубрики, которые располагались в определенной последовательности. Рассмотрим систему размещения публикаций на полосах «Южных ведомостей», взяв за основу полноформатный вариант газеты.

Основная часть первой полосы отводилась для официальной информации, которая предусматривала публикацию документов разных органов власти, сообщений из-за рубежа, оперативной сводки с фронтов. Там же размещалась и статья-передовица, посвященная актуальной проблематике.

Третью первую полосы и одна колонка на последней полосе отводилась рекламе. В газете, выходившей в формате А 4, реклама занимала всю первую полосу. Стоимость объявлений зависела от места ее расположения. На первой полосе реклама была дороже. Публикация большого количества объявлений была вынужденной мерой, позволявшей изданию выживать в сложных финансовых условиях.

Вторая полоса преимущественно отводилась освещению событий в разных сферах на территории Крыма. Данный раздел назывался «Краевая жизнь», он был самый объемным в газете и включал в себя такие рубрики, как: «Земская жизнь», «Хроника местной жизни», «Новости в сфере образования и культуры», «Происшествия», «Областной отдел», «Фельетон». В ходе выпуска газеты некоторые рубрики изменяли свои названия или исчезали, вместо них появлялись новые.

Рассмотрим тематическое содержание газет.

Статья передовица посвящалась актуальной теме, волновавшей жителей Крыма. Ее автором мог быть представитель редакции или авторитетный общественно-политический деятель, ученый.

Обеспечение населения продовольствием, непомерный рост цен, вызывали особое беспокойство, волновавшее большинство жителей полуострова в период Гражданской войны. Данной проблеме была посвящена передовица, вышедшая в номере за 16 октября 1919 г. под названием «Город и деревня», ее автором был деятель Таврического земства, ученый, в прошлом редактор «Южных ведомостей» Н. Н. Клепинин. В статье анализировались взаимоотношения, которые сложились между промышленными и сельскохозяйственными производителями. Автор рассматривает причины непомерного роста цен на сельхозпродукцию. В ходе проведенного анализа, Н. Н. Клепинин выделил несколько причин данного роста цен. Во-первых, сельхозпроизводители вынуждены были поднимать цены на свою продукцию вследствие повышения стоимости промышленных товаров, в которых они нуждались. Во-вторых, отмена хлебной монополии, распоряжением А. И. Деникина, привела к потере со стороны правительства контроля за ростом цен. Характеризуя тяжелое социально-экономическое положение в Крыму, автор считал, что дороговизна жизни была вызвана упадком производства, расстройством транспортной системы, падением курса рубля, масштабной спекуляцией [19, с.2].

Среди официальной информации внимание исследователей может привлечь обращение командования Добровольческой армии к населению. В обращении сообщалось о том, что в июне - июле 1919 г., в Крыму со стороны Белой армии имели место самочинные действия, такие как: аресты, обыски, незаконные реквизиции, расстрелы без суда и следствия. Подобные действия осуждались командованием Добровольческой армии. Виновные в них предавались суду по законам военного времени. Население информировалось о том, что Белая армия несет законность, порядок, безопасность мирным жителям [16, с.1].

Появление такого рода заявлений в печати свидетельствует о том, что со стороны Добровольческой армии были случаи нарушения законности и порядка. Это подтверждает тот факт, что в Крыму в годы Гражданской войны имел место не только красный, но и белый террор.

Борьба с распространением большевистских идей и последствиями советской власти на полуострове находили отражение в законодательных актах, принимаемых Крымскими краевыми правительствами. Так, 7 февраля 1919 г. Совет министров принял «Постановление о борьбе с большевизмом». В соответствии с ним было создано «Особое совещание», в состав которого входили министры внутренних дел, юстиции и начальник штаба Добровольческой армии. Данный орган рассматривал дела лиц, обвиняемых в пособничестве большевикам и принимавших участие в работе советских органов власти в Крыму. «Особое совещание» имело право выслать за пределы Крыма то или иное лицо, если считало, что оно несет угрозу общественной безопасности. В случае, если высылка за пределы полуострова данного лица не представлялась возможной, то по отношению к нему применялся арест сроком до 6 месяцев. По его истечению «Особое совещание» должно было освободить задержанного или продлить заключение. «Особое совещание» принимало решение на основе материалов, собранных в результате следствия. Само расследование проводилось милицией совместно с контрразведкой Добровольческой армии. Указанные органы осуществляли обыски и предварительный арест подозреваемого, соблюдая правила Устава уголовного судопроизводства и предварительно получив разрешение Министра внутренних дел. После проведения расследования дело поступало в комиссию, состоявшую из товарища министра внутренних дел, генерал-квартирмейстера и должностного лица, назначенного министром юстиции. Рассмотрев дело, комиссия направляла его со своим заключением прокурору окружного суда, а от него оно поступало в «Особое совещание» для принятия окончательного решения [13, с.2].

Стремление правительства генерала А. И. Деникина сформировать четкую вертикаль власти, создать структуры, призванные пресекать контрабанду, свидетельствует обращение начальника пограничных частей, генерал-лейтенанта Орлова, к мужскому населению Крыма, вступать в ряды пограничных войск с целью воспрепятствовать незаконному вывозу хлеба, сырья и других товаров с полуострова [17, с.1].

На первой полосе газеты была представлена рубрика с большевистского лагеря. Публикуемые в ней материалы были сильно идеологизированы, а часто представленная информация не соответствовала действительности. Так, в номере газеты за 18 февраля 1919 г. сообщалось об аресте В. И. Ленина по указанию Л. Д. Троцкого. Причиной ареста якобы стало выступление Председателя Совета народных комиссаров РСФСР на одном из партийных съездов, где он будто бы выступил с резкой критикой советской системы, назвав ее неэффективной. Как информировала газета, выходом из сложившейся ситуации В. И. Ленин видел в приглашении на ответственные посты в правительство социалистов-революционеров и социал-демократов [13, с.1].

«Южные ведомости» регулярно публиковали сводки с фронтов Гражданской войны. Несмотря на определенную тенденциозность, они могут использоваться как дополнительный источник по изучению Гражданской войны на территории России. В публикуемых сводках преобладали сообщения с фронтов юга России таких как: Северокавказского, Донского, Азово-Днепровского, Екатеринославского, Харьковского, Астраханского Царицынского, Камышинского.

Публикуемые сводки, помимо информационной, выполняли еще и идеологическую функцию. Их задачей было показать успехи белой армии и неудачи противника. В то же время в ряде публикаций делались попытки объективно оценить боеспособность Красной армии. Так, описывая боевые действия за железнодорожную станцию Беслан, 20 января 1919 г., газета констатировала, что большевики оказывали упорное сопротивление наступающим войскам генералов А. Г. Шкуро и А. А. Геймана [10, с.1].

Описывая кровопролитные бои за Царицын, в январе – феврале 1919 г., «Южные ведомости» сообщали сведения об организации Красной армией обороны города и района. «Первоначально был создан Северо-Кавказский военный округ с управлением, штабом, руководимый военно-революционным комитетом. Осенью 1918 г. Северо-Кавказский военный округ был упразднен и переформирован в управление 10-ой армии. В состав армии входили 10 пехотных и 4-6 кавалерийских полков. Возглавлял армию А. И. Егоров. Обороняли Царицын 25 тыс. красноармейцев, у которых на вооружении находилось около 80 орудий и 12 бронепоездов». Также рассматривается мобилизационная политика, проводимая советской властью в Царицыне и отношении к ней жителей города [11, с.1-2].

В газете освещались значимые события, происходившие за рубежом. Ознакомление с ними дает представление об основных общественно-политических процессах происходивших в мире. Показана национально-освободительная борьба населения Хотинского и Сорокского уездов Бессарабии, имевшая место в январе 1919 г., против румынской оккупации. Рассматривалась политика Румынии, направленная на включение в состав своего государства Бессарабии, Буковины и Трансильвании [9, с.1].

Отслеживались революционные события в Германии и Венгрии. В частности, «Южные ведомости» от 12 февраля 1919 г. информировали читателей о начале политического процесса в Берлинском уголовном суде над членами марксистской организации «Союз Спартака», обвиняемых в нарушении общественного порядка и совершении ряда преступлений [11, с.1]. Освещалось стачечное движение в Англии, в ходе которого в забастовке приняло участие 200 тыс. шахтеров [18, с.1].

Интерес для исследователей представляет публикация проекта о создании первой постоянной международной организации по поддержанию мира и предотвращению военных конфликтов - Лиги наций. Рассмотрим ключевые положения приведенного документа. В проекте показана структура организации и ее полномочия. Для начала работы планировалось создать исполнительный комитет и постоянный международный секретариат. Исполнительный совет Лиги состоял из представителей США, Англии, Франции, Италии и Японии. Для вступления в Лигу наций новых государств необходимо было согласие двух третей членов этой организации. Главной задачей Лиги наций являлось поддержание мира и стабильности, предупреждение военных конфликтов. Исполнительный комитет организации должен был определять размер вооружений для той или иной страны. Члены организации, в случае возникновения конфликта между ними, обязаны были до его начала передать предмет спора в арбитраж исполнительного совета и не начинать военных действий до истечения трех месяцев после арбитража. Планировалось создание международного суда для рассмотрения конфликтов между странами. Всякий конфликт, не разрешенный третейским судом, поступал на разрешение исполнительного совета. Если какая-либо страна отказывалась подчиниться решению совета, то тогда принимались меры, которые должны были вынудить ее подчиниться. Если одна из договаривающихся стран нарушала свои обязательства, то это расценивалось как объявление войны всем остальным членам Лиги наций. С этим государством прекращались все торговые и финансовые отношения. Исполнительный совет организации определял размер сухопутных и морских сил, необходимый для охраны той или иной страны. Планировалось, что Лига наций должна была контролировать производство вооружения в мире [13, с.1].

Узнать о положении в Крыму в разных сферах позволяет такой раздел газеты, как Краевая жизнь. В нем широко освещались политические и общественные процессы, происходившие на полуострове.

Газета информировала своих читателей о пребывании войск Антанты в Крыму, рассказывала о взаимоотношениях представителей разных органов власти полуострова и союзного командования.

Так, представители городского самоуправления Севастополя 24 января 1919 г. организовали банкет в честь командования французскими силами. В ходе банкета был озвучен тезис, что общественность города возлагает надежды на помощь Франции в утверждении в России демократии. Командующий французскими силами полковник Рюе подтвердил, что его страна поддержит формирование свободной, демократической России [9, с.1].

В газете за 14 февраля 1919 г. освещались переговоры между министром внешних сношений второго Крымского краевого правительства М. М. Винавером и командующим французской эскадрой в Крыму адмиралом Аметом. Во время переговоров был затронут вопрос о товарообмене между Крымом и Францией. Итогом двухсторонних контактов стала договоренность о том, что Крымское краевое правительство подготовит списки товаров, необходимых для жителей полуострова и тех товаров, которые могли быть вывезены во Францию [12, с.1].

«Южные ведомости» регулярно информировали своих читателей о деятельности краевых правительств и органов самоуправления Крыма.

Так, 14 февраля 1919 г. состоялось первое публичное заседание Земско-городского съезда, на котором был заслушан отчет второго Краевого правительства и выслушано мнение жителей Крыма о его работе. Председателем съезда был избран В. А. Оболенский, а секретарем Б. М. Сарыч. О деятельности правительства в Крыму, с ноября 1918 по февраль 1919 гг., с докладами выступили: краевой секретарь П. С. Бобровский, министр внешних сношений М. М. Винавер, министр продовольствия А. А. Стевен, министр народного просвещения С. А. Никонов, министр юстиции В. Д. Набоков, министр внутренних дел Н. Н. Богданов. В своих выступлениях они охарактеризовали положение дел в разных сферах, остановились на трудностях, с которыми им приходилось сталкиваться в работе. На съезде также рассматривался вопрос о работе комиссии по подготовке к выборам в краевой сейм. Выступавшие отметили, что выборы могут не состояться в связи со сложным положением на фронте и наступлением большевиков [11, с.2].

В публикации за 20 февраля 1919 г. газета писала о работе Губернского земского собрания и новоизбранной Городской думы Симферополя.

На своем заседании Губернское земское собрание рассматривало вопросы финансового положения земства, передачу в их ведение казенных шоссежных дорог и о борьбе с чумой рогатого скота. Городская дума Симферополя на своем заседании провела выборы председателя и утвердила финансирование городской управы [14, с.2].

В рубрике хроника публиковалась краткая информация по злободневным вопросам. Среди них обеспечение продовольствием населения, цены на товары первой необходимости, выдача или замена продуктовых карточек, запасы нефти на городских электрических станциях, забастовки.

Представление о сложной криминогенной ситуации в Крыму, во время Гражданской войны, дает такая рубрика как «Происшествия». В номере за 25 января 1919 г. сообщалось о разгуле бандитизма в Керчи: «Так только за предыдущие сутки в городе было совершенно несколько кровавых преступлений, в частности, недалеко от места работы был убит ударом кастета директор Керченского музея древностей и зарезана семья известного керченского предпринимателя Золотарева» [8, с.2].

Если многие сферы жизни в Крыму во время Гражданской войны переживали упадок, то в таких направлениях, как образование, наука, культура происходило активное развитие. Причиной этого был переезд на полуостров российской элиты из Петербурга, Москвы, не принявших советской власти. Газета освещала творчество известных художников, гастроли театральных коллективов, публиковала материалы о работе Таврического университета.

Так, в статье о «Крымском обществе художников» сообщалось о третьем организационном собрании деятелей изобразительного искусства, на котором принят устав нового художественного общества. Принятие нового положения, устанавливавшего порядок деятельности организации, расширял возможности вступления в нее лиц, сочувствовавших главным целям общества - развитию художественного образования и народного творчества в пределах Крыма. Это осуществлялось путем создания музеев, библиотек, организаций лекций, выставок, студий. Организаторы в связи с изменением устава переименовали ее на «Крымское общество поощрения художеств». Во главе общества стояли профессора Айналов, Греков, художники Пинегин, Скорняков, Фриджиоланн, Марков и др. Общество планировало преобразовать существовавшую студию изобразительного искусства на общедоступную художественную школу [15, с.2].

Таким образом, газета «Южные ведомости» является важным историческим источником при изучении политических, социально-экономических и культурных процессов происходивших в Крыму и России в целом во время Гражданской войны.

Список литературы

1. Белоглазов, Р. Н. О периодических изданиях Таврической губернии в правление генерала Врангеля / Р. Н. Белоглазов // Революция и Гражданская война 1917 – 1920 годов: новое осмысление: тезисы докл. Межд. конф. (10-18 ноября 1995 г.). – Симферополь, 1995. – С.8-10.
2. Зарубин, В. Г. Периодические издания Крыма (март 1917 – ноябрь 1920 г.) / В. Г. Зарубин, А. Г. Зарубин // Крымский архив. – 2001. – № 7. – С. 267-288.
3. Маслов, Д. Печать при Врангеле / Д. Маслов // Антанта и Врангель. Сборник статей. – М. – Пг.: Государственное издательство, 1923. – С. 172-209.
4. Молчанов, Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт.1917–1920 гг.) / Л. А. Молчанов. – М.: Издатпрофпресс, 2002. – 272 с.
5. Филимонов, С. Б. К вопросу о составе и содержании периодических изданий Крыма 1917–1920 годов / С. Б. Филимонов // Крымский архив. – 2002. – № 8. – С. 257-259.
6. Филимонов, С. Б. Крымские антибольшевистские газеты времен Гражданской войны как источник по истории науки, культуры и просвещения / С. Б. Филимонов // Крымский архив. – 2001. – № 7. – С. 318-322.
7. Хоменок, О. С. Дореволюционная периодическая печать Таврической губернии (1838-1916): очерк истории и библиографический указатель / О. С. Хоменок. – Одесса: АО БАХВА, 2003. – 180 с.
8. Южные ведомости. – 1919. – №18. – 25 января.
9. Южные ведомости. – 1919. – №22. – 30 января.
10. Южные ведомости. – 1919. – №30. – 8 февраля.
11. Южные ведомости. – 1919. – №33. – 12 февраля.
12. Южные ведомости. – 1919. – №35. – 14 февраля.
13. Южные ведомости. – 1919. – №37. – 18 февраля.
14. Южные ведомости. – 1919. – №39. – 20 февраля.
15. Южные ведомости. – 1919. – №79. – 4 июля.
16. Южные ведомости. – 1919. – №82. – 7 июля.
17. Южные ведомости. – 1919. – №86. – 12 июля.
18. Южные ведомости. – 1919. – №95. – 23 июля.
19. Южные ведомости. – 1919. – №163. – 16 октября.

Статья поступила в редакцию 13.12.2019

Dmitriev V.V. The Newspaper «Southern Vedomosti» as an Information Source for the Study of the History of Crimea During the Civil War

The article considers the newspaper «Southern Vedomosti» as an important historical source. The author analyzes the structure of the newspaper, its thematic sections, informational capability as a source for the study of Crimean history during the Civil War, and carries out a substantial analysis of publications.

Keywords: periodical press, historical source, Civil War, Crimea

УДК 392.1(=411)(292.471)

Рассматриваются традиции и обряды послеродового цикла родильно-крестильной обрядности греков Крыма и Приазовья, при помощи которых происходили процессы социализации ребенка – принятие его в члены религиозной конфессии, сельской общины, рода. Описываются аналогичные элементы родильно-крестильной обрядности болгар, гагаузов, украинцев и греков материковой Греции. Анализируются обычаи греков Крыма и Приазовья, связанные с подготовкой и проведением крещения, наречения именем, перечисляются функции и обязанности крестных родителей.

Ключевые слова: греки Крыма и Приазовья, родильно-крестильная обрядность, крещение, крестные родители, кумовья, кумовство, церковь

В. В. Дмитриева, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: viktoriadmitrieva2010@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭЛЕМЕНТОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ В РОДИЛЬНО-КРЕСТИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ГРЕКОВ КРЫМА И ПРИАЗОВЬЯ

Составной частью семейной обрядности греков Крыма и Приазовья является родильно-крестильная обрядность. Она включает в себя три цикла: 1) предродовой, 2) родильный, 3) послеродовой. Обряды и обычаи послеродового цикла способствуют социализации ребенка, одним из основных этапов которой у православных народов является крещение. В «Православном катехизисе» написано, что «крещение – это таинство, в котором верующий при троекратном погружении тела в воду с призывом Бога Отца, и Сына и Святого Духа, умирает для жизни плотской, греховной, и возрождается от Духа Святого для жизни духовной, святой» [14, с.3].

Обязательным элементом крещения была вода, она символизировала духовное очищение человека. Культ воды присущ традиционной культуре большей части народов мира, ведь вода в понимании людей источник жизни. Она являлась объектом поклонения и у кочевников, и у хлеборобов, и у рыбаков. Но у каждого народа обряды и обычаи поклонения воде отличались своеобразием, так как появлялись в условиях разного климата и различных систем хозяйствования.

В связи с существованием культа воды для многих религий характерны ритуальные омовения. В христианстве ритуал водного крещения имеет не столько очищающее значение, сколько символизирует приобщение к религии. Согласно ранним христианским источникам обряд водного крещения начал складываться и распространяться во второй половине II века. А в начале III века в некоторых христианских общинах стало устраиваться крещение взрослых в соответствии с разработанной до этого версии о водном крещении Христа, которое якобы произошло на тридцатом году его жизни [14, с.29].

Со временем перед церковью возник новый вопрос: в какой день после рождения нужно проводить обряд крещения ребенка? Этот вопрос обговаривался на многих церковных соборах, варианты его решения были разными: на 8-й день – в честь обрезания Господнего; на 40-й день – в память о том дне, когда Мария и Иосиф принесли младенца Иисуса в Иерусалимский храм. Духовенство рассматривало в качестве возможного варианта решения этой проблемы утверждение христианского богослова Тертуллиана о том, что «каждый день есть Господний, всякое время и час возможны для крещения» [14, с.33].

Наши респонденты во время приазовских экспедиций также называли разные даты крещения («ваптизмы», «хачламаги» (на урумском языке), «футизны» (на румейском языке)) новорожденных у греков Приазовья. Так одни говорили, что детей крестили на 3-ий день после родов [16, л.20], другие – через неделю [17, л.12], третьи – после 40 дней, когда за молитвой в церковь ходила мать ребенка [15, л.26]. Но все информаторы утверждали, что новорожденного нужно крестить как можно раньше, поскольку все матери боялись, что младенец может умереть некрещеным и тогда, как написано в религиозной литературе: «Некрещенные дети не смогут попасть на небо, поскольку они не ощутили ласки Божьей, которая дается через крещение» [14, с.51].

У некоторых народов Юго-Восточной Европы, которые исповедуют православие, как и приазовские греки, мы можем проследить аналогии в выборе времени для совершения обряда крещения, это может быть объяснено тем фактом, что все эти этносы в свое время приняли христианство византийского толка.

Например, у болгар, как и у греков, стремились крестить ребенка как можно раньше. До обряда крещения новорожденного не оставляли одного в комнате, возле него постоянно должен был находиться кто-то из членов семьи, так как боялись влияния нечистой силы на жизнь и здоровье младенца, который пока еще не находился под защитой Бога [4, с.108].

У гагаузов ребенка крестили в период от одного до трех месяцев после рождения. А если новорожденный родился слабым, его крестили в первую неделю, чтобы в случае смерти хоронить на кладбище как христианина [9, с.28].

Молдаване крестили младенца через 6 недель после родов. У них существовало народное поверье, что если ребенок умирал некрещеным, его дух будет приносить несчастья родителям, всем родственникам и даже соседям [5, с.283].

У украинцев, соседей греков на территории Приазовья, считалось, что младенец умерший некрещеным превращается в чертенка, и в течение 7 лет будет донимать своих родителей [1, с.229].

А у приазовских греков до сих пор дни от празднования Рождества до Крещения считаются проклятыми, так как в это время хозяйничает нечистая сила – «каракадзала» (в древности - «кери») – дети, которые умерли до крещения. Их сжигают на кострищах (огонь которых для греков является священным), разводимых на улицах перед домами [19, с.11].

До XV века участие кумовьев в церковном обряде категорически не допускалось и само кумовство преследовалось как «языческий пережиток». Но традиции кумовства продолжали сохраняться в быту, тогда представители церкви пересмотрели свое отношение к этому вопросу и разрешили одному из кумовьев (в соответствии с полом ребенка) участвовать в обряде крещения. Как считает М. О. Косвен, именно «аванкулас» (дядя по материнской линии) был поставлен церковью на роль опекуна и духовного отца ребенка [7, с.35].

Возникает вопрос о происхождении института кумовства. М. О. Косвен относил его формирование ко времени существования первобытнообщинных отношений. В крестном отце он видел дядю по материнской линии, который по старым представлениям был ближайшим родственником новорожденного, его защитником и руководителем во взрослой жизни, в древние времена перехода от матриархальных порядков к патриархальному устройству, когда роль родного отца ребенка была еще не очень определена. С распадом родовой и возникновением соседской общины древние традиции менялись. Значение родственных связей уменьшалось, уступая место соседским, однако, в общественном и индивидуальном сознании необходимость для человека в поддержке родственников, соседей была еще очень большой. В этот период на роль крестного отца стали выбирать не обязательно дядю по линии матери, им мог стать любой родственник старший по возрасту. Еще через какое-то время в кумовья стали звать близких друзей семьи, которые не имели с ней родственных связей. Между ними и семьей их крестника возникали очень близкие отношения, постоянная взаимопомощь, участие во всех радостных и грустных событиях. В дальнейшем получил распространение обычай выбирать кумовьев среди влиятельных или богатых односельчан для того, чтобы через кумовство получать экономическую поддержку от семьи кума.

То есть в процессе формирования института кумовства можно условно выделить два периода:

1) более архаичный, когда на роль крестного отца выбирали кого-то из родственников ребенка (дядю по линии матери, самого старшего родственника);

2) был связан с изменением исторических, экономических, социальных условий, когда на роль кума приглашали чужих людей, которые не имели с крестником родственных отношений.

Для церкви главная роль крестного заключалась в том, чтобы он был для ребенка духовным отцом и воспитателем его лучших душевных качеств.

У греков Приазовья существовала традиция, по которой крестными родителями всех детей семьи были одни и те же люди. На греческом языке их называли так: крестного отца – «калота» (рум., урум.), крестную мать – «нуна», «калына» (рум.), «кальня» (урум.). Все близкие родственники ребенка, обращаясь к его крестным родителям, называли их не по имени, а исключительно крестный и крестная.

Крестных родителей у приазовских греков выбирали на семейном совете [17, л.17-18]. Обычно ими становились те люди, которые держали венцы над головами родителей ребенка во время венчания [16, л.45].

У украинцев, которые проживали на юге, согласно материалам Н. К. Гаврилюк, крестными родителями младенца, как и у греков, становились чужие люди [3, с.128]. Кумовство имело большое моральное значение и приравнялось к родству [1, с.108].

Крестными родителями у греков становились уже женатые люди [16, л.50]. Вероятно, это было связано с народными представлениями о том, что кум – это второй отец ребенка и в случае смерти родителей, крестный должен был взять ребенка на воспитание в свою семью. Стать крестным отцом было очень почетно. Право крестить детей определенной семьи передавалось из поколения в поколение, т.е. было наследственным. Отказ от кумовства у греков Крыма и Приазовья, как и у многих соседних с ними народов: украинцев, русских, болгар считался грехом, и осуждался народной моралью.

Как и у приазовских греков, кумовство у гагаузов было наследственным, передавалось из поколения в поколение. Поссориться с кумом или не прислушаться к его советам считалось большим

грехом [9, с.28]. Кум – «саадыч» выбирался раз и навсегда и крестил всех детей в семье от самого старшего до самого младшего, а умирая, передавал свое право одному из своих сыновей. Такой же обычай был и в отношении кумы, она тоже могла передавать право крещения детей другой семьи своим детям. Менять кума разрешалось только в крайнем случае, например, когда подряд умирали двое или трое его крестников.

Кум в болгарских семьях чаще всего был один не только для всей семьи, но и для всего рода [4, с.108]. Крестные родители у болгар, как и у греков, играли одну из главных ролей на свадьбе своего крестника. Их дети, всю очередь крестили его детей. Таким образом, кумовство было наследственным, причем сыновья и дочери крестились и в XX веке одним и тем же кумом из определенной семьи [11, с.115].

Как видим, у греков Приазовья, болгар, гагаузов существовала одинаковая форма кумовства – наследственное, это может быть объяснено влиянием греческой (византийской) религиозной культуры на перечисленные народы. Даже обряд крещения у гагаузов назывался почти, как и у греков – «ваатиз» (гагауз.) [12, с.23], «вапизма» (урум.). Из поколения в поколение греческие, болгарские, гагаузские семьи поддерживали семейные связи со своими кумовьями, получая от них, как моральную поддержку, так и экономическую помощь.

Несмотря на то, что кумовство было искусственным «родством», крестные родители у греков Приазовья не могли жениться со своими крестниками [16, л.32]. Браки между членами двух семейств: крестника и крестных родителей запрещались согласно традиции до 5-6 колена (поколения) [8, с.182]. Еще во времена Византийской империи за брак крестного отца с крестницей наказывали как за кровосмешение (они считались родственниками «по духу») отсечением краешка носа [6, с.39].

Крестные родители у греков Приазовья приходили в дом будущего крестника рано утром. Крестная мать приносила традиционный подарок – отрез белой ткани – «кукул», в нее заворачивали ребенка и несли в церковь. После крещения из этой ткани кроили одежду для новорожденного. В свою очередь крестный отец должен был оплатить обряд крещения и подарить ребенку нательный крестик. Такая же традиция существовала и у украинцев, но кроме перечисленных подарков, они приносили в дом крестника еще и хлеб [3, с.33].

А у греков материковой Греции, в отличие от приазовских, было принято, чтобы все необходимое белье для ребенка перед крещением и подарки гостям готовил только крестный отец – «кумпар» [18, с.588].

В церковь ребенка несла повитуха, но в храме передавала его в руки крестных родителей [16, л.12]. Согласно информации второй группы наших респондентов младенца в церковь несла крестная мать [17, л.9]. Есть и третий вариант информации – если новорожденный был мальчиком, его нес в церковь крестный отец, если девочка – крестная мать. Вместе с ними в церковь ходила повитуха [17, л.19].

У болгар, как и у греков Приазовья, в церковь несла ребенка, по обычаю, повитуха или крестная мать, а в ряде районов церковный обряд во второй половине XIX – начале XX вв. проводили без присутствия крестного отца, особенно если крестили девочку. Это, по мнению ряда этнографов, является свидетельством того, что институт кумовства, очевидно, переплетен с более ранним институтом языческого характера [11, с.116]. Когда крестили мальчика в церковь шли крестные отец и мать. Из церкви домой ребенка нес крестный отец [13, с.15].

У болгар, переселившихся на юг Российской империи во второй половине XVIII – начале XIX веков, ребенка несли в церковь повитуха и крестный отец. Из церкви крестника нес кум, завернув его в приготовленные повитухой пеленки [4, с.106].

У гагаузов несла ребенка в церковь исключительно крестная мать. Плата священнику за совершение обряда вносилась крестными родителями и кровными родителями напололам [12, с.23].

В церкви мальчика у крымских и приазовских греков держал на руках крестный отец, а девочку – крестная мать [16, с.37].

Коротко опишем, как проходила церемония крещения в церкви. Крещение чаще всего происходило после обедни в храме или в специальном помещении (крестильне) в купели. Священник в полном церковном облачении начинал обряд, читая молитву. Потом он брал ребенка из рук крестного отца и дул «в уста, чело, и грудь» и произносил при этом слова: «Выгони из него всякого лукавого и нечестивого, спрятанного в сердце его» [20, с.75].

Священник три раза крестил ребенка, клал правую руку на его голову и читал молитву. В ней он просил Бога, чтобы он снял с ребенка первородный грех, дал младенцу своего защитника в образе Ангела-хранителя и прогнал злых духов.

После этого крестные родители с ребенком поворачивались спиной к алтарю, и священник три раза спрашивал их: «Отрекаешься ли ты от сатаны и всех его деяний и всех ангелов его, и всей службы его и всей гордыни его?» Крестные родители за ребенка отвечали три раза: «Отрекаюсь!»

Затем священник спрашивал: «Обещаешь служить Христу и верить в него?». «Обещаю» - отвечали крестные родители за ребенка.

Затем священник делал на лбу, плечах груди, руках и подошвах ног ребенка крестики елеем и произносил молитву. Елей в данном случае – символ божьей ласки, который укреплял душу и тело новорожденного. Священник производил после этого Святое Таинство Крещения, три раза наливая воду на голову ребенка и произнося: «Крестится раб (раба) Божий (Божья) (имя) во имя Отца, и Сына и Святого Духа. Аминь». В знак чистоты и невинности ребенка после проведения этого обряда, священник покрывал его голову белым полотном – «кукулом» (рум., урум.).

После окончания обряда крещения крестные родители с ребенком на руках шли в дом своего крестника, где был уже накрыт стол. Крестные родители отдавали ребенка по одним данным в руки роженицы [16, л.29], по другим – младенца после обряда крещения первой на руки брала свекровь, т.е. бабушка по линии отца [17, л.27]. Вероятно, разные варианты ответов наших респондентов связаны с тем, что первая группа информаторов описывала тот случай, когда ребенка крестили после 40 дней от момента рождения, т. е., роженица уже считалась «чистой», так как приняла молитву в церкви. А во втором случае – когда новорожденного крестили до 40 дней.

На 3-ий день после крещения крестная мать вытирала на ребенке «миро» и купала его в первый раз после крещения. До этого времени проводить какие-либо омовения, было сурово запрещено [10, с.415].

Необходимо отметить, что крестные родители играли большую роль в жизни ребенка. Кроме, выше описанного обряда крещения, они принимали участие в крестинах, обряде первой стрижки волос, приходили с подарками на все именины [16, л.50-51]. Крестные родители дарили крестнику подарки на Рождество, когда он приносил им кутью и колядовал, одаривали его на Пасху, когда он приходил к ним с крашеными яйцами и пасхальным куличом [17, л.21].

Крестные родители играли одну из самых важных ролей во время свадьбы своего крестника – при подготовке торжества, выкупе невесты, обряде венчания, сборе подарков с гостей на свадебном пиру [8, с.178-181].

Греки Крыма и Приазовья с большим уважением относились к крестным родителям, свидетельством чрезвычайной степени их уважения может служить народная пословица: «Для ребенка дороже не тот отец, кто родил, а тот, кто крестил, то есть вынул из святой воды».

Такую же большую роль играли крестные родители в разных обычаях родильно-крестильной обрядности украинцев, у них тоже существовала пословица, похожая на греческую: «Кумы роднее, чем братья» [3, с.119].

Важным событием в жизни семьи, сельской общины было наречение новорожденного именем. Существовал древний обычай первого внука в семье называть именем дедушки (по линии отца) [16, л.7]. Эта традиция является свидетельством существования у греков Крыма и Приазовья и в наши дни культа предков. В этом обычае нашли свое отражение архаические народные представления о возрождении душ умерших предков в новорожденных детях. При этом считалось, что внук вместе с именем своего деда приобретает наилучшие качества, которые были присущи его предку во время жизни. Возможно, этот обычай берет свое начало еще во времена Древней Греции. Поскольку известно, что греки давали имя ребенку в честь знаменитых родственников, друзей, героев. Празднование в честь наречения имени осуществлялось на 7-й или 10-й день после рождения ребенка. В этот день приносили жертвенные дары Аполлону и Артемиде. Праздник оканчивался банкетом, новорожденный получал в подарок игрушку, роженица - расписную вазу [2, с.292].

На территории современной материковой Греции обычай называть первого сына именем дедушки, а первую дочь – именем бабушки, как и у крымских и приазовских греков, сохранился до нашего времени [18, с.588]. Это еще одно свидетельство древних корней этого обычая, оно подтверждает наше предположение о том, что он сформировался задолго до переселения греков на территорию Приазовья.

На третий день после рождения ребенка повитуха ходила ему за именем в церковь. Носила подарок священнику, а тот смотрел имя для ребенка по святым книгам [16, л.12]. То, что именно повитуха ходила за именем ребенку в церковь, передавала священнику подарок, может указывать на связь этого обычая с древним ритуалом жертвоприношения богам от семьи новорожденного. Также необходимо отметить, что эта своеобразная форма «купли-продажи» имени ребенка отображала зависимость традиции от экономических условий развития наиболее передовых областей юга Российской империи [3, с.73].

Наши респонденты рассказывали, что раньше бывали случаи, когда имя ребенку давала сама повитуха [16, л.28]. Вероятно, это происходило тогда, когда ребенок рождался болезненным, и родители боялись, что он умрет без имени. А у украинцев повитуха даже могла крестить новорожденного, если родные считали, что до прихода священника ребенок может не дожить [3,

с.229]. Данные традиции могут быть свидетельством того, что у греков Приазовья ранее функции повитухи были шире.

Как и у греков Приазовья, у гагаузов первого ребенка называли по имени деда. Имя ребенка озвучивал перед семьей отец на второй или третий день после родов. Этот обычай гагаузы объясняли желанием увековечить свой род. В результате родовое имя передавалось из поколения в поколение [9, с.30].

Подводя итоги, отметим, что элементы социализации ребенка – выбор крестных родителей, подготовка к обряду крещения, наречение именем у греков Крыма и Приазовья характеризуются не только определенным этническим своеобразием, но и имеют ряд аналогий в обрядах таких православных народов, соседствующих с греками в разные исторические периоды, как болгары, гагаузы, украинцы, русские.

Список литературы

1. Борисенко, В. К. Традиції і життєдіяльність етносу: на матеріалах святково-обрядової культури українців / В. К. Борисенко. – К.: УНИСЕРВ, 2000. – 191 с.
2. Велишский, Ф. Ф. Быт греков и римлян / Ф. Ф. Велишский. – Прага, 1878. – 670 с.
3. Гаврилюк, Н. К. Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев) / Н. К. Гаврилюк. – Киев: Наукова думка, 1981. – 224 с.
4. Державин, Н. С. Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии) / Н. С. Державин. – София, 1914. – 259 с.
5. Зеленчук, В. С. Родильные обряды / В. С. Зеленчук // Молдаване: Очерки истории, этнографии, искусствоведения. – Кишинев: Штиинца, 1977. – С. 281 – 284.
6. Кесмеджи, П. А. Греки Крыма / П. А. Кесмеджи. – Симферополь, 1999. – 43 с.
7. Косвен, М. О. Аталычество / М. О. Косвен // Советская этнография. – 1935. - № 11. – С. 3- 46.
8. Ксенофонтова-Петренко, О. Н. Семейные обряды в селе Сартана / О. Н. Ксенофонтова-Петренко // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. – М.: Наука, 1979. – С. 173-185.
9. Курогло, С. С. Семейная обрядность гагаузов / С. С. Курогло. – Кишинев: Штиинца, 1980. – 138 с.
10. Марков, С. И. Заметки о быте греков г. Мариуполя / С. И. Марков // Мариуполь и его окрестности. – Мариуполь, 1892. – С.406–438.
11. Маркова, Л. В. Болгары / Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы / Л. В. Маркова. – М.: Наука, 1999. – С. 98-124.
12. Мошков, В. А. Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы) / В. А. Мошков // Этнографическое обозрение. – 1900. – № 1. – С.17-70.
13. Музыченко, А. Ф. Первые годы детства у болгар / А. Ф. Музыченко // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. – 1903, 1904. - № 3, 4. – С.18-27, 14-25.
14. О таинстве крещения. – М.: Отчий дом, 196. – 80 с.
15. Полевые материалы по семейной обрядности греков Приазовья (ПМСОГП): полевая тетрадь № 7/1, 1993. – Л. 2 – 80. (личный архив автора).
16. ПМСОГП: полевая тетрадь № 1/1, 1994. – Л. 7 – 77. (лич. арх. авт.).
17. ПМСОГП: полевая тетрадь № 1, 1995. – Л. 3 – 30. (лич. арх. авт.).
18. Пулянос, А. Греки / Народы зарубежной Европы / Под ред. С. А. Токарева, Н. Н. Чебоксарова. – М.: Наука, 1964. – С. 587-590.
19. Шевченко, В. И. Древние верования и обряды в греческих колониях / В. И. Шевченко // Наука и техника. – 1927. - № 52. – С.11.
20. Ящуржинский, Х. Поверья и обряды родин и крестин / Х. Ящуржинский // Киевская старина. – 1893. - № 7 – 9. – С. 74-83.

Статья поступила в редакцию 16.11.2019

Dmitrieva, V. V. Characteristics of the Elements of Socialization in the Process of Maternity and Baptismal Rites of the Greeks of Crimea and the Sea of Azov Region

The article examines the traditions and rites of the postpartum cycle of the maternity and baptismal rites of the Greeks of Crimea and the Sea of Azov Region, with the help of which the processes of socialization of a child, his/her admission to a religious denomination, rural community, clan took place. The author describes similar elements of the maternity and baptismal rites of the Bulgarians, Gagauz, Ukrainians and Greeks of mainland Greece, analyzes the customs of the Greeks of Crimea and the Sea of Azov region related to the preparation and rite of baptism and to the giving a name and lists the functions and responsibilities of godparents.

Keywords: Greeks of the Crimea and the Sea of Azov Region, maternity and baptismal rites, baptism, godparents, godparents' relations, church.

УДК 904:629.5.028.711(26.03)

В данной статье исследуется скопление средневековых якорей Y-образного типа, локализованных в Судакской бухте совместной экспедицией «Черноморского центра подводных исследований» и «Института археологии Крыма РАН» в 2019 году, представлены версии по идентификации данного скопления. Особое внимание уделено вопросам датировки существования якорей Y-образного типа.

Ключевые слова: скопление якорей, средневековый якорь, Y-образный тип, якорная стоянка, кораблекрушение, Судак, Судакская бухта

С. В. Иванов, стажер-исследователь

ФГБУН «Института археологии Крыма РАН»

E-mail: vanavi0803@mail.ru

П. А. Горбунов, научный сотрудник

ГБУ РК «Черноморский центр подводных исследований»

E-mail: pauels@mail.ru

ЛОКАЛИЗАЦИЯ СКОПЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЯКОРЕЙ В АКВАТОРИИ СУДАКСКОЙ БУХТЫ

Одним из самых интересных и перспективных районов для подводных археологических исследований является акватория Судакской бухты у побережья Юго-Восточного Крыма. В ходе совместной экспедиции ГБУ РК «Черноморского центра подводных исследований» и ФГБУН «Института археологии Крыма РАН», проведенной в 2019 г., на дне бухты было локализовано скопление средневековых якорей, разбросанных на небольшой площади.

Судакская бухта представляет собой обширную акваторию, вдающуюся в берег и ограниченную мысом Рыбачий с востока, и мысом Капчик (Пещерный) с запада. Мыс Алчак-Кая, выступающий от середины северного берега, разделяет Судакскую бухту на западную и восточную части. В свою очередь, западную часть бухты делит пополам гора Крепостная, на которой расположена Генуэзская крепость [5, с. 168-169]. Крепостная гора, также известная как Дженебез-Кая (Genevez-Qaya – Генуэзская скала – *крымскотат.*), входит в Южно-Крымскую горную систему и представляет собой пологий с севера и обрывистый с юга конусообразный известковый массив. Вообще, геологическое строение Судакского побережья очень своеобразно, этот район является частью обширной складчатой горной страны, которая находится в настоящее время под водой к югу от крымских берегов. Группа современных прибрежных возвышенностей – горы Сокол, Крепостная, Коба-Кая, Караул-Оба и другие, а также мысы Капчик и Алчак, сложены в основном массивами осадочных пород – крепкими известняками органического происхождения, вздымающимися в виде высоких конических вершин, также известными как рифовые известняки, возникшими в теплом верхнеюрском море, некогда покрывавшем сушу. Невооруженным глазом прослеживаются окаменевшие остатки ископаемых организмов, кораллов и водорослей, возрастом около 150 миллионов лет, при жизни прочно прикрепленных к скалистому морскому дну.

Гидрогеологический режим на участке акватории в западной части Судакской бухты характеризуется плавным понижением морского дна с незначительными локальными впадинами, границы которых хорошо прослеживаются. Дно бухты представляет собой, покрытую песчаными наслоениями, скальную основу с разломами, проходящими параллельно прибрежной линии. Таким примером является каменная гряда, расположенная в полумиле от берега, на глубинах около 20 метров. Эта гряда тянется в направлении с запада на восток, почти параллельно берегу, и возвышается над дном на высоту от полуметра до двух метров. Мористее за грядой следует песчаное дно с постепенным понижением глубин до 40 метров.

Место скопления якорей, обнаруженных на дне бухты, располагается напротив горы Крепостной, в 650 метрах к югу от берега. Якоря лежат на глубине 20 метров на вышеуказанной каменной гряде, в горизонтальном положении и без видимых зацепов. Всего на небольшой площади в 40 квадратных метрах зафиксировано 5 якорей, лежащих в разные стороны друг от друга. Якоря

находятся достаточно близко между собой, расстояние между ними не превышает полутора метров (рис. 1). Данные якоря – Y-образного типа, то есть по форме напоминающие перевернутую латинскую букву – Y. В литературе также встречается название – «виллообразный» тип. Рога у якорей данного типа опущены вниз относительно веретена под углом от 100° до 125°. Концы рогов загнуты параллельно веретену и расплющены в виде трапецевидных лопаток. Веретено круглого сечения с прямоугольной или круглой пяткой. Сечение рогов прямоугольное. На верхней части веретена имеются отверстия под рым, и более широкое – под шток.

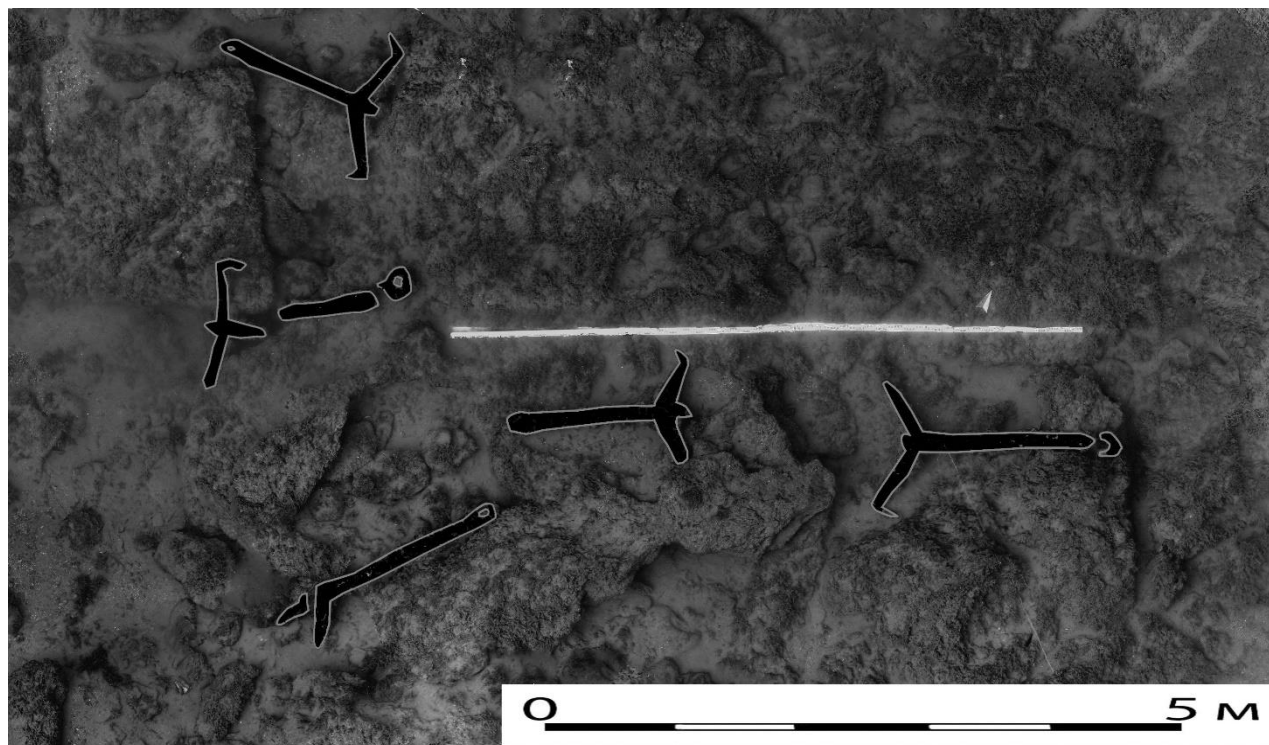

Рис.1 План-схема расположения якорей

Исследуемые нами якоря, несомненно, относятся к вышеуказанному типу. Примечательно, что все 5 якорей – примерно одинакового размера. Длина веретена – 1,6 метра, размах между рогами – 1,1 метра. Угол отгиба рогов вниз – приблизительно 115° - 120°.

Три якоря сохранили целую форму. У четвертого якоря отломан рог, лежащий рядом. Пятый якорь оказался разломан на три части – верхняя часть веретена с рымом, центральная часть веретена и нижняя часть с рогами. Все якоря представляют собой конгломератные формы, образованные длительным геохимическим и биологическим воздействием окружающей морской среды на железо. Образовавшиеся конгломератные оболочки повторяют формы некогда существовавших якорей. Металлическая сердцевина, вследствие процессов окисления, чаще всего полностью или частично разрушается. Но определить сохранность металла исследуемых нами якорей пока не представляется возможным. Все якоря были оставлены на дне – “in situ”, без попыток подъема.

Кроме того, в западном направлении от скопления якорей, на расстоянии около 23 метров расположен еще один Y-образный якорь с деформированным в центре веретенном.

Одна из версий по идентификации исследуемого скопления якорей – это якорная стоянка средневекового Судака, известного в тот период под названиями: Сугдея, Солдайя, Сурож. Выгодное географическое положение Сугдеи, находившейся в одной из самых обширных долин Юго-Восточной Таврики, прикрытой со стороны степи горным массивом и имевшей удобную корабельную стоянку, а также стратегическое расположение на промежутке морского пути между крупнейшими, известными с античных времен центрами Крыма – Херсонесом и Боспором, дали толчок историческому развитию региона и определили экономический, административный и политический статус города.

Время основания города до сих пор вызывает споры среди исследователей. Традиционной датой основания Судака, согласно Сугдейскому (Сурожскому) синаксарю, считается 212 г. н. э. Однако, этот письменный источник датирован концом XIII в. Учитывая столь позднюю дату источника, закрадывается сомнение в подлинности события, зафиксированного писцом. В настоящее время следов города в III в. н. э. выявить не удалось. Есть предположение, что на вершине современной горы Крепостной существовало укрепление для охраны порта римской эпохи. Археологически зафиксировано, что строительство первых городских сооружений началось лишь со второй половины VII в., и связано это с возникновением и развитием здесь византийского портового города.

Сам морской порт упоминается в источниках как Судак-Лимен, и начинает функционировать со второй половины VII в., о чем свидетельствуют находки свинцовых подвесных печатей (моливдовулов) византийских чиновников, торговых пломб, весовых гирь и мелкой свинцовой византийской пластики, обнаруженные при подводных исследованиях на дне бухты. Следует отметить, что регулярная застройка VII-VIII вв. открыта только в Портовой части, что лишний раз подчеркивает первостепенное значение Судака как приморского города [6, с. 26-27].

В начале VIII в. Сугдея становится центром епархии. В христианской традиции наличие епископской кафедры возводило населенный пункт в ранг города. Раннесредневековая Сугдея являлась сравнительно небольшим, но хорошо развитым византийским городом и имела обширные предместья.

В конце VIII-IX вв. здесь утверждается власть Хазарского каганата и город становится его крупнейшим торговым центром. В 30-е гг. X в. Таврика становится ареной борьбы между Хазарией и Византией разорвавших, на тот момент, мирные отношения. Разгрому подвергается и Сугдея в 941 г. После гибели Хазарского каганата и печенежского нашествия город-порт снова переходит под юрисдикцию Византийской империи, выгодно использовавшей новую международную расстановку сил. Материальная культура Восточного Крыма и Сугдеи претерпевает коренные изменения и приобретает ярко выраженные византийские черты. Город-порт становится серьезным торговым конкурентом Херсона [6, с. 28-29].

В середине – второй половине XI в. расширяются связи Сугдеи и всего Юго-Восточного Крыма с Древнерусским государством и, прежде всего, с Тмутараканским княжеством.

На следующем этапе истории города он оказался в условиях политической и экономической стабильности. Судак остается под властью Византии, однако попадает, как и вся Южная Таврика, в зависимость от половцев, господствовавших в южнорусских степях с середины XI в. и до середины XIII в. [6, с. 29].

X-XIII вв. – период наивысшего развития города, который становится значительным торговым центром Таврики и всего Северного Причерноморья. Здесь сходились торговые пути между востоком и западом. Судак являлся главной перевалочной базой для восточного купечества с одной стороны и торговцев из Восточной Европы, а также кочевников с другой.

В результате Четвёртого крестового похода в 1204 г. был захвачен Константинополь, и Византийская империя, распавшись на несколько враждующих государств, временно прекратила своё существование. Бывшие византийские владения в Таврике, вместе с Сугдеей попадают под власть Трапезунда.

В первой половине XIII в. Таврика и Сугдея пережили поход сельджуков в 1226 г. и два похода монгольских войск 1223 и 1339 гг. С момента второго похода вся территория Таврики стала частью обширной Монгольской империи. Сугдея оказалась под полным политическим контролем монголов. Несмотря на это, форма внутреннего городского административного устройства до-монгольского, византийского периода сохранялась длительное время. Монгольское завоевание, как ни странно, способствовало расцвету торговли в Судак. Основание Монгольской империи коренным образом изменило геополитическую ситуацию в бассейне Чёрного моря. Крымский полуостров ко второй половине XIII в. превратился в одну из основных перевалочных баз восточной и европейской торговли. Существование трансконтинентального *Rax Mongolica*, создавало в течение почти ста лет чрезвычайно благоприятные условия для относительно безопасного торгового обмена Западной Европы и Средиземноморья со странами Восточной Европы и Дальнего Востока [6, с. 32-33].

Кроме того, XIII в. является началом итальянской колонизации Причерноморья. Сложно представить себе историю региона в эту эпоху без итальянского купечества, в большинстве своем из двух городов – Венеции и Генуи. Конечно-же, итальянцев интересовал, прежде всего, старый

византийский порт Сугдея-Солдайя, в котором к шестидесятым годам XIII в. отмечается присутствие венецианского торгового населения. Так, по свидетельству известного путешественника и купца Марко Поло, он еще в детском возрасте вместе с отцом и дядей посещал в 1260 г. Солдайю, где их семья имела недвижимость. С 1274 г. в Солдае обосновался нотариус Федерико Пьяцалунга, документально фиксирующий торговые сделки латинян. В 1287 г. венецианские документы фиксируют присутствие здесь консула, что говорит о значимости этого пункта для венецианской торговли.

В результате длительной конкурентной борьбы господство постепенно переходит к Генуэзской республике. К 1365 г. генуэзцы захватывают Солдайю и окончательно вытесняют оттуда венецианцев. Господство Генуи в Солдае продолжалось до 1475 г. Архитектурный облик Судакской крепости окончательно оформился именно в этот период. Однако, средоточие всей торговли перемещается в генуэзскую Каффу, а экономика Солдаи-Судака приходит в упадок. Впоследствии, находясь под властью Османской империи, Судак стал центром судебно-административного округа. Итак, мы можем отметить, что Судак несколько раз за свою средневековую историю переживал периоды расцвета и упадка.

Исследуемое нами скопление якорей располагается как-раз напротив портовой части средневекового Судака. Описание якорной (корабельной) стоянки, как навигационного памятника Судака отсутствует в научной литературе, хотя является перспективным для изучения истории торговых связей средневекового города и всего Юго-Восточного Крыма.

Другая версия, которую нельзя исключать – эти якоря являются частью кораблекрушения. Скопление сразу нескольких однотипных якорей, одинаковых по размерам, разбросанных на малой площади и без зацепов о гряды, говорит в пользу данной версии.

На древних и средневековых кораблях чаще держали по десять-двенадцать якорей малой массы, чем два-три больших. Даже для сравнительно небольших древних кораблей – это не такое уж необычное количество [1, с. 174]. Причиной тому, отчасти, служила высокая цена. Испытанные на прочность якоря больших размеров в средние века были редкостью, и кузнецы просили за них баснословные цены. Кроме того, несколько якорей предпочитали тогда и из практических соображений: морякам нередко приходилось оставлять большие, дорогие якоря на дне. Когда судно во время сильного шторма долго отстаивалось на якоре, длинный рог из-за сильного натяжения каната мог так глубоко зарыться в грунт, что якорь не удавалось оторвать от дна. После чего морякам ничего не оставалось делать, как отрубить канат и оставить якорь на морском дне. Из-за зацепов и невозможности вытянуть, оставляли и малые якоря. Естественно, предпочтительным было отдать три-четыре якоря малой массы, чем рисковать одним тяжелым [9, с. 77-78]. В пользу этой версии говорит и тот факт, что размеры веретена, обнаруженных и описанных в литературе якорей Y-образного типа, в своей массе не превышают двух метров. Но существует и теория о том, что в VII в. завершилась революция в управлении кораблем: треугольный парус стал общим достоянием, а корабли стали значительно меньше по вместительности, что говорит о демократизации морской торговли и о привлечении в нее значительного количества менее состоятельных предпринимателей [10, с. 59-60]. А размер якоря должен был быть пропорционален размеру корабля.

Исследуемое нами скопление имеет аналогии с находками якорей на таких известных кораблекрушениях как Ясси-Ада (остров в Средиземном море) и Серче Лимани (залив в Эгейском море), обнаруженные у берегов Турции, и изученные корифеем подводной археологии, американцем Джорджем Бассом (George Bass). Оба кораблекрушения находились на глубине более 30 метров.

В первом случае, на кораблекрушении византийского торгового судна у острова Ясси-Ада, датируемого VII в., были обнаружены ранневизантийские якоря T-образного типа. Стоит обратить внимание на места расположения якорей. Шесть якорей лежало на одном борту носа судна, а седьмой на противоположном борту и скорее всего использовался, как основной [1, с. 167]. В дальнейшем, во время исследования судна, были обнаружены еще T-образные якоря, число которых достигло одиннадцати [1, с. 174].

Другой пример – кораблекрушение Серче Лимани, датируемое 1021-1025 гг., на котором было зафиксировано восемь якорей Y-образного типа, аналогичных «судакским» якорям. Два якоря находилось на одном борту, один якорь на другом борту и пять якорей были запасными. Якоря с данного кораблекрушения были исследованы в Пенсильванском университете доктором Робертом Мэддином и доктором Тамарой Стэйч. Исследования металла дали важные сведения о технологии

изготовления железных якорей в этот период. Выяснилось, что якоря, весившие от 50 до 60 кг, изготавливались из 15 скovaných вместе деталей весом от 4 до 5 кг. Каждый рог состоял из 4-х элементов, веретено из 6-ти, а рым из одного элемента. Экспертиза металла показала, что железо, использовавшееся для выделки якоря, было мягким с большим вкраплением шлака. Соответственно, это делало его относительно хрупким [7, с. 145].

Исходя из типологической классификации известного археолога Герхарда Капитэна, Y-образные якоря, с опущенными вниз рогами по отношению к веретену, относятся к типу E и датируются IX-X вв. [11, р. 43]. Но кораблекрушение Серче Лимани доказывает использование таких якорей и в XI веке н.э. В частности, исследователь Фредерик ван Дурнинк, основываясь в том числе и на изучении кораблекрушения Серче Лимани, расширяет хронологию существования якорей Y-образной формы, утверждая, что они находили применение в византийско-арабский период средневековья – VIII-XII вв. [13, р. 9f]. Турецкий исследователь Эврен Туркменоглу (Evren Türkmenoğlu), ссылаясь на кораблекрушение Камалти Бурну-1, еще больше продлевает хронологию существования подобных якорей, считая, что вышеуказанные якоря использовались и в XIII в. [12, р. 71]. Таким образом, хронологические рамки использования якорей Y-образного типа расширяются на несколько столетий.

Большое скопление железных якорей Y-образного типа на территории Северного Причерноморья открыто в районе горы Опук, возле острова Элькен-Кая, известного как скалы «Корабль-Камень», и было описано В. Н. Зинько и А. Н. Шамраем в статье «Подводные археологические наблюдения и разведки у горы Опук». Всего в акватории был обнаружен 31 якорь, большая часть из которых (24) представлена «виллообразным» типом (Y-образные). Якоря располагались на северном морском склоне острова полосой с юга на север четырьмя группами: две группы по два якоря и две группы, соответственно, пятнадцать и пять штук. Авторами приводится достаточно полная морфологическая и метрическая информация о якорях, с подробным описанием обмеров каждого якоря. Особо выделяется вторая группа, условно названная «свалкой якорей», в количестве 15 штук на небольшой площадке диаметром около 30 метров, с глубиной залегания 7 метров. Многие якоря лежали на дне попарно, один на другом, а некоторые в сцепленном состоянии. Тринадцать якорей с веретеном, длиной 1,4 метра и размахом рогов 0,9 метра, а два якоря соответственно с длиной веретена 1,8 – 1,9 метра и размахом рогов 1 – 1,5 метра. Семь якорей имели угол между веретеном и рогами 120°, а восемь – 110° [4, с. 452].

Определенный вклад в дело систематизации и хронологической классификации древних железных якорей внес А. В. О कोरोков. Детально изучив якоря Y-образного типа, по ряду особенностей он разделил их на 2 подтипа: E.1 и E.2. Различие состоит в углах наклона рогов по отношению к веретену, а также в наличии или отсутствии пятки в нижней части якоря [7, с. 145-147]. По мнению исследователя, якоря с опущенными вниз по отношению к веретену рогами создавались для каменистого грунта, так как их применение на песчаном дне малоэффективно [8, с. 185-186].

В случае с исследуемыми нами «судакскими» якорями, по наличию пятки их можно отнести к подтипу E.1.

Стоит отметить, что единичные экземпляры якоря данного типа являются частой находкой в Северном Причерноморье. В 2009-2011 году, в акватории поселка Гурзуф, на север от Малых Адалар, Гурзуфская подводная археологическая экспедиция обнаружила десять средневековых якорей и их фрагменты, из которых четыре якоря относятся к Y-образным. Местные жители Гурзуфа также подняли один из таких якорей и украсили им вход в одно из кафе [2, с. 131]. Y-образные якоря также часто встречаются в акватории города Севастополя [3, с. 70-72]. В ходе подводных археологических разведок нашей совместной экспедиции в октябре 2019 года, на дне Коктебельской бухты у плато Тепсень также были локализованы пять средневековых якорей, два из которых – Y-образные. В монографии А. В. О कोरोкова и А. В. Кулагина «Древние якоря: историко-культурное наследие Северного Причерноморья» приводятся примеры многочисленных находок, рассматриваемых нами якорей, от Крымского до Кавказского побережья [7, с. 264-299].

Продолжая рассматривать версию кораблекрушения, следует отметить, что находки средневекового керамического материала в акватории Судакской бухты хотя и свидетельствуют о возможных кораблекрушениях этого периода, однако о конкретных объектах говорить пока не приходится, поскольку гидрофизическое и биологическое влияние на малых глубинах приводит к полному разрушению деревянных конструкций корпусов кораблей.

Мы наблюдаем схожую ситуацию с одним из немногих идентифицированных кораблекрушений в расположенной неподалеку бухте поселка Новый Свет. Вышеуказанное кораблекрушение находится на достаточно малых глубинах (до 14 метров), и вследствие действия природных факторов деревянные конструкции судна не сохранились.

Более тщательное исследование участка скопления «судакских» якорей в будущем, должно в конечном итоге подтвердить или опровергнуть версию о кораблекрушении.

Список литературы

1. Басс, Дж. Подводная археология. Древние народы и страны / Д. Басс. Пер. с англ. О. И. Перфильева. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 202 с.
2. Вахонєєв, В. В. Підводні археологічні дослідження навколо скель Адалари (Крим) в 2009- 2011 роках / В. В. Вахонєєв, А. С. Синиця // Terra Alustiana MMXI. – Симферополь, 2015. – С. 124-134.
3. Зеленко, С. М. Подводная археология Крыма / С. М. Зеленко. – Киев: Издательский дом «Стилос», 2008. – 272 с.: илл.
4. Зинько, В. Н. Подводные археологические наблюдения и разведки у горы Опук / В. Н. Зинько, А. Н. Шамрай // Боспорские исследования. Вып. XXI. – 2009. – С. 449-458.
5. Лоция Черного моря / ред. А. Г. Крутов. – Ленинград: МО СССР, 1976. – 511 с.
6. Майко, В. В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым / В. В. Майко, А. В. Джанов. – Симферополь: Ариал, 2015. – 448 с.
7. О कोरोков, А. В. Древние якоря: историко-культурное наследие Северного Причерноморья / А. В. О कोरोков, А. В. Кулагин. – Феодосия: РА «Арт Лайф», 2016. – 344: илл.
8. О कोरोков, А. В. Датировка и классификация судовых железных якорей III в. до н. э. - XI в. н. э. / А. В. О कोरोков // Боспорский сборник. – 1993. – Вып. 2. – С. 172-191.
9. Скрыгин, Л. Н. Якоря / Л. Н. Скрыгин. – М.: Изд-во Транспорт, 1979. – 384 с., илл.
10. Сюзюмов, М. Я. Византийские этюды / М. Я. Сюзюмов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 396 с.
11. Kapitan, G. Ancient anchors – technology and classification / G. Kapitan // The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration. –1984. – 13.1.
12. Türkmenoğlu, E. Late byzantine ships and shipping 1204-1453 // A Master's Thesis by Evren Türkmenoğlu. – Ankara: 2006.
13. Van Doorninck, F. H., Jr. An 11th century shipwreck at Serce Liman, Turkey: 1978 – 81 / F. H. Van Doorninck, Jr. // IJNA. – 1982. – 11.1.

Статья поступила в редакцию 1.12.2019

Ivanov, S. V., Gorbunov, P. A. Localization of a Cluster of Medieval Anchors in the Sudak Bay

The article explores a cluster of medieval Y-type anchors localized in the Sudak Bay by a joint expedition of the “Black Sea Underwater Research Center” and the “Crimean Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences” in 2019; presents versions for the identification of this cluster. Particular attention is paid to the issues of dating the Y-type anchors.

Keywords: cluster of anchors, medieval anchor, Y-type, anchorage, shipwreck, Sudak, Sudak Bay

УДК 929(470)Потёмкин

В статье говорится о предложении Г. А. Потёмкина основать на берегах Ахтиарской гавани «полуденную» столицу - «Севастопольское пристанище (Havr)», его усилиях по подготовке к визиту Екатерины II, её пребывании в городе в мае 1787 года, забвении планов Светлейшего князя по созданию южной столицы Российской империи после его кончины.

Ключевые слова: Екатерина II, Григорий Александрович Потёмкин, Николай Иванович Корсаков, Фома Фомич (Томас) Мекензи, Черноморский флот, Ахтиар, Севастополь.

В. В. Коваленко, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: cowalenko.vitalij@yandex.ru

ПОЛУДЕННАЯ СТОЛИЦА

В начале июня 1783 года Екатеринославский генерал-губернатор князь Г. А. Потёмкин, обеспокоенный известиями о случаях заболевания в Крыму чумой, отправился на полуостров. Предприняв меры по недопущению распространению болезни, он не преминул посетить Ахтиарскую гавань, где под руководством контр-адмирала Фомы Фомича Мекензи началось строительство военного порта. Вернувшись в Херсон, Г. А. Потемкин отправляет Екатерине II письмо, датированное 13-м июня. В первых строках его, оставив «до другого случая» повествование о «красоте Крыма», князь утверждает, что «Ахтиар - лутшая гавань в свете» и тут же предлагает основать здесь новую столицу империи: «Петербург, поставленный у Балтики, северная столица России, средняя Москва, а Херсон Ахтиарской да будет столица полуденная моей государыни» [10, с. 172].

Судя по дальнейшему развитию событий эта идея не была отвергнута Екатериной II, поскольку вписывалась в одобренные ей геополитические проекты, известные как «Греческий» и «Крымский». Потемкин, тяжело заболевший после прибытия в Херсон и ещё не оправившийся от недуга, вновь отправляется в Крым для объявления манифеста о присоединении полуострова к Российской империи и приведения к присяге местного населения. 29 июля 1783 года, из лагеря у Карасу Базара (ныне Белогорск), он сообщает императрице, что едет в Ахтиар, чтобы представить свои предложения о том, «как укреплять» его [10, с. 178].

Вскоре Г. А. Потёмкин представил Екатерине II «положение о крепостях, какие должны строиться в Тавриде» [4, с. 121]. Оно было одобрено императрицей, которая 10 февраля 1784 года подписала указ «Об устройстве новых укреплений по границам Екатеринославской Губернии» [27, с. 21-22]. В нём предписывалось, наряду с прочими, устроить: «9. Крепость большую Севастополь, где ныне Ахти-Яр и где должны быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное селение» [27, с. 22]. Строительство укреплений было возложено на полковника Николая Ивановича Корсакова, которого Потемкин представил императрице как инженера «что у нас не бывало» [10, с. 178].

В июле 1784 года Г. А. Потёмкин, назначенный к этому времени генерал-губернатором Таврической и Екатеринославской губерний, вновь побывал на берегах Ахтиарской гавани. В течение двух дней он проверил расположение эскадры и ход строительных работ, развернувшихся на западном берегу Южной бухты при выходе её в большой залив. Оставшись довольным увиденным, Потемкин пообещал командующему эскадрой контр-адмиралу Ф. Ф. Мекензи возместить личные средства, истраченные на различные казённые нужды [17, с. 6-7]. Фоме Фомичу был также пожалован участок земли, где он обустроил себе хутор.

Узнав о недостатке пресной воды для нужд флота и растущего населения города, Потёмкин дал указание провести необходимые изыскания. Запасы воды были найдены в восьми километрах к югу от города, в балке, где находился хутор капитана Евстафия Сарандинаки. В августе 1784 года началась прокладка водопровода, для которого использовались керамические трубы, сделанные местными мастерами [5, с. 10]. Впрочем, эти работы были приостановлены уже осенью и впоследствии не возобновлялись [9, с. 89].

По приказу Г. А. Потемкина солдаты корпуса, которым командовал генерал-поручик Осип Андреевич Игельстром, приступили к «исправлению» дорог, ведущих от Бахчисарая к Севастополю через горы и обратно через Бельбек [29, с. 302]. По его распоряжению в город направлялись рабочие

из различных губерний. Необходимые строительные и другие материалы и предметы доставлялись из разных, иногда весьма отдаленных мест. Так, например, лес, кроме Крыма и Воронежа, поступал из Белоруссии и Польши, а железо с уральских заводов [6, с. 160]. Правителю Таврической области Василию Васильевичу Каховскому было дано указание о заготовке в Севастополе тесаного камня, изготовлении в большом количестве черепицы и «завести по способности кирпичный завод» [29, с. 312].

В сентябре 1784 года Г. А. Потемкин приказал полковнику Н. И. Корсакову «ехать в область Таврическую и сделать прожекты крепостям, которые вам от меня назначены. Севастополь должен быть сильным укреплением. Магазины же адмиралтейские надлежит разположить удобными к выгрузке так чтоб туда в них походить могли, а самые большие тягости поднимались машинами малым числом людей» [29, с. 308-309]. На основании подготовленных Корсаковым документов, 10 августа 1785 года Екатерине II был подан обширный «Всепопданнейший доклад кн. Потёмкина» [4, с. 121-134], центральный тезис которого гласил: «Главная и одна только крепость должна быть Севастополь» [4, с. 121]. Город на берегу Ахтиарского залива в документе именуется не «столица полуденная», но «Севастопольское пристанище (Навге)» [4, с. 121], что могло означать как гавань или порт, так и «место, которое может служить приютом, убежищем» [24, с. 518].

В докладе, представленном Потемкиным, подробно описано месторасположение и климатические условия Севастополя, обоснованы выгоды устройства в нём крупного города и порта. Указано было и на главную трудность в выборе места под крепость, связанную с рельефом местности: «Через глубокие там овраги очень трудно и почти невозможно соединить части крепости и так защитить себя, чтоб не открыть тылу некоторых линий и самой внутренности залива прямолинейному действию неприятельских орудий» [4, с. 125]. Основные укрепления предлагалось возвести не в конце гавани, как во французских портах Марселе и Тулоне, а у самого входа в неё, подобно испанским Магону и Кадису [4, с. 124].

Проект крепости предполагал «три главные предмета: 1) Чтоб устье Севастопольского пристанища защитить сильным огнем и в то же время закрыть сколько можно соседственные к нему заливы. 2) Стенами сего укрепления оградить морские магазины и доки для строения и починки кораблей. 3) Сие место должно быть столь сильно укреплено, что хотяб неприятель, и высадив на берег превосходныя силы, облег крепость с земли и моря, то бы она находилась в состоянии его нападения противиться, доколе из других пределов России не прибудет к ней помощного войска» [4, с. 126-127].

Предусматривалось раздельное размещение военнослужащих и обывателей. Солдатские жилища должны были находиться близ бастионов, а корабельных матросов - «при берегах главного и меньших заливов, дабы они во всякое время были в близости судов своих». Улицы назначались так, «чтобы в них крутизна мест сколько можно меньше была чувствительна. Нижняя часть крепости оставляется для адмиралтейства и его магазинов, начальников, служителей и мастеровых людей. Три площади должны служить сборными местами для военных людей». На одной из них предусматривалось водохранилище «для запасной на время осады воды». Кроме этого, во всех обывательских домах должны быть цистерны, которые будут наполняться водой дождевой, либо из водохранилища [4, с. 133-134].

Расходы на строительство крепости предусматривались с поразительной точностью в сумме 4 млн. 628 тыс. 474 руб. $\frac{1}{4}$ коп. Они делились на три основные статьи: 1. На окружное крепостное строение. 2. На внутренние строения - жилища для военнослужащих и командиров, пороховые погреба, адмиралтейство, доки, запасные магазины, водоохрана, церкви и главные ворота. 3. На каменную плотину и четыре замка - три в море и один на берегу. Должны быть задействованы ежедневно до 3000 рабочих солдат или матросов, а также до 500 мастеровых - каменщиков, плотников и прочих [4, с. 134].

13 августа 1785 года указом, данным генерал-фельдмаршалу князю Потёмкину, Екатерина II повелела «произвести в действо» представленный ей план строительства «крепости с адмиралтейством и со всем нужным и полезным в Севастополе» [27, с. 440]. В этот же день другим Высочайшим рескриптом Черноморский флот со всей инфраструктурой был изъят из ведения Адмиралтейской коллегии. Управление им поручалось Г. А. Потёмкину на правах Главного начальника, с предоставлением полномочий производить в чины вплоть до капитана 1 ранга. Ему непосредственно подчинялось учреждённое в Херсоне Черноморское адмиралтейское правление во главе со старшим членом [27, с. 440]. Этим же указом утверждался первый штат Черноморского флота [27, с. 440], по которому он должен иметь 12 кораблей, 20 больших фрегатов, 5 боевых шхун, 18 транспортных и вспомогательных судов [9, с. 92-93].

На должность старшего члена Черноморского адмиралтейского правления получил назначение 30-летний капитан 1 ранга Николай Семёнович Мордвинов, сын видного деятеля отечественного военного флота. В 12 лет он был отправлен отцом на службу, в 14 лет получил чин мичмана, а в 1774 году, в 20 – летнем возрасте, послан для усовершенствования в морском искусстве в Англию, где пробыл три года и, плавая на английских военных судах, посетил разные порты в Америке и Европе. По возвращении в Россию Н. С. Мордвинов командовал различными кораблями, а в 1782-1784 годах принимал участие в секретной экспедиции в Средиземное море [22, с. 393-394].

2 сентября 1785 года Екатерина II подписала указ Сенату, в котором в «число потребностей сметы на сооружение крепости и Адмиралтейства со всем к тому принадлежащим в Севастополе, и на разные другие строения к пользе государственной и к обеспечению границы в губернии Екатеринославской и области Таврической предприемлемые», повелела «отпустить из Санктпетербургского банка в распоряжение нашего генерал-фельдмаршала, военной коллегии президента, Екатеринославского и Таврического генерал-губернатора князя Потёмкина три миллиона рублей» [34, с. 20]. 14 февраля 1786 года инженер-полковник Н. И. Корсаков представил Потёмкину уточнённый и детализированный план застройки Севастополя, в котором все необходимые работы были расписаны по десяти годам. [28, с. 206-207].

К этому времени не стало контр-адмирал Ф. Ф. Мекензи, находившегося в Севастополе «в качестве строителя порта» [22, с. 301]. В 1785 году он был привлечен к ответственности «за недозволенное расходование казённых средств» [22, с. 301]. Причиной финансовых нарушений послужили «недостаток средств» и «настоятельные требования жизни и службы», для удовлетворения которых Фома Фомич «не жалел не только сил, но и отчасти своей репутации, не останавливаясь перед формальными упущениями для достижения лучших результатов» [8, с. 247]. Трудно сказать, чем закончилось бы разбирательство, поскольку 10 января 1786 года адмирал Мекензи скоропостижно скончался. Похоронили его с почестями близ устья Южной бухты, на холме, длительное время называвшемся «Мекензиев курган» [32, с. 26].

Позже это название заменили на Зеленый холм, а затем на Красную горку. Память о надолго забытом адмирале, который «основал порт на месте татарского селения Ахтиар» [35, с. 123] осталась лишь в названии местности, где некогда находился его хутор – «Мекензиевы горы». К общеизвестным данным о Фоме Фомиче, приводимым в отечественной литературе, можно добавить сведения из монографии современного английского историка Роберта М. Мелвина. Он сообщает, что Фома Фомич родился в городе Архангельске 18 (29) февраля 1840 года [36, с. 61]. Был единственным сыном шотландца Томаса (Фомы Калиновича) Мекензи, в 1736 году принятого на русскую службу и 28 лет спустя произведённого в контр-адмиралы [20, с. 247]. Мать Фомы Фомича - Анна Янг, была дочерью российского контр-адмирала шотландского происхождения Томаса Гордона [36, с. 61].

Командование Севастопольской эскадрой после кончины Мекензи принял уроженец Далмации граф Марко Иванович Войнович, 15 мая 1787 года произведённый в контр-адмиралы [21, с. 317]. Ему выпала задача подготовки города и эскадры, пополнявшейся новыми кораблями, к визиту Екатерины II, намеченному на весну 1787 года. Сохранились свидетельства современников о том, как выглядело севастопольское «пристанище» к этому времени. В январском номере журнала «Морской сборник» за 1852 были опубликованы «Отрывки из записок севастопольского старожила» [25, с. 33-47]. Составленные одним из флотских офицеров в 1828 году, они содержат описание города таким, каким был город накануне визита императрицы.

Севастополь «имел всех строений не более сорока, казенных и партикулярных; в порте не было еще никаких укреплений, и адмиралтейство только еще устраивалось, а нагорное возвышение, где расположен теперь почти весь город, покрыто было лесом» [25, с. 33]. Свои дома, кроме командующего эскадрой, имели некоторые командиры кораблей. Первым от здания, построенного для Ф. Ф. Мекензи, стоял дом командира 66-пушечного линейного корабля «Мария Магдалина» капитана 1-го ранга Вениамина (Бенджамина) Тизделя. Далее, рядом с ним, были два небольших казенных домика.

Против них выстроено длинное здание, разделенное на многие помещения, в которых жили морские офицеры. Неподалёку стояла маленькая каменная церковь Св. Николая. Против церкви находились угловые дома купца Экзаменовского, подрядчика черноморского департамента, и корабельного мастера Ивана Юхарина, за которыми стояли дома капитанов 1 ранга Дмитрия Доможирова и Фёдора Ушакова. За последним было выстроено несколько греческих и русских лавочек, а против них пекарни. «Всё это составляло нынешнюю большую улицу и в том заключался весь город» [25, с. 35 - 36].

Адмиралтейство, ограждённое вдоль балки деревянной решеткой, включало кузницу, мачтовый сарай и два небольшие складских помещения. В Корабельной бухте, на узком мысе, стояла казарма команды корабля «Св. Павел», от которого мыс получил название Павловского. В этой же бухте, близ берега другого мыса, стоял построенный уже при графе Войновиче домик для морских офицеров со своей пристанью. Рядом с ней находилась пристань линейного корабля «Слава Екатерины». В большой пещере за офицерским домиком хранился порох для кораблей. По набережной Корабельной бухты стояли две казармы корабля «Слава Екатерины» и фрегата «Нестор». «Более никаких строений не было по всем севастопольским бухтам» [25, с. 36].

Весной 1787 года в Севастополе побывал граф де Людольф, сын посла короля Неаполитанского в Константинополе. Свои первые впечатления о городе он изложил в письме, датированном 3 мая: «Никак нельзя назвать городом две длинные улицы, состоящие из офицерских, матросских и солдатских барачков, с маленькою церковью, несколькими магазинами и адмиралтейством; почти все строения здесь покрыты соломой. На здании адмиралтейства отразилась та поспешность, с которою старались всему придать вид великолепия и важности, заметно, что здесь трудно было справиться с постройкой за отсутствием средств. Вид этого порта был бы великолепен, если б окружающие его холмы были заселены, возделаны и покрыты лесом.

Съестные припасы для эскадры, как-то: мука, сухари, солёное мясо, с большими издержками привозятся сюда из России, а некогда столь густо заселённый и столь плодородный Крым не в состоянии кормить остающихся в нем немногочисленных жителей; здесь всего мало и все здесь страшно дорого, дрова доставляются сюда более, чем за двадцать, за тридцать вёрст... В здешней местности существует всего один огород, впрочем крайне бедный; здесь есть цикорий и в большом количестве дикая, довольно толстая, но горькая спаржа, которые и заменяют собою всякие другие овощи» [16, с. 157-158].

Возможно, на общее впечатление от Севастополя у графа де Людольфа наложило свой отпечаток его пятидневное пребывание в карантине: «Местечко, где мы стали на якорь, ... не только совершенно пустынно, но даже не позаботились о том, чтобы возвести там какие бы то ни было строения, так что, если не спать под открытым небом в крайне холодные и вредные для здоровья ночи, приходится довольствоваться пребыванием на корабле. При нашем прибытии мы нашли приготовленными на земле две палатки, но все предпочли остаться на корабле, где мы очень удобно устроились...

Здесь находился древний город Херсонес, развалины которого покрывают довольно значительное пространство; уцелевшие еще стены сложены из тесаного камня, который ежедневно выламывают для постройки новых домов в Севастополе, которые не будут иметь ни красоты, ни прочности прежних строений. Мне трудно дать вам точное подробное описание этого древнего города; покрываемое им пространство представляет собою зрелище всеобщего опустошения, а окружающие его окрестности в настоящее время представляют собою не более, как обширную дикую пустыню, покрытую развалинами и обломками. Куда ни глянет взгляд не видно ни одного жилища, ни одного дерева» [16, с. 157].

Находясь в Севастополе, граф, как и положено дипломату, тщательно пересчитал стоявшие в гавани военные суда – три корабля с 66 пушками, два 50-пушечных и десять 40-пушечных фрегатов, четыре 24-пушечных корвета. С его точки зрения все они были плохо вооружены, а экипажи не имели полного комплекта. Личный состав судов – «крестьяне, которых набирают в различных частях империи; кое-как здесь стараются обучить их военным упражнениям, а так как в этой стране все преувеличивают, то меня уверяют, что по доброте они превосходят матросов всех прочих европейских держав...

Весь материал, снасти, огонь, все боевые запасы точно также привозятся из России; здесь еще не устроено никаких фабрик. Русские, насколько только возможно, стараются составлять себе иллюзии и скрывать, особенно от иностранцев, печальное положение вещей; тем не менее трудно не видеть, насколько Русская империя тяготится этим отдаленным завоеванием» [16, с. 161-162]. В общем, читатель писем де Людольфа неизбежно приходил к выводу, что Россия не способна распорядиться приобретением, а посему вынуждена будет расстаться с обременительными для неё Крымом и Севастополем. К счастью, эту мысль, столь приятную для просвещённой Европы, не разделяла Екатерина II, прибывшая в Крым в мае 1787 года.

В поездке императрицу сопровождала свита из трёх тысяч человек. В их были и иностранные дипломаты: граф Людвиг фон Кобенцль – посол немецко-римского императора, барон Аллейн Фицгерберт – английского и граф Луи Филипп де Сегюр – французского двора. В Херсоне присоединился австрийский император Иосиф II, прибывший в Россию инкогнито под именем графа

Фалькенштейна. Утром 22 мая Екатерина II отправилась из Бахчисарая в Севастополь, сопровождаемая хоругвью мурз и дивизионом бешлеев [14, с. 473]. Командовал конвоем потомок балкарских князей полковник Иван Горич, командированный Потемкиным для обмундирования и обучения татар, поступивших на русскую службу [7, с. 402]. Сделав на хуторе Мекензи остановку для смены лошадей, кортеж императрицы прибыл в Инкерман. На здешних высотах был выстроен павильон, в котором высоких гостей ждал обед. В столовой окна с западной стороны были занавешены. Но когда все сели за стол и заиграла музыка, занавесь спала.

Взорам присутствующих открылось величественное зрелище: между двумя рядами татарских всадников они увидели обширный севастопольский рейд, посреди которого «выстроился в боевом порядке грозный флот, построенный, вооруженный и совершенно снаряженный в два года» [13, с. 213-214]. Императрицу приветствовали 3 корабля, 12 фрегатов, 20 мелких судов, 3 бомбардирские лодки и 2 брандера, всего 40 военных судов [3, с. 494]. По сигналу, данному Потемкиным, флагманский корабль «Слава Екатерины» поднял кейзер-флаг. Тотчас каждое судно салютовало 12 выстрелами, на который флагман ответил залпами из 9 пушек [12, с. 233].

После обеда Екатерина II и Иосиф II сели на катер и в сопровождении свиты, разместившейся на других судах, направились к Севастополю, на три дня ставшему её «столицей полуденной». В половине 5-го часа пополудни катер императрицы пристал к пристани, которую Потёмкин велел именовать Екатерининской, но за которой, однако, закрепилось впоследствии название Графской. К ней ежедневно подходило гребное судно, на котором граф Войнович переправлялся в город с противоположного берега Южной бухты, где была его квартира. От пристани поднималась «великолепная лестница из тёсаного камня» [18, с. 296], от которой до дома Мекензи, названного «Екатерининским дворцом», вела терраса с деревянным помостом и железными перилами со столбами, на которых висели фонари с позолотой. От самой воды, по лестнице и помосту было разостлано тонкое синее сукно [25, с. 37].

У крыльца здания императрицу встречали греческие купцы и прочие жители Севастополя с хлебом и солью в серебряной солонке [14, с. 474]. Сам «Екатерининский дворец», весьма скромный снаружи, внутри был по приказу Потёмкина великолепно отделан. Стены во всех комнатах, от пола до окон были закрыты панелями из лучшего орехового дерева, а выше окон штофом - тяжёлой тканью разных цветов. Окна закрывались шелковыми занавесами, а полы устланы тонким тёмно-зелёным сукном. Комнаты были меблированы лучшей мебелью, зеркалами и люстрами [25, с. 37-38]. Сопровождавшие императрицу лица расположились неподалёку - в доме капитана 1 ранга В. Тизделя и в офицерском общежитии [25, с. 36], а многие «по неимению в городе достаточного места для помещения, расположились в палатках, разбитых возле дворца» [25, с. 40].

Отпустив свиту, Екатерина II провела короткую беседу с Иосифом II, через десять минут позвали князя Потемкина. «Они проговорили втроем с четверть часа, затем явился с планами инженерный офицер, которому было поручено возвести на этом месте укрепления (полковник Корсаков – В. К.); с ним проговорили с полчаса» [18, с. 296]. 23 мая Екатерина II посетила каменную церковь Святого Чудотворца Николая. Здесь она слушала литургию, которую совершил иеромонах Михаил, находившийся при черноморском флоте на корабле «Св. Мария Магдалина» [12, с. 242-243]. После возвращения во дворец императрица приняла жён штаб- и обер-офицеров Черноморского флота, которые «представлены были и допущены к руке» [12, с. 243].

В 6 часу вечера Екатерина II с императором Иосифом и некоторыми особами из свиты поднялась на борт корабля «Слава Екатерины», с которого осмотрела Севастополь. Потёмкин не преминул подать императрице записку с указанием числа казённых и частных зданий в городе, сказав ей, что «порт сей никогда не был обитаем; все, что видите, Ваше Величество, и что показано в записке, стоят все построения, казне принадлежащие, не более как до двадцати тысяч рублей». Удивлённая Екатерина воскликнула: «это невероятно!» Иосиф II, находившийся рядом и внимательно слушавший разговор, попросил Потёмкина пояснить.

Тот объяснил монархам, что весь материал, использованный при строительстве: камень, известь, черепица и прочее добыто матросами, с прибавлением от казны бревен, досок, медных вещей, стекол и тому подобное. Все работы были произведены руками матросов, которым платили по пять копеек в день. На это императрица сказала: «Это очень мало, прибавьте им еще на мой счет по пяти копеек» [1, с. 147]. В 10 часу вечера с бомбардирского корабля «Страшный» был обстрелян специально выстроенный на северной стороне залива городок, который с пятого выстрела был зажжен [33, с. 79-80].

Екатерина II осталась довольна увиденным в Севастополе. Она писала своему многолетнему корреспонденту барону Фридриху Гримму: «Здесь, где тому назад три года не было ничего, я нашла

довольно красивый город и маленькую флотилию, довольно живую и бойкую на вид; гавань, якорная стоянка и пристань хороши от природы, и надо отдать справедливость князю Потемкину, что он во всем этом обнаружил величайшую деятельность и прозорливость» [19, с. 143]. Публично расточали комплименты и иностранные гости. Однако, в письмах и частных беседах они выражали скептицизм по поводу увиденного.

Прежде всего, это относится к союзнику Екатерины II – австрийскому императору Иосифу II. В беседе с Сегюром он сказал, что видит «во всем этом гораздо более эффекта, нежели внутренней цены. Князь Потемкин деятелен, но он гораздо лучше умеет начинать, нежели довершать. Впрочем, так как здесь никаким образом не шадят ни денег, ни людей, то все может казаться нетрудным... Владелец рабов приказывает; рабы работают». В другом разговоре Иосиф заметил: «Вы видите, что здесь ни во что не ставят жизнь и труды человеческие; здесь строятся дорога, гавани, крепости, дворцы в болотах; разводятся леса в пустынях без платы рабочим, которые, не жалуясь, лишены всего, не имеют постели, часто страдают от голода» [3, с. 497-498].

Сегюр вторил императору: «Здесь больше блеска, чем прочности, за все берутся, ничего не довершают. Потёмкин легко бросает то, за что принялся с жаром... Крым лишился более двух третей своего населения. Каффа разорена и не поднимется. Один Севастополь уже довольно значителен; но нужно много времени, чтобы он стал настоящим городом. Позаботились все украсить, нарядить, оживить на срок, на показ императрице; но лишь только Екатерина уедет, то вместе с ней исчезнут все прикрасы этого края» [13, с. 227-228].

3 июня в письме к фельдмаршалу Францу-Морицу Ласси Иосиф II признал, что «Севастополь красивейший порт, какой я когда-либо видел... Настроено уже много домов, магазинов, казарм, и если будут продолжать таким образом в следующие три года, то, конечно, этот город сделается очень цветущим» [26, с. 364]. В другом же письме этому адресату Иосиф II дал негативную оценку личному составу севастопольской эскадры: «Матросы, как я понимаю, очень мало обучены своему делу: просто набрали две тысячи рекрут, да и называли их матросами. Здесь, как вам известно, и все так делается. Едва только поступив во флот, они уже лезут на мачты. Случается, некоторые ломают при этом руки и ноги, чему я сам был свидетелем, но их скоро заменяют другими; так они и будут лазить до тех пор, пока выучатся. На судах и во флотском госпитале много больных, которые находятся в ужасном положении, так как об них не заботятся нисколько» [26, с. 364-365].

24 мая в 9 часов утра, под залпы пушек флота и батарей, кортеж императрицы выехал из Севастополя и направился к Байдарской долине, где находились обширные владения Потемкина. Возле Балаклавы, у селения Кадыковка (тат. Кади-Кой), Екатерина II была встречена хлебом и солью протоиереем Балаклавского полка о. Ананием и местными греками, мужчинами и женщинами. Императрица приложилась ко кресту, поблагодарила встречавших, экипаж её тронулся с места, но вскоре остановился. На дороге, в конце аллеи, протянувшейся на четыре версты и усаженной апельсиновыми, лимонными и лавровыми деревьями, стояла конная рота «амазонок», составленная из ста «благородных жен и дочерей балаклавских греков» [11, с. 72].

Вооруженные ружьями, в наряде из юбок малинового бархата, отороченных золотым галуном, бархатных курточек зеленого цвета, также обшитых золотым галуном, в белых тюрбанах с золотыми блестками и с страусовым пером «амазонки» выглядели очень живописно [11, с. 72]. Екатерина II, не выходя из кареты, подозвала их командира Елену Сарандову, жену офицера греческого батальона, поцеловала её в губы и, потрепав по плечу, сказала: «Поздравляю вас, амазонский капитан! Ваша рота исправна. Я ею очень довольна». Позже императрица подарила Елене Сарандовой бриллиантовый перстень, а всем «амазонкам» велено было выдать по сто рублей [11, с. 75].

В час по полудни кортеж прибыл в урочище Скели. Карета императрицы подъехала к большой татарской палатке, у входа в которую высокую гостью встретил прибывший заранее Потёмкин. После обеда Екатерина II с императором Иосифом совершила прогулку к речке Биюк-Узень (тат. «Большая река»), где любовалась водопадом. В 3 часу кортеж отправился через Байдарскую долину, селение Камары (ныне Оборонное) и хутор Мекензи в Бахчисарай. Гористая дорога, а также ненастная погода замедляли переезд, и только в час по полуночи Екатерина II и её спутники добрались к бывшей ханской столице [12, с. 366].

После путешествия Екатерины II в «полуденные края» активизировались действия западных государств по сталкиванию России и Османской империи, болезненно воспринимавшей ослабление своих позиций в Причерноморье. В Константинополе говорили: «Пока Крым находится в руках России, Турцию можно сравнивать с домом без дверей, в который каждую минуту беспрепятственно могут явиться воры» [2, с. 418]. Европейские державы, сами мечтавшие о разделе Османской империи и присвоении наиболее «лакомых» её кусочков, также были крайне огорчены действиями

Екатерины II, опередившей их, прежде всего Англию и Францию, стремившихся решить в свою пользу Восточный вопрос.

Свою лепту в развитие событий внесли иностранных «гости», посетившие Севастополь накануне и во время пребывания в нём императрицы. С одной стороны, они давали в целом негативную оценку способности России удержать контроль над Крымом в случае новой войны с Османской империей. С другой, их впечатлили темпы роста российского военного присутствия в регионе. По дипломатическим каналам эти мнения доводились до турецкого руководства, подталкивая последнее к безотлагательному началу военных действий.

13 августа 1787 года был опубликован манифест султана с объявлением войны России. Для ведения боевых действий он выделил 200-тысячную армию. В Чёрном море находилась турецкая эскадра из 19 кораблей, 16 фрегатов и 5 бомбардирских кораблей. Перед ней была поставлена задача блокировать русские суда в Лимане, овладеть крепостью Кинбурн, а затем с помощью десанта занять Крым [15, с. 16]. Севастопольская эскадра, которая в документах того времени именуется «корабельным флотом, базирующимся в Севастополе», «корабельной эскадрой» и «Севастопольским флотом» [23, с. 119], в сложившихся условиях должна была отвлечь турецкий флот от продвижения к Херсону и осады Кинбурна.

Г. А. Потёмкин в ордере на имя контр-адмирала М. И. Войновича потребовал «собрать все корабли и фрегаты и стараться произвести дело, ожидаемое от храбрости и мужества вашего и подчиненных ваших. Хотя б всем погибнуть, но должно показать всю неустрашимость к нападению и истреблению неприятеля. Сие объявите всем офицерам вашим. Где завидите флот турецкий, атакуйте его, во что бы ни стало, хотя б всем пропасть» [30, с. 559-560]. Боевую задачу конкретизировал вице-адмирал Н. С. Мордвинов, приказавший Войновичу «идти прямо к Варне, напасть и истребить находящийся там флот неприятельский» [17, с. 50].

31 августа Севастопольская эскадра, несмотря на неблагоприятный метеопрогноз в связи наступлением сезона бурь и штормов, вышла в море. В её составе были 3 корабля и 7 фрегатов, «которые только способны и годны», как писал Войнович в донесении Потёмкину от 25 августа [17, с. 51]. До сражения с турками дело не дошло. Утром 9-го сентября эскадра попала в жесточайший шторм, длившийся пять дней. 40-пушечный фрегат «Крым» вместе с командой пропал без вести. Сильно повреждённый 66-пушечный корабль «Святой Павел» капитана 1 ранга Ушакова буря забросила к кавказским берегам.

Корабль «Мария Магдалина» в полузатопленном состоянии, со сломанными мачтами был отнесён течением к Босфору, где сел на мель. Командир его капитан 1 ранга В. Тиздель предложил взорвать судно, но офицеры и экипаж воспротивились [10, с. 243]. В итоге корабль попал в руки противника. 396 человек команды оказались в плену, где в тяжелейших условиях провели пять лет. Все остальные суда эскадры получили тяжёлые повреждения, потеряв каждое не менее двух мачт, и нуждались в капитальном ремонте. Лишь фрегат «Легкий», которым командовал капитан 2 ранга Роберт Вильсон, не только не получил серьёзного ущерба, но даже потопил турецкое судно и снятых с него людей доставил в Севастополь [31, с. 54].

Катастрофа корабельной эскадры произвела удручающее впечатление на Потёмкина. 24 сентября 1787 года он отправляет отчаянное письмо Екатерине II: «Матушка Государыня, я стал несчастлив. При всех мерах возможных, мною предприемлемых, все идет наыворот. Флот севастопольский разбит бурею; остаток его в Севастополе - все малые и ненадежные суда, и лучше сказать, неупотребительные. Корабли и большие фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки. Я при моей болезни поражен до крайности, нет ни ума, ни духу... хочу в уединении и неизвестности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлится. Теперь пишу к графу Петру Александровичу (Румянцеву – В. К.), чтоб он вступил в начальство... Я все с себя слагаю и остаюсь простым человеком» [10, с. 232]. В другом письме, отправленном императрице в этот же день, Потёмкин предлагает Екатерине II вывести войска из Крыма, где они «заперты безо всякого действия» [10, с. 232].

Получив оба послания 2 октября, Екатерина в этот же день отправляет ответное письмо. Она указала Потёмкину, что ждёт от него распоряжений, направленных на исправление кораблей и ободрение людей, чего, однако, пока не примечает [10, с. 238]. Что касается вывода войск из Крыма, то Екатерина II задает резонный вопрос - «куда девать флот Севастопольский?» [10, с. 238]. «Начать же войну эвакуацией такой провинции, которая дондес не в опасности, кажется спешить не для чего... Как флот вычинится, то надеюсь, что сия идея совсем исчезнет» [10, с. 239]. Потёмкин, позабыв на время о планах по созданию «столицы полуденной», не отказывается от мысли о выводе войск с полуострова, но получает в итоге твердый ответ императрицы: «На оставление Крыма, воля

твоя, согласиться не могу; об нем идет война, и если сие гнездо оставить, тогда и Севастополь, и все труды, и завоевания пропадут» [10, с. 287].

Увещания Екатерины II известие о и победе, одержанной А. В. Суворовым под Кинбурном, способствовали выходу Потёмкина из состояния депрессии. Им были предприняты решительные меры по защите Крыма и Севастополя, восстановлению боеспособности стоявшего здесь корабельного Черноморского флота. Со временем пришли победы не только на суше и на море. 29 декабря 1791 года в городе Яссы был подписан выгодный мирный договор с Османской империей. Границей России стала река Днестр. Султан согласился признать присоединение Крыма к России. Было подтверждено право русских судов свободно проходить через Черноморские проливы.

Светлейший князь генерал-фельдмаршал Григорий Александрович Потёмкин, Екатеринославский и Таврический генерал-губернатор, основатель Севастополя, создатель и Главный начальник Черноморского флота, не дождался заключения мира. 5 октября 1791 года он скончался в возрасте 52-х лет. Вопрос о «полуденной столице» после его смерти был снят с повестки дня. В последние годы правления Екатерины II финансирование Черноморского флота значительно сократилось, а затем было фактически прекращено. Надолго остались на бумаге планы строительства большой крепости Севастополь.

В конце XVIII века славную страницу в военную историю России вписал Средиземноморский поход севастопольской эскадры под флагом адмирала Фёдора Федоровича Ушакова. Но за два года этой экспедиции суда, построенные в спешке из сырого леса во время русско-турецкой войны 1787-1791 годов, износились до такой степени, что годными к плаванию после возвращения в родную гавань остались немногим более десяти кораблей и фрегатов. Флот и вместе с ним «севастопольское пристанище», вновь наименованное Ахтиаром, погрузились почти на два десятилетия в состояние застоя. Возрождение их началось с 1816 года, когда в должность Главного командира Черноморского флота и портов, военного губернатора Николаева и Севастополя вступил вице-адмирал Алексей Самуилович Грейг.

Список литературы

1. Арцимович, А. А. Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин / А. А. Арцимович // Морской сборник. 1855. № 4. Отдел учебно-литературный. – С. 113-171.
2. Брикнер, А. Г. История Екатерины Второй. Часть III. Внешняя политика / А. Г. Брикнер. – СПб.: Издание А. С. Суворина, 1885. – С. 261 – 515.
3. Брикнер, А. Г. Путешествие Екатерины II в Крым // Исторический вестник. – 1885. – Т.21. Сентябрь. – С. 444 – 509.
4. Бумаги Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического: 1774–1788 гг. / под ред. Н. Ф. Дубровина. – СПб.: Изд. Военно-Ученого Комитета Гл. Штаба, 1893. – XVI, 378 с.
5. Ванеев, Г. И. Севастополь. Страницы истории. 1783–1983 / Г. И. Ванеев. - Симферополь: Таврия, 1983. – 207 с.
6. Веселаго, Ф. Ф. Краткая история русского флота. Вып. I / Ф. Ф. Веселаго. - СПб.: Тип. В. Демакова, 1893. – VIII, 302 с.
7. Военная энциклопедия / Под ред. полк. В. Ф. Новицкого и др. - Т. 8.: [Гимры - Двигатели судовые]. – СПб.: Т-во И. Сытина, 1912. – 321-642, [6] с.
8. Военная энциклопедия / Под ред. полк. В. Ф. Новицкого и др. Т. 15 : [Линтулак - Минный отряд Балтийского флота]. – СПб.: Т-во И. Сытина, 1914. - 320, [6] с.
9. Головачов, В. Ф. История Севастополя, как русского порта / В. Ф. Головачов. – СПб.: Тип. Департамента уделов, 1872. – 260 с.
10. Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769 – 1791 / Изд. подгот. В. С. Лопатин. – М.: Наука, 1997. – 989, [1] с.
11. Есипов, Г. В. Амазонская рота при Екатерине II / Г. В. Есипов // Исторический вестник. – 1886. – Т. 23. № 1. – С. 71-75.
12. Есипов, Г. В. Путешествие Екатерины II / Г. В. Есипов // Киевская старина. – 1891. – №11. – С. 232-245.
13. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II. (1785-1789) : Пер. с фр. с примеч. пер. – СПб.: тип. В. Н. Майкова, 1865. – 386, III с.
14. Камер-фурьерский церемониальный журнал за 1787 год. СПб.: Типография департамента уделов, 1886. – [4], 1012 с.
15. Краснознаменный Черноморский флот. – М.: Воениздат, 1987. – 334 с.

16. Людольф де. Письма о Крыме / де Людольф // Русское обозрение. – 1892. – Т. 2. Март. – С. 155-201.
17. Материалы для истории Русского флота. Часть XV. – СПб.: Типография Морского Министерства, 1895. – 596 с.
18. Нассау-Зиген, К.-Г. Императрица Екатерина II в Крыму. 1787 г. / К.-Г. Нассау-Зиген // Русская старина. – 1893. – Т. 80. Ноябрь. – С. 284-299.
19. Новооткрытые письма императрицы Екатерины Второй к барону Гримму. 1787–1796 годы: 1787. Путешествие в Крым // Русский архив. 1878. Книга третья. – № 10. – С. 129-143.
20. Общий Морской сборник. Часть II. От кончины Петра Великого до вступления на престол Екатерины II. – СПб.: Типография В. Демакова, 1885. – 540 с.
21. Общий Морской список. Часть III. Царствование Екатерины II. – СПб.: Типография В. Демакова, 1890. – 608 с.
22. Общий Морской список: Ч. IV. Царствование Екатерины II. К-С. – СПб.: Типография В. Демакова, 1890. – 712 с.
23. Овчинников, В. Д. Адмирал Ф. Ф. Ушаков: влияние деятельности на строительство отечественного флота и развитие военно-морского искусства (вторая половина XVIII – начало XIX в.: дисс. на соискание уч. степ. д-ра ист. наук: 07.00.02 – Отечественная история. – М., 2014. – 346 с.
24. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1986. – 787 с.
25. Отрывки из записок севастопольского старожила / Сообщение А. 3. // Морской сборник. – 1852. – Т. 7. – № 1. – С. 33-47.
26. Письма императора Иосифа II к фельдмаршалу графу Ласси во время путешествия в Херсон и Крым в 1787 г. // Русский архив, 1880. Книга первая. – № 1-4. – С. 356-372.
27. Полное Собрание Законов Российской Империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. – СПб.: В тип. Второго отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. – Т. 22. – 1174 с.
28. Рапорт Н. И. Корсакова князю Г. А. Потёмкину о плане застройки Севастополя, рассчитанном на 10 лет. 14 февраля 1786 г. / Публикацию подготовила Н. Ю. Болотина // Исторический архив. – 1997. – № 2. – С. 206-208.
29. Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 год / Н. Мурзакевич // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. – Одесса, 1881. – Т. 12. – С. 249-329.
30. Сведения о князе Потемкина // Русский вестник. – 1841. – Т. 2. – С. 559-608.
31. Скаловский, Р. К. С. Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. – СПб.: Мор. учен. ком., 1856. – [2], 6, XXVI, 445 с.
32. Усольцев, В. С. Фома Фомич Мекензи / В. С. Усольцев. – Севастополь: Арт-Принт, 2001. – 58 с.
33. Храповицкий, А. В. Журнал высочайшего путешествия императрицы Екатерины II в полуденные страны России в 1787 году / А. В. Храповицкий. – М.: В Университетской типографии у Н. Новикова, 1787. – [2], 137 с.
34. Чернявский, С. В. Крым в царствование Екатерины II в документах Российского государственного исторического архива / С. В. Чернявский // Парадигмы истории и общественного развития. – 2016. – Вып. 2-3. – С. 17-21.
35. Энциклопедия военных и морских наук / под гл. ред. генерал-лейтенанта Г. А. Леера. – СПб.: В типографии В. Безобразова и комп., 1891. – Т. 5. – X, 642, [1] с.
36. Melvin, M. Sevastopol's Wars: Crimea from Potemkin to Putin / M. Melvin. – Electronic edition by Bloomsbury Publishing Plc, 2017. – 752 с.

Статья поступила в редакцию 27.11.2019

Kovalenko, V.V. Midday Capital

The article deals with G. A. Potemkin's proposal to found a "midday" capital, "Sevastopol shelter (Havr)" on the coast of Akhtiar harbor, his preparation for Catherine the Great's visit, her stay in the city in May 1787, failure of Potemkin's plans for creation of the southern capital of the Russian Empire after his death.

Keywords: Catherine the Great, Gregory Potemkin, Alexander Suvorov, Petr Rumyantsev, Fedot Klokachev, Thomas MacKenzie, Dmitry Domogirov, Ivan Odintsov, Akhtiar, Sevastopol.

УДК 930.2:82-343.09

Предметом исторического анализа в данном исследовании стали исторические корни древнерусской былины «Гибель Святогора». Используя метод сопоставления новых археологических данных с текстом древнерусской былины о Святогоре-богатыре, авторы детально проанализировали символику образа данного древнерусского богатыря, а также его былинного «побратима» Ильи Муромца. В исследовании указывается на очевидную связь между разорением во второй половине XII в. языческих святилищ в Карпатско-Днестровском регионе и былинным повествованием о гибели богатыря Святогора – собирательного образа последних языческих капищ в самых западных регионах Руси.

Ключевые слова: Святогор, Илья Муромец, богатырь, былина, языческий культовый центр, святилище.

М. Н. Козлов, доцент, д-р ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: kmn_75@mail.ru

Н. С. Жиртуева, доцент, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: zhr_nata@bk.ru

Saïm: zhirtueva.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ДРЕВНЕРУССКОЙ БЫЛИНЫ «ГИБЕЛЬ СВЯТОГОРА»

Историческая память находит свое отражение не только в письменных источниках, но и многочисленных фольклорных текстах, донесших до нас из глубины веков уникальные данные о верованиях, традициях и даже исторических событиях далекого прошлого. Разумеется, историческая ценность древнерусских былин, записанных в XVIII – нач. XX вв. значительно уступает значимости письменных источников XI-XVI вв. Необходимо учитывать и негативные стороны фольклорных источников, подвергавшихся на протяжении многих веков многочисленным дополнениям и переосмыслениям. Многие эпические произведения не дошли до нашего времени, от некоторых фольклорных источников сохранились лишь небольшие фрагменты.

Вместе с тем, значительная часть этих фольклорных текстов содержит в себе отголоски древних мифов, описания языческих верований, обычаев, обрядов и даже отдельных исторических событий и может быть использована при общей реконструкции древнерусской истории и культуры.

Особый интерес вызывают отрывки величественного древнерусского эпоса о Святогоре-богатыре, дошедшего до нас в былинной форме: «Гибель Святогора-богатыря».

В конце XX – первой половине XXI вв. в научный оборот было введено большое количество нового археологического материала, детальный анализ которого позволяет переосмыслить многие общепринятые теории, связанные с процессом становления православия на восточнославянских землях и трансформацией под действием христианства дохристианских верований и представлений. Сопоставление новых археологических данных с текстом древнерусской былины о Святогоре позволит нам более детально осмыслить символику образа данного древнерусского богатыря и установить ее связь с историческими событиями.

Древнерусская былина о Святогоре-богатыре стала объектом научного исследования уже в первой половине XIX в., однако, до сих пор происхождение и символика данного фольклорного образа остается для нас полной загадкой. Так, А. Н. Афанасьев, например, считал былинную о Святогоре отголосками древних языческих представлений о боге Перуне или древних великанах [4, с.303].

А. Н. Веселовский и И. Н. Жданов видели в Святогоре переосмысленный образ библейского Самсона [8, с.117-137], [6, с.48].

По мнению Б. А. Рыбакова, былинный Святогор имел исторический прототип – черниговского князя Олега Святославича [17, с.354].

В. Я. Пропп считал Святогора олицетворение прошлого жизненного уклада, обреченного на гибель [13, с.37].

Близкую В. Я. Проппу позицию заняли В. И. Калугин и С. Н. Азбелев, по мнению которых Святогор олицетворял древнерусскую дохристианскую эпоху, героями которой были языческие боги и титаны [9, с.14], [1, с.9].

По мнению украинского исследователя С. В. Кончи, Святогор был покойником и олицетворением загробного мира [10, с.50].

Таким образом, можно констатировать, что на данный момент в исторической науке не существует единой консолидированной точки зрения относительно происхождения былинного образа Святогора. Выявить взаимосвязь между историческими событиями и процессами, происходящими в домонгольской Руси и текстами былин о богатыре Святогоре – основная цель данной статьи.

В первую очередь следует большую популярность и широкое распространение былины о Святогоре в восточнославянском мире [13, с.76].

Данный факт свидетельствует о том, что образ данного богатыря имеет местное восточнославянское происхождение и никак не связан с библейским Самсоном или иным чужеродным образом.

Гипотеза, же, согласно которой Святогор был мертвым богатырем и мог путешествовать только по языческим курганам, выдвинутая С. В. Кончей не выдерживает никакой критики [10, с.50]. Если Святогор в начале былины уже мертв, то исчезает смысл былины, в конце которой он погибает. Предположение Б. А. Рыбакова о том, что праобразом Святогора стал черниговский князь Олег Святославич достаточно интересно, но, к сожалению, не подкреплено никакими весомыми аргументами.

Наиболее правдоподобной выглядит точка зрения В. Я. Проппа, поддержанная В. И. Калугиным и С. Н. Азбелевым о том, что Святогор был символом прошлой, языческой эпохи и погиб по той причине, что языческая эпоха ушла в прошлое [13, с.37], [9, с.9], [1, с.9].

Так, показательным выглядит тот факт, что в дошедшей до нашего времени былине о гибели Святогора главный герой погибает не от руки врага или сказочного чудовища, а потому, что его «время пришло» или «судьба такая». Данный факт указывает на то, что собственно Святогор это богатырь-эпоха и гибель его действительно связана с какими-то глубинными изменениями в древнерусском обществе.

Подсказкой в данном случае может послужить образ отца Святогора – некоего слепого старика-кузнеца, обладающего сверхъестественной силой. Во всех списках былины старик всегда враждебен богатырю из Муром и только хитрость или предупреждение побратима-Святогора спасает Илье жизнь. Кроме того, отец Святогора предстает во всех былинах слепцом. Слепота старика и его необычайная сила указывает на сверхъестественную природу отца Святогора. Таким образом, перед нами предстает существо из иного, враждебного человеку мира.

Богом-кузнецом в восточнославянской мифологии считался Сварог. Так, в древнерусском варианте «Хроники Иоанна Малалы» упоминается восточнославянский бог Сварог, который якобы научил людей ковать оружие, упорядочил семейные отношения, дал людям законы. Кроме того, в том же самом источнике Сварог назван отцом Дажьбога – бога Солнца: «Слнце есть снь сварогов, иже есть Дажбог» [14, с. 278].

Интересно, что в «Слове о полку Игореве» славяне названы «Дажьбожими внуками», то есть правнуками Сварога. Данное божество традиционно сближается с другим важным восточнославянским богом Сварожичем - олицетворением огня и света.

Таким образом, отцом Святогора вполне мог оказаться Сварог – бог кузнец, создатель людей и богов, олицетворение мирового порядка. Святогор же в таком случае предстает одним из светлых богов или героев – полубогов, защищающих людей от нечистой силы. На это указывает и имя героя – Святогор, то есть собирательный образ, богов, по мнению наших предков обитающих в святилищах единственных на Руси гор – Карпат:

Жил он на тых горах высоких
На тои на святой горе
Был богатырь чудный
Не ездил он на Святую Русь
Не носила его там мать сыра-земля
И дорога ему туда была заказана [5, с.42].

Интересно, что Святогор не может ходить по всей Руси. Данный факт связан с тем, что Святогор символизировал предыдущую, языческую Русь. В христианской Руси ему было появляться нельзя.

Карпаты издавна почитались древними славянами и другими народами, живущими в данном регионе. Так, до нашего времени дошло название одного из горных хребтов в польских Карпатах – Свентокжицкие горы (горы Святого Креста). Вплоть до второй половины XII в. здесь находились и продолжали функционировать большие языческие святилища – Лысая Гора, Гродова гора около Тумлина, Дембно, Добжешуво [19, с.186-187].

Настоящим заповедником язычества вплоть до второй половины XII в. оставалась восточнославянская часть Карпат. Так, большой языческий культовый комплекс IX-XIII вв. был обнаружен учеными на правом берегу реки Збруч в Тернопольской области Украины, на территории заповедника «Медоборы» в 1984 году. Он включал в себя три городища-святилища –Звенигород, Богид и Говда, а также около десятка поселений образовавшихся и прекративших свое существование синхронно со святилищами [18, с.117].

Збручский культовый центр был известен не только в Карпатах, но и многих других славянских землях. Об этом свидетельствуют находки многочисленных артефактов XI – сер. XIII в., найденных при раскопках жертвенников Збручского культового центра. Данный археологический материал, ведет свое происхождение не только из различных областей восточнославянского мира, но и многих западнославянских земель, в том числе и славянского Поморья. Согласно данным археологии, его прихожанами были язычники с территории полабских славян, мазовшан, хорватов, новгородцев и псковичей, волынян, дреговичей, в том числе жители крупных городов. Святилища на Збруче посещали и представители древнерусской знати, оставлявшие в дар богам серебряные и золотые вещи, например, колты – украшения знатных женщин, дорогое оружие, принадлежавшее некогда представителям воинской элиты [19, с.156-157].

Кроме Збручского культового центра в Карпатах в раннехристианскую эпоху существовало немало и других языческих святилищ. Так, подобный культовый центр XI–XII вв. был обнаружен исследователями недалеко от поселка Ильев Николаевского района Львовской области [11, с.74-76].

В 2009 году в Бродовском районе Львовской области Украины было обнаружено крупное Подгорское святилище, просуществовавшее вплоть до второй половины XII в. [20, с.135-147].

В раннехристианскую эпоху в Карпатско-Днестровском регионе в полную силу существовали также городища-святилища в Кулешевке, Рудниках, Зеленой Липе, урочище Бабино на Днестре [16, с.53].

Согласно письменным источникам язычниками оставались не только крестьяне, но и представители местной элиты. Так, согласно сообщению византийского хрониста XII в. Никиты Хониата, византийский вельможа, по имени Андроник (будущий император Андроник первый Комнин), получивший от одного из галицких князей крупный удел во владение, по настоянию местных бояр принял язычество и даже принимал участие в человеческих жертвоприношениях [12, с.281-282].

Существовали в галицких землях в XI–XII вв. отдельные вольные города язычников, независимые от местных князей. Примером этому может послужить Берлада. Не случайно в «Слове о полку Игореве» берладники названы «погаными тльковинамы», то есть язычниками-толмачами.

Арабский путешественник Аль-Идриси, составивший карту Европы XII в. для тогдашних восточных купцов, обозначил недалеко от летописного Галича на границе с Польшей и Венгрией некое загадочное «княжество маджусов», то есть солнцепоклонников. По его данным этого автора, местным язычникам принадлежали города Зака, Бармуси и Дцинь на реке Днестр [3, с.112-113].

Интересно, что город Дцинь знают и древнерусские источники. Так, по данным Ипатьевской летописи в 1160 году киевский князь Ростислав Мстиславич послал киевского воеводу Юрия Нестеровича с войском против отряда берладников, разоривших Олешье в низовьях Днепра. Недалеко от города Дцинь, в который пробивались грабители, они были разбиты [14 с.505].

Таким образом, Святогор вполне мог быть собирательным символом древнеславянского язычества, нашедшего свое последнее прибежище в Карпатах.

Далеко не случаен в древнерусских былинах, посвященных Святогору и образ его «побратима» Илья Муромца. В настоящее время установлено, что муромский богатырь был реальной исторической личностью. Исследования останков его в 1988 году комиссией Министерства Здравоохранения СССР показали, что Илья Муромец был физически крепким человеком с сильно развитой мышечной системой, примерно 177 см ростом. Умер он в возрасте 40-45 лет. По мнению экспертов, жил он во второй половине XII в. [21, с.162]. Интересно, что еще в XIX в. А. Н. Афанасьев пришел к выводу, о том, что Илья Муромец реально существовал и жил примерно в 60-80-ых годах XII в. [4, с.303].

Строки из былин, посвященных самому известному былинному богатырю, удивительным образом перекликаются с отрывками из древнерусских летописей. Так, в тексте древнерусской былины «Илья Муромец и Идолище Поганое» сообщается о некоем сказочном чудовище, занявшем Киев и разорившем все местные церкви [7, с.145].

Согласно Ипатьевской летописи в 1171 году коалиция из древнерусских князей Ростиславичей и Ольговичей, а также союзных им торков и половцев заняла и разграбила древнюю столицу Руси: «И грабиша два дни весь град и Подолье и гору и Софию и Десятинну Богородицу и не бысть помилования никому церквам горящим, крестьянам убиваемым, и взявши имения множества и церкви обнажиа иконами и книгами и ризами и колокола несоша вси, смоляне и суздальци и черниговцы, зажжен бысть и монастырь Печерский святой Богородицы от поганых, но бог молитвами святой Богородицы соблюде, и бысть в Киеве на всех человецы стенание и скорбь и слезы [14, с.99].

Вполне возможно, что в дружине изгнанного из Киева волынского князя Мстислава Изяславича находился и дружинник Илья из Муромца. Раздосадованные потерей Киева, Мстислав Изяславич и его брат Ярослав Изяславич пошли со своими дружинами по землям Галицкой Руси, в то время принадлежавшим князю Владимиру Андреевичу, поддерживавшему поход союзников на Киев. Согласно Ипатьевской летописи братья Изяславичи «много городов повоював и пожже и много городов предадохуся» [14, с.100]. Среди разоренных городов летопись упоминает небольшой древнерусский городок Шумск, находящийся на территории нынешней Тернопольской области Украины. Этот городок располагался всего в нескольких километрах от Збручского культового центра. Вероятно, Збручские святилища также подверглись разорению во время похода князей Изяславичей. Так, согласно данным археологии во второй половине XII в. перестали функционировать поселения-спутники Збручского культового центра. Постепенно стала замирать жизнь и в самых святилищах [15 с.155].

Согласно данным археологических исследований примерно в тот же период прекратили существование Подгорское и Ильинское святилища, а также городища святилища в Кулешевке, Рудниках, Зеленой Липе, урочище Бабино на Днестре [16, с.53].

Таким образом, в былине «Святогор и Илья Муромец» далеко не случайно Илья хоронит своего «побратима». Реальный Илья – дружинник Мстислава Изяславича вполне мог принимать участие в разорении последних древнерусских языческих святилищ. Вызывает недоумение лишь то обстоятельство, что оба былинных богатыря не враждуют между собой, а напротив, становятся «названными братьями».

Вместе с тем, в целом ряде народных сказок, собранных на севере России в XIX в. именно Илья Муромец убивает Святогора. Так, в одной из северных русских сказок, записанных в поселке Русское устье, под названием «Святогор богатырь» можно найти следующий диалог Ильи Муромца со Святогором: «Здравствуй, Идол Поганый! Ну, что же, Идол Поганый, чего ти прияхал суды?» – «А я, – говорит прияхал: сватаю у сара дочь». «А каково було би тебе этим костьюльком стегнуть» – говорит Ильюша. Ильюша хватил этот костьюль, стегнул его по голове, и голова отлетела» [2, с.84].

В Галицкой земле еще в XIX в. существовали сказки и легенды о противостоянии Ильи Муромца и змея Змеулана – хранителя местных гор [4, с.307].

Таким образом, дружба Ильи Муромца со Святогором и их братание предстает как позднейшее переосмысление былины. В первоначальном же варианте былины не абстрактная судьба, а именно Илья Муромец убивает богатыря Святогора.

В целом же можно прийти к выводу, что древнерусская былина «Святогор и Илья Муромец» является переосмысленным на протяжении многих веков отражением далеких событий второй половины XII в., когда княжеские дружинники братьев Изяславичей (а с ними и былинный богатырь Илья Муромец) разорили последние древнерусские языческие святилища, расположенные в Карпатско-Днестровском регионе, символом которых стал главный герой былины Святогор.

Список литературы

1. Азбелев, С. Н. Русский народный эпос / С. Н. Азбелев. – Ленинград: Лениздат, 1984. – С.5-16.
2. Агафонова, Е. В. Былина о русском богатыре Илье Муромце и сказки русских арктических старожилов: мотивные связи, герои, язык / Е. В. Агафонова // Вопросы русской литературы. – 2018. – № 4. – С.77-92.
3. Аль-Идриси. Отрада страстно желающего пересечь мир / Аль-Идриси // И. Г. Коновалова Аль-Идриси о странах и народах Восточной Европы. – М.: Восточная литература. – 2006. – С. 108-128.

4. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М.: Изд-во Императорской академии наук, 1865. – Т. 1. – 800 с.
5. Былины / Составитель, автор предисловия и вводного текста В. И. Калугин. – М.: Современник, 1986. – 559 с.
6. Веселовский, А. Н. Южнорусские былины / А. Н. Веселовский // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – СПб.: Изд-во Императорской Академии наук, 1881. – Т. 22. – №2. – Разд. IV. – С.1-78.
7. Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. – М.: Наука, 1977. – 735 с.
8. Жданов, И. Н. К истории былевой поэзии / И. Н. Жданов. Киев: Типография И. Завдзкого, 1881. – 248 с.
9. Калугин, В. И. Мир былинного эпоса / В. И. Калугин // Вступительная статья к сборнику Былины. – М.: Современник, 1986. – С.1-28.
10. Конча, С. В. Былины о Святогоре и вопрос об историзме былинного эпоса / С. В. Конча // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. – 2010. – №4(42). – С.42-55.
11. Корчинський, О. Осередки язичництва давніх слов'ян на верхньому Дністрі / О. Корчинський // Дохристиянський період та пережитки язичництва. Львів: Обереги, 2011. – С.74–76
12. Никита Хониат. Историческое повествование / Хониат Никита // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М.: Наука, 2010. – Т.2. Византийские источники. – С. 272-298.
13. Пропп, В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1955. – 552 с.
14. ПСРЛ - Т.2.: Ипатьевская летопись. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 938 стб.
15. Русанова, И. П. Во времена Збручского идола / И. П. Русанова, Б. А. Тимошук // Вопросы истории. – 1990. – №8. – С.153-157.
16. Русанова, И. П. Культовые места и языческие святилища славян VI–XIII вв. / И. П. Русанова // Российская археология. – 1992. – №4. – С. 50-68.
17. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1987. – 783 с.
18. Тимошук, Б. А. Языческое жречество Древней Руси (по материалам городищ-святилищ) / Б. А. Тимошук // Российская археология. – 1993. – №4. – С.110-122.
19. Тимошук, Б. А. Языческие святилища древних славян / Б. А. Тимошук, И. П. Русанова. – М.: Ладога, 2007. – 303 с.
20. Филипчук, М. А. Попередні результати дослідження культового місця слов'янського часу на території Плісеського археологічного комплексу у 2009 р. / М. А. Филипчук // Вісник Інституту археології. – 2010. – Випуск 5. – С. 135-147.
21. Хведченя, С. Святыни и святыне Киево-Печерской лавры / С. Хведченя. – Киев: Наукова думка, 2001. – 123 с.

Статья поступила в редакцию 16.10.2019

Kozlov, M. N., Zhirtueva N. S. *Historical Roots of the Old Russian Epic "The Death of Svyatogor"*

The subject of a historical analysis in this study is historical roots of the old Russian epic "The death of Svyatogor." Using the method of comparing new archaeological data with the text of the Old Russian epic about Svyatogor-Bogatyr, the authors analyze in detail the symbolism of the image of this Old Russian epic hero, as well as his epic "twin" Ilya Muromets. The study indicates an obvious connection between the ruining of pagan sanctuaries in the Carpathian-Dniester region in the second half of the 12th century and the epic story of the death of the hero Svyatogor - a collective image of the last pagan temples in the most western regions of Russia.

Keywords: Svyatogor, Ilya Muromets, bogatyr, epic, pagan cult center, sanctuary.

УДК 94(477.75) «1917/1941»

Рассматриваются проблемы отношения Советской власти и религиозных конфессий Крыма в период 20–40-х годов XX в. с точки зрения изменения менталитета современного человека.

Ключевые слова: мировоззрение, духовенство, религиозные общества, антирелигиозная пропаганда, «лишенцы»

И. В. Рыбак, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: i32437@yandex.ru

ПРОЯВЛЕНИЯ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ РКП(Б) В КРЫМСКОЙ АССР В 1918–1941 ГГ.

Многоконфессиональность при ведущей роли православия является характерной чертой Российского государства на протяжении всей его многовековой истории. В современном обществе, чаще всего, одновременно действуют около десяти религиозных конфессий, среди которых основное место традиционно занимает Русская православная церковь. Это обстоятельство учитывается органами местного самоуправления всех субъектов Российской Федерации [15]. После возвращения Крыма в состав России в марте 2014 г. стал особенно актуальным принцип многоконфессиональности. В Крыму традиционно существовали православие, ислам, иудаизм, караимизм, католицизм и армянское апостольское христианство. Их деятельность не только не прервалась после Крымской весны, но и приобретает новые современные черты. Актуальность представляет ситуация, сложившаяся в каждой отдельно взятой конфессии, так как именно на этом уровне произошли наиболее заметные изменения среди религиозных организаций. Однако толерантное отношение государства к религии в российской истории было не всегда. Чаще всего противоречия между религиозными конфессиями и властью решались насильственным путем. Ярче всего это проявилось после Октябрьской социалистической революции 1917 г.

В ноябре 1920 г. после изгнания с Крымского полуострова белогвардейских войск барона П. Н. Врангеля в Крыму завершилась Гражданская война, за три года которой население Крыма оказалось в сложном экономическом положении. Валовая промышленная продукция по сравнению с 1913 г., сократилась в 4,6 раза, посевные площади сократились на 70 %. Усложнял ситуацию полиэтнический состав населения. Согласно переписи населения на 1921 г. в Крыму проживало 70 наций и народностей. Сохранялись межэтнические и межконфессиональные конфликты между некоторыми народами Крыма [6, с. 4].

Советское правительство после Гражданской войны решало не только экономические проблемы, вызванные ее разрушительными последствиями, но и усиливало атеистическую пропаганду. Основой методологических подходов была материалистическая идеология, которая должна была заменить религию.

Руководящим документом атеистической пропаганды стал декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (23 января 1918 г.). Первым шагом реализации этого декрета были массовые репрессии, направленные против неблагонадежных. Чтобы ускорить решение этого вопроса была создана система с использованием разных методов поиска неблагонадежных: метод учета, анкетирования, паспортизации. Учет проводился в отделениях Государственного политического управления (ГПУ) позже НКВД. Данные обобщались в Особенном статистическом управлении (ОСУ) [8, с. 10].

Трагическим следствием Гражданской войны стал голод 1921–1923 гг., который был вызван неурожайным летом 1921 г. и охватил территории: Поволжье, юг Украины, Казахстан, Крым. Основной задачей советского правительства в это время было обеспечение указанных территорий хлебом и продовольствием. Хлеб можно было закупить за границей, но для этого нужны были финансы, а финансовая система в свою очередь была подорвана за годы войны. Советское правительство решило этот вопрос за счет православных церквей, у которых начали изымать церковные ценности с целью их дальнейшей реализации. Изъятие церковных ценностей у православной церкви экономически подрывало церковь, лишало ее материальной поддержки.

Изъятие церковных ценностей имело не только экономическую, но и политическую основу, так как это была:

- идеологически атеистическая борьба с церковью;
- связанная с борьбой против церкви, как идеологической основы царизма;
- попытка уничтожить лучших представителей российской православной церкви, ее архиереев и священников.

Большевики не только изымали из храмов церковные ценности, но и преследовали священников. Трагически оборвалась жизнь нескольких священников Таврической епархии. Были убиты архиепископ Иоаким, протоиерей Покровского собора села Соблы М. Иглынский. Его тело только через две недели разрешили похоронить на старом Симферопольском кладбище. Как и другие священники, он стал жертвой представителей власти, которые направляли свои удары против христианства, христианской церкви и ее церковнослужителей, преследуя атеистические цели [2, с. 10].

В эти трагические времена в поисках церковных ценностей представители советских органов власти уничтожали церковное имущество. В архиерейской церкви г. Симферополя большевики сломали жертвенник и престол, в храме духовного училища – жертвенник. Материальный ущерб, нанесенный православной церкви большевиками, составлял до 1 млн. руб. В некоторых храмах духовенство оказывало сопротивление изъятию ценностей. В г. Симферополе в церкви Всех Святых во время изъятия церковных ценностей церковнослужители отказывались снимать ризы с икон, ссылаясь на принадлежность ценностей прихожанам [5, с. 267].

Все ценности, которые большевики изъяти из церквей и монастырей должны были использоваться в качестве помощи голодающим. Но много ценностей было использовано в корыстных целях, а также на проведение кампании по расколу и разгрому Русской православной церкви [4, с. 140].

Со второй половины 1920-х годов политика органов советской власти по отношению к православной церкви имела двойственный характер. С одной стороны, были созданы все условия для отделения церкви от государства, с другой, они делали все возможное, чтобы обескровить православную церковь, дискредитировать ее, а затем ее ликвидировать. Политику двойных стандартов проводят уже не только по отношению к православной церкви, но к другим многочисленным конфессиям Крыма.

Вопросу борьбы с религией посвящаются Пленумы ЦК, съезды РКП(б), так как методы и формы, применяемые на местах в отношении религиозных деятелей, противоречили Декрету «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Допускались различные перегибы. 23-31 мая 1924 г. на XIII съезде РКП(б) делегаты осудили административные методы борьбы с религией, насильственное закрытие православных храмов, мечетей, синагог, грубое отношение к верующим. Но политику двойных стандартов никто не отменил. Она усилилась по отношению к религиозным конфессиям [7, с. 13]. Верующие греки, с одной стороны, не должны были ограничиваться в реализации своих религиозных потребностей. С другой стороны, они должны были давать расписку, в которой они отказывались от вступления в греческие религиозные общины, от руководства общинами, от провозглашения молитв в храмах, выступлений на религиозных собраниях, от совершения обрядов в качестве служителя культа [12, л. 57].

Согласно циркуляру Центрального административного управления Крыма (ЦАУ) от 8 сентября 1927 г. верующие греки, как и подданные других стран, обязаны были в месячный срок найти служителя культа из числа граждан СССР. Если в указанный период они не смогут найти такого служителя культа, их религиозная община распускалась [3, л. 7].

Верующим евреям разрешалось совершать богослужение и культовые обряды в синагогах. Однако верующие евреи, как и православные, должны были давать расписку на имя начальника милиции, в которой обязаны сообщить о проведении собрания, на котором они должны были присутствовать, что противоречило декрету «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [13, л. 56]. Отношение к данной конфессии, как и к другим, за исключением православной церкви, было более толерантным. Негативное отношение к православной церкви у органов советской власти было связано с поддержкой ею монархии. Она была духовной основой самодержавного строя. Идеология марксизма-ленинизма предполагала уничтожение всего, что было связано с Российской империей. В. И. Ленин и его последователи делали все возможное, чтобы буржуазная культура исчезла. Для борьбы с буржуазным наследием использовали все возможные способы и методы. Уничтожение православных храмов, духовенства стало основой идеологической борьбы с религией. После прихода к власти И. В. Сталина она усилилась. В связи с отрицательным отношением к духовенству и православной церкви усиливается борьба с ней. Большое внимание уделяется политическим и идеологическим методам борьбы. Деятельность политических органов власти была

направлена на усиление коммунистического воспитания и ограничение влияния религии на молодежь.

Этому вопросу был посвящен VIII Съезд РКП(б), который состоялся еще 18-23 марта 1919 г. На съезде была принята Программа РКП(б). В ней указывалось, что главная задача Партии борьба с религией и усиление атеистической пропаганды. Аргументируя непримиримую позицию властей к религии и церкви, И. В. Сталин обращался к факторам идеологического порядка ненаучности религиозного мировоззрения, его несовместимости с социалистической идеологией [11, л. 136] Исходя из этого, усиливается атеистическая пропаганда в учебных заведениях, на предприятиях, в воинских частях. Там появляются красные уголки, из библиотек изымается религиозная литература, а появляются произведения классиков марксизма-ленинизма, книги атеистического характера, сборники стихов, песен, которые критиковали религию. Много стихов и песен антирелигиозного характера печаталось в газетах «Маяк Коммуны» Севастопольского райкома РКП(б), «Крымский вестник» Симферопольского обкома РКП(б) и других. В газете «Маяк Коммуны» антирелигиозным стихам и песням была отведена специальная рубрика «Уголок безбожника». В 1922 г. одна часть духовенства – «обновленцы» или «живая церковь» поддерживали преобразования, которые проводили в государстве органы советской власти. Они опирались на репрессивные органы, поддерживали отстранение Тихона от патриаршества и решение органов советской власти о его ссылке.

Вторая часть духовенства – сторонники патриарха Тихона выступали против советской власти. После возвращения из ссылки патриарха Тихона значительная часть обновленческих приходов и мирян возвратились в патриаршую церковь. «Обновленцы» были распущены. К началу 1930-х годов органы советской власти не делали различия между «обновленцами» и «тихоновцами».

В конце 1920-х – начале 1930-х годов в связи с формированием в СССР культа личности Сталина И. В. усилилась борьба с «официальными классовыми врагами». Ими стали видные государственные и политические деятели, военачальники, т. е. все кто не устраивал И. В. Сталина и его окружение, кто не принимал утвержденные принципы и методы строительства социализма. Официальными классовыми врагами была не только «мировая и внутренняя буржуазия», но и духовенство, и церковь.

Религиозные праздники изымались из календаря. Согласно декрету СНК и постановлению Синода они переносились на новый стиль. Вместо церковных праздников, церковной обрядности, появляются советские праздники, советская обрядность. Вместо религиозной Пасхи, комсомольская Пасха. В этот праздник в мае 1927 г. комсомольцы Балаклавы устроили вечер антирелигиозных докладов, инсценировок. На празднике острой критике подвергалась религия. Не забыли и об антирелигиозных песнях и стихах [10, л. 56].

Для усиления идеологического давления на церковь используют «Союз воинствующих безбожников» (СВБ), комсомольские и партийные организации. Больше внимание уделялось открытию антирелигиозных музеев. В Крыму первый такой музей был открыт в г. Симферополе в 1929 г. в здании бывшей армяно-католической церкви. В нем находилась антирелигиозная литература, проводили антирелигиозные праздники. В 1930 г. его передали коммунальному хозяйству г. Симферополя.

Появляются новые формы усиления антирелигиозной пропаганды, которые использовались в дни христианских церковных праздников Рождества, Крещения, Пасхи, языческого церковного праздника Ивана Купалы. Во время этих праздников вместо посещений храмов, совершения обрядов и культов, проводили беседы об истоках происхождения религиозных праздников, о приспособлении к ним христианства [1, с. 123]. Появились новые коммунистические идеи вместо христианских идей. Вместо идеи Рая, которую проповедовала православная церковь, появилась идея «светлого коммунистического будущего». По уровню восприятия эта идея приравнивалась к вере в Бога, с которой новая власть боролась, используя разные способы и методы. Люди в СССР верили в светлое коммунистическое будущее, а вера в бога уходила в прошлое. Большую роль в распространении идей светлого коммунистического будущего играло не только объяснение происхождения религиозных праздников, но и антирелигиозная литература. В ней излагалось новое видение происхождения религиозных праздников. К антирелигиозной литературе относились труды классиков марксизма-ленинизма, «Календари коммуниста», книга «Христианские и еврейские праздники» (1924), Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Антирелигиозная литература была составной частью воспитания и антирелигиозной пропаганды.

Председатель «Союза воинствующих безбожников» (1925) Е. М. Ярославский выступал против массовых репрессий и непримиримого отношения к религии. Указывал, что в антирелигиозной

пропаганде должны использоваться научно-обоснованные доказательства, она не должна ограничивать религиозные потребности верующих [14, л. 76]. Эти указания Ярославского Е. М. органы советской власти использовали для борьбы с религией в 1930-х годах. Избы-читальни в указанное время знакомили читателей с новой антирелигиозной литературой, устраивали выставки. В села направлялись агитаторы: коммунисты и комсомольцы. Крымский областной комитет РКП(б) большое внимание уделял массовым мероприятиям: демонстрациям, митингам, итогам работы органов советской власти по воспитанию трудящихся масс, клубным постановкам, кино. Крымскому радиокомитету поручили включить в программу систематические лекции-трансляции [9, л. 55].

Анализируя вышеизложенный материал, отметим, что в 1920-1930-е годы усилилась антирелигиозная работа. Она имела организационно-пропагандистский характер. Все мероприятия проводили с целью дискредитации церкви, навязывания гражданам СССР коммунистической обрядности. Молодежь под влиянием широкой антирелигиозной пропаганды отходила от церкви. Пополняла ряды комсомола, перенимала коммунистическую обрядность.

В 1930-е годы методы экономического давления на церковь, проводимые органами советской власти, усложняли существование Русской православной церкви. К ним относят перерегистрацию православных общин в Крыму. В результате очередной перерегистрации религиозных общин в 1930 г. в Севастопольском районе было ликвидировано 30 православных храмов; мусульманских мечетей было ликвидировано – 27; иудейских общин – 4; лютеранских церквей – 1. Как видно из вышеизложенного, больше всего было ликвидировано православных храмов.

Проводя политику экономического давления на церковь и духовенство (налогообложение, государственное страхование), руководство Крыма с 1930 г. по 1941 г. создавало условия для самоликвидации православных храмов, поскольку они не имели достаточно финансовых средств для уплаты налогов и страховых взносов. В результате пагубной политики большевиков по отношению к Русской православной церкви в Крыму накануне Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., осталась действующей только одна православная церковь Всех святых в г. Симферополе – кладбищенская церковь.

Кроме экономического угнетения православной церкви усиливалось и политическое угнетение верующих. Их лишали избирательных прав согласно инструкции ВЦИК «О порядке выборов в Советы» (от 20 марта 1930 г.). Малоимущих граждан, отказывающихся служить, освобождали от военной службы в связи с религиозными убеждениями, согласно ст. 220 Закона «Об обязательной военной службе» (от 20 июля 1925 г.), Постановления Президиума ВЦИК (от 6 июля 1927 г.) [5, с. 246]. Однако на основании закона от 24 октября 1928 г. таких граждан должны были использовать на лесных работах, а также для борьбы с лесными и степными пожарами, наводнениями и другими стихийными бедствиями. Также отказавшиеся служить в рядах Красной Армии в соответствии с решениями КрымЦИК облагались дополнительным налогом, если у них не было средств, они привлекались к выполнению трудовой повинности.

Начало 1930-х годов обусловило новое обоснование усиленного наступления государства на Русскую православную церковь. В условиях социалистической реконструкции, духовенство начинают обвинять в проведении вредительской работы в деревне, прикрываясь маской сторонников социалистических преобразований в СССР. Органы советской власти решили уничтожать классовых врагов. Такие изменения акцентов в политике органов советской власти по отношению к Русской православной церкви и духовенству в 1930-1940-х годов, по сравнению с предыдущими годами, свидетельствовали об изменении влияния государства на церковь. Если в 1920-е годы после Гражданской войны в условиях голода они использовали в основном экономические, административные методы и атеистическую пропаганду, убедились, что таких методов для уничтожения РПЦ недостаточно, органы советской власти усилили репрессии против священнослужителей. Священнослужителей называли «пособниками» капитализма. Возросло количество священнослужителей, которые не смогли эвакуироваться с белой армией по окончании Гражданской войны. Чтобы не допустить распространения религиозного мировоззрения на предприятиях, священнослужителей закрытых храмов увольняли с работы. Такие священники становились «лишенцами». Они были обречены на голодную смерть. Для сохранения за священнослужителем своего рабочего места, они должны были отречься от религии. При таких условиях, церковь могла лишиться своего православного духовенства, что ускорило бы ее ликвидацию. Но таких священников было не много.

Пытаясь избавиться от «лишенцев», летом 1930 г. в Крыму была проведена кампания по «разгрузке» полуострова от духовенства. Из Севастополя согласно постановлению ЦИК СССР было выселено 44 священника.

Таким образом, политика органов советской власти по отношению к Русской православной церкви в 1920-х годах отличалась от политики 1930-х и 1940-х годов:

- в первой половине 1920-х годов закрывалась часть православных храмов, монастырей, изымалось церковное имущество; во второй половине 1920-х г., политика органов советской власти носила двойственный характер;

- в 1930-е годы усилилось экономическое, политическое притеснение православных храмов, происходила массовая ликвидация православных храмов, снимали церковные колокола. Все это привело к тому, что к 1941 г. Русская православная церковь в Крыму была фактически уничтожена.

Список литературы

1. Белоглазов, Р. Н. Осуществление декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви в Крыму (1921- 1923 гг.)» / Р. Н. Белоглазов // Крымский архив. – 1999. – № 5. – С.122-133.
2. Доненко, Н. Н. (протоиерей) Претерпевшие до конца Священники Крымской епархии 30-х гг. / Н. Н. Доненко. – Симферополь: Таврида, 1997. – 62 с.
3. ГАКК Ф. Р. 663. Оп. 10. Д.232. – Л. 7.
4. Змерзлый, Б. В. Изъятие церковных ценностей некоторые аспекты проблемы / Б. В. Змерзлый // Культура народов Причерноморья. – 1998. – №3. – С. 139-141.
5. Катунин, Ю. А. Православие Крыма в 1917-1939 годах: проблема взаимоотношений с государством / Ю. А. Катунин. – Симферополь: МСП «Ната», 2002. – 416 с.
6. Куроедов, В. А. Религия и церковь в советском государстве / В. А. Куроедов. – М.: Политиздат, 1982. – 143 с.
7. Рыбак, И. В. Политика Советской власти по отношению к Русской православной церкви в Крыму (1917 – 1941 гг.): автореф. дис. ... 07.00.01 / И. В. Рыбак; Черкассы: Черкасский нац. ун-т. 2008. – 20 с.
8. Степанова, Н. П. Крым многонациональный / Н. П. Степанова. – Симферополь: Таврия, 1988. – 143 с.
9. ГАКК Ф. Р. 663. Оп. 10. Д. 412. Л. 18-19.
10. СГА Ф. Р. 420. - Оп.1.- Д. 24.- Л. 56-57.
11. ГАКК Ф.Р. 1.Оп.1. Д. 1858. Л. 135-136.
12. ГАКК Ф.Р.1. Оп. 1. Д. 1510. Л. 55-57.
13. ГАКК Ф. Р. 663. Оп.1. Д. 1667. Л. 8-10.
14. СГА Ф.Р. 420. Оп.1. Д.847. Л. 18-19.
15. Information on the situation in the Republic of Crimea (The Russian Federation) within the scope of UNESCO competence. As of April 8, 2015 // Постоянное представительство Российской Федерации при ЮНЕСКО. – URL: <http://russianunesco.ru/eng/article/2070> (дата обращения 18.01.2019)

Статья поступила в редакцию 14.11.2019

Rybak, I. V. *Anti-Religious Propaganda of the RCP (b) in the Crimean ASSR in 1918-1941.*

The article deals with the attitude of Soviet authorities towards religious denominations of Crimea in 1920s– 40s from the point of view of a modern man mentality.

Keywords: worldview, clergy, religious societies, anti-religious propaganda, «lishenets».

УДК 391(410.1)“04/14”

Статья посвящена истории возникновения и развития ирландского традиционного костюма. В современной исторической науке данная тема продолжает оставаться одной из наиболее спорных и дискуссионных среди вопросов, касающихся культуры кельтов, проживавших на территории Ирландии из-за наличия множества различных трактовок относительно дошедших до нас памятников. Особое внимание в статье уделено изучению средневекового варианта костюма, поскольку сохранившийся до наших дней традиционный костюм подвергся сильному влиянию со стороны Англии в XVI-XVII в., но сохранил при этом ряд характерных черт.

Ключевые слова: ирландская одежда, Ирландия, средневековая Ирландия, повседневная одежда, кельты, норманны, история костюма

В. Э. Савчинский, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

Email: savchinskiy61@mail.ru

А. В. Ильичев, студент

Севастопольский государственный университет

Email: ilichev-toni@mail.ru

М. С. Ситало, студент

Севастопольский государственный университет

Email: mashunya.sitalo@mail.ru

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОГО ИРЛАНДСКОГО КОСТЮМА

Ирландия является одним из самобытных и уникальных государств Западной Европы, как в силу своей истории, проходившей под знаменем постоянных национально-освободительных войн и восстаний, так и относительно своей культуры, которая представляет собой симбиоз кельтских верований и традиций, а также элементов католического христианского мировоззрения. Одним из ярких примеров кельтского влияния в ирландской культуре является национальная одежда, до наших дней сохранившая ряд характерных черт, заложенных в период Средних веков.

Средневековая история Ирландии берет свое начало с образования на территории острова номинально единого кельтского государства, разделенного на пять крупных областей-королевств - Ольстер, Коннот, Манстер, Южный и Северный Ленстер [1, с. 14], обладавших широкой самостоятельностью, что было вызвано особенностями социально-политической жизни региона. Несмотря на развитие феодальных отношений и христианизацию острова в ходе миссии святого Патрика в конце IV века, общество продолжало делиться на септы (роды) и кланы. Вожди являлись главными держателями общественной земли, занимались военным и гражданским управлением на местных территориях (туатах). Они подчинялись правителям провинций и областей, которых именовали риаги. Стоит отметить, что эта должность была выборной, а не наследственной. Тем самым, в стране наравне с зачатками феодализма, продолжали существовать элементы родового строя, способствовавшие сохранению феодальной раздробленности. Постоянные внутренние конфликты и междоусобицы привели к ослаблению Кельтского государства и сделали его практически беззащитным перед норманнским вторжением.

Первые нападения викингов датируется концом VIII века, когда были захвачены Гебридские, Оркнейские и Шетландские острова, расположенные между Скандинавией и Ирландией. Норманны использовали их в качестве опорной базы для дальнейших грабежей и захватов кельтских территорий. Уже к 820 году викингам удалось укрепиться на территории юго-восточного и юго-западного побережья Ирландии, основав там крупные морские порты – Дублин, Уэксфорд, Корк и Лимерик [1, с.23]. В результате наиболее богатая и экономически развитая часть Ирландии оказалась в окружении.

Полное объединение Ирландии под властью норманнов происходит в первой половине IX века, когда викинг по имени Торгильс сумел со своим войском захватить центральную часть страны. Это событие послужило началом периода норманнского господства на территории острова.

Несмотря на определенную романтизацию этого периода в английской и скандинавской литературе, он негативно сказался на дальнейшем экономическом развитии Ирландии и привел к значительному отставанию в сравнении с другими государствами, в частности с Англией.

Освобождение Ирландии от норманнов произошло в начале XI века и было связано с усилением национально-освободительной борьбы под руководством Бриана и Малахия. Им удалось нанести викингам сокрушительное поражение у Воловьего луга, около Дублина (ныне Клонтарф) в апреле 1014 года [1, с. 24]. В ходе сражения обе стороны понесли значительные потери, а также погиб и один из руководителей кельтов – Бриан. Данная битва ознаменовала конец норманнского господства и привела к освобождению острова от иностранного управления.

Однако победа под Клонтарфом не преодолела политическую раздробленность острова, что наравне со сложной экономической ситуацией привело к еще большему ослаблению кельтского государства. Именно в этих условиях в 1169 году начинается английское вторжение на территорию Ирландии. Далее последовал раздел острова на территории, находящиеся под английским контролем (так называемый Пейл) и Непокоренную Ирландию. Война Роз в Англии положила начало ослаблению влияния Вестминстерского правительства в Ирландии и усилению местной знати, что привело к непродолжительной независимости острова.

Наиболее ранним памятником, повествующим о средневековой ирландской одежде, является книга Леинстера, написанная за 20 лет до начала норманнского вторжения. Согласно этому труду, повседневная одежда в донорманнский период состояла из: длинной шелковой туники до колен, имевшей капюшон, сандалий и плаща, сделанного из шерсти и крепившегося на груди брошью [11, с. 3]. При этом плащ служил не столько защитой от непогоды, сколько элементом социальной дифференциации, так как его цвет обозначал статус человека в обществе. Упоминаний головных уборов в книге не встречается.

Похожие элементы одежды можно увидеть на каменном кресте Муиредаха. На нем изображены люди, облаченные в тунику и мантию. Туника (*leine*) доходила до колен, где закреплялась при помощи ремня, напоминая тем самым килт. Имела вышитый подол и плотно прилегала к телу. Мантия (*brat*) со спиральными узорами скреплялась брошью на груди [4, с. 10]. Она имела разрезы, которые позволяли быстро высвободить руки, не отстегивая и не скидывая её. Сама мантия была четырехугольная и напоминала по форме прямоугольник. Данный предмет гардероба имел огромное значение в ирландском обществе, так как именно он показывал статус человека. Ирландская мантия из-за своего качества и свойств стала популярна и в других странах, куда она экспортировалась (Англия, Франция). У знати одежда отличалась лишь орнаментом, с преобладанием религиозных мотивов. Этот вариант ирландского костюма просуществовал вплоть до XVI века, подвергаясь незначительным изменениям. Однако стоит отметить, что он не был единственным, о чем свидетельствуют изображения на кресте, найденном в монастыре Клонмакнойс, графство Оффали. Другой вариант костюма состоял из плотно прилегающей безрукавки с капюшоном, который также, как и плащ, закреплялся на груди брошью, и коротких клетчатых штанов, доходивших до колен и имевших вертикальные полосы (вероятно, выполняли роль декора).

Третий вариант можно увидеть на изображении Каина и Авеля. Он представляет собой набедренную повязку или килт, достигающий до колен, и накидку из отрезков ткани. Возможно, это была повседневная или рабочая одежда для обычных жителей. Однако стоит отметить, что юбка или килт была украшена по подолу вышивкой также, как и *leine*, что может свидетельствовать о том, что это была также *leine*, но без ее верхней части [11, с. 5-6].

Первый вариант ирландского костюма, представленный *leine-brat* встречается и в Келлской книге, которая датируется не ранее 800 г н. э. и повествует о донорманнском периоде Ирландии. В ней раскрываются его дополнительные особенности. Так, в частности, *leine* была без вырезов и одевалась через голову, как смок-платье. Ворот (стойка) был высокий и напоминал по своей форме букву V [11, с. 6]. Рукава у *leine* обычной ширины, в отличие от англо-саксонской туники. Нижняя часть костюма украшена вышитой каймой из небольших кругов, напоминающих точки. Помимо этого, в книге встречается изображение человека, облаченного в нечто, напоминающее камзол (*ionar*) и длинные штаны (*trius*), доходившие до пятки, крепившиеся ремнем, расположенным под ногами. Пояс или ремень также находился на талии, и в зависимости от социального положения человека мог

быть изготовлен из разных материалов. В частности, у представителей аристократии они были сделаны из золота. На поясе также мог находиться небольшой кошелек, где обычно хранили небольшие предметы, такие как кольца [8, с. 394].

Наиболее распространённой формой украшения одежды была вышивка, которая могла находиться как на самом костюме (на подоле, манжетах и горловине), так и на лентах (полосах) из льна, шерсти, шелка. В Ирландии существовало несколько таких техник: плетение, заключающиеся в изготовлении лент со сложной отделкой, содержащей многочисленные и разнообразные узоры, а также аппликация и сжатие [4, с. 8-9]. В различные периоды одежду украшали цветными полосами, ключевыми символами, спиралями и замысловатыми скандинавскими зверями.

Женская одежда практически полностью соответствовала мужской в её первом варианте. Единственным отличием была длина - *leine* доходила до лодыжки. У мужского костюма иногда встречаются шнурки вокруг щиколотки. Скорее всего, они являлись элементом декора. Вырез горловины у *leine*, как и у современной одежды, мог быть круглой, овальной, треугольной и квадратной формы. Также оба пола носили перчатки, которые, как и современные, были разделены на пальцы. Их называли *lamann* (данный термин используется и до сих пор) и изготавливали из ткани или кожи [8, с. 394-395]. У представителей высшего сословия перчатки, как правило, были богато украшены.

Обувь у древних ирландцев была проста в изготовлении, но не отличалась хорошей прочностью. Она называлась *brog* и представляла собой сшитые из одного куска кожи туфли, передние и боковые части которой были сужены с помощью небольшого шнура или ремешка [4, с. 21-22]. Именно от неё пошли современные туфли-лодочки, которые используются в ирландском танце.

Головные уборы как в повседневной жизни, так и во время боевых действий средневековые ирландцы обычно не носили и ходили с непокрытой головой. Однако, некоторые варианты головных уборов всё же встречаются. Об этом свидетельствуют изображения на крестах в монастыре в Клонмакнойсе. Там изображены люди в головном уборе конической формы, называемый ирландцами *barred*. Женщины, обычно носили капюшон (*caile*) или покрывали голову отрезом ткани [8, с. 395-396]. Знатные леди носили вуаль, которую могли складывать в случае ненадобности в небольшую сумку.

Данная особенность по отношению к головным уборам во многом была обусловлена прическами ирландцев и их отношением к самим волосам. У женщин и мужчин были длинные волосы, доходившие до плеч. Древние ирландцы расчесывали их ежедневно после ванны. Подтверждение этому факту можно найти в литературе. В частности, герои *The Fena of Erin*, прежде чем присесть за обеденный стол после долгой охоты, всегда сначала принимают ванну, после чего долго расчёсывают свои длинные волосы [8, с.377]. У представителей аристократии в ранние времена прически были настоящим произведением искусства и отличались большой вариативностью. Волосы как у мужчин, так и у женщин искусно завивали, о чем свидетельствуют изображения на каменных крестах. Начиная с VII-VIII веков происходит унификация причёсок в среде высшего сословия. Теперь длинные прямые волосы свисали сзади и по бокам, а пряди волос были перевязаны лентами. У женщин очень длинные волосы являлись эталоном красоты. Эта традиция сохранилась в Ирландии и в наши дни.

Помимо причёсок, особым предметом гордости древних ирландцев была борода, которая подчеркивала и украшала мужскую внешность. Её называли *ulcha* или *feasog* (последний термин используется до сих пор) [8, с. 380]. Существовало несколько вариантов: длинная борода, разделенная на две равные части, которые сужались вниз, просто длинная борода, либо борода, напоминающая по форме прямоугольник. Вместе с бородой носили и усы, которые были закручены и заострены на концах.

Материалом для одежды служили лён и шерсть, но иногда встречаются упоминания о костюмах, сделанных из шелка (*sida*) и сатина (*sgol*), вероятнее всего принадлежащие представителям сословной аристократии. Впоследствии ирландская шерсть высоко ценилась на территории Великобритании. Из цветов древние ирландцы предпочитали яркие, такие как красный, синий, желтый и зеленый. Это было обусловлено не столько декором, а социальной стратификацией в обществе. Так, согласно указу царя Тирнмаса, правившего ещё задолго до принятия христианства, рабы должны были носить одежду одного цвета, фермеры и обычные жители двух, а привилегированные шесть цветов [8, с. 383].

В современной исторической науке существует несколько теорий относительно наличия нескольких вариантов раннего ирландского костюма. Историк Мак Клинтон, который являлся автором первого фундаментального труда по этой теме, предполагал, что их существование объяснялось социальной стратификацией населения. Согласно этой теории, первый вариант костюма, состоящий из *leine-brat*, был одеждой высших классов, в то время как *ionag-triis* были атрибутом простых людей. Однако более вероятным, является предположение Данлеви о том, что *ionag* и *trews* были частью общего костюма [5, с. 21]. Камзол (*ionag*), по предположению автора, носился поверх *leine* и представлял собой верхнюю одежду.

В качестве украшений оба пола носили брошь в форме полусогнутого кольца из медного сплава, закладки и браслеты [9, с. 69]. Закладки обычно изготавливали не из металла, а из костей животных и дерева. Они, как правило, имели кольцеобразную форму или напоминали прямой стержень. У представителей высших сословий закладки были сделаны из металла и стекла, о чем свидетельствует находка в королевской резиденции в Лагоре. Браслеты изготавливались из бурого угля, сланца, оленьих рогов, бивней кабанов, стекла или более дорогих материалов – золота, серебра. Последнее свидетельствовало о высоком статусе человека в обществе и больше ассоциируется с норманнским периодом. Из украшений также встречаются горловые кольца из металла и стеклянные бусы. Среди ирландских женщин и леди было популярно такое украшение, как *boadkin* - длинная шпилька для волос. Она известна под многими названиями такими как: *viz*, *coitit*, *dealg*, *meannandh* [7]. У *bodkin* было два варианта использования: как игла (тогда её носили на груди) и в качестве шпильки для волос. Также *bodkin* можно было использовать для защиты в чрезвычайных случаях.

Произошедшее в конце VIII века норманнское вторжение не привело к каким-либо существенным изменениям по отношению к ирландскому средневековому костюму. Исключение составляют украшения. Появилась мода на ношение большого количества браслетов из золота или серебра, что считается неким атрибутом викингов.

Следующим периодом в истории ирландского средневекового костюма стало установление английского господства на территории острова, прерванное в XV веке началом войны Роз. Однако памятников и источников, которые могли бы реконструировать внешний вид ирландцев этого периода сохранилось не много. Одним из таких является труд английского историка Гиральда Камбрийского «История и топография Ирландии» (*Torographia Hibernica*). В нем содержится следующее описание ирландского костюма: «Ирландцы носят тонкую шерстяную одежду, в основном черного цвета, потому что овцы в Ирландии именно такого цвета. Сама же одежда представляет собой образец варварской моды: *brench* и *hose* (короткие штаны, доходящие до колена и гольфы, которые также доходили до колена) сшивались вместе, голову прикрывал небольшой, плотно прилегающий капюшон из разноцветных лент и свисающий ниже плеч, длинной в локоть» [2, с. 355-356]. К данному отрывку, как и в целом к труду Гиральда Камбрийского, необходимо подходить максимально осторожно из-за сильных патриотических чувств автора и стремления показать ирландцев как варваров, не заслуживающих сострадания. В частности, высказывание о том, что одежда была однотонной, противоречит упоминанию автором разноцветного капюшона.

Однако, если опустить этот момент, то мы получаем информацию о трех предметах одежды: *viz*, капюшон, мантия, которую он называет «*phalinga*» (от ирландского слова «*falaing*», означающие оболочку) [11, с. 16]. Но при более детальном рассмотрении текста появляются сомнения. Прежде всего вопросы вызывает *capitium*. Данное слово не встречается в латинском языке. Вероятно, оно образовано автором от слова «*caput*» и переведено на английский как «капюшон» для того, чтобы доказать его существование в Ирландии в этот период, что не вполне корректно и ставит вопрос о степени употребления капюшона на острове. Существует две версии, которые позволяют объяснить утверждение Гиральда Камбрийского. Первая заключается в том, что, описывая ирландцев в целом, автор на самом деле имел в виду одеяния монахов. Его интерес можно объяснить тем, что Гиральд и сам был священнослужителем. Согласно епископу Риивзу, монашеское одеяние состояло из *cuculla* и *columbium*, которые представляли собой длинную мантию и капюшон [3, с. 321-323]. Возможно, именно их Гиральд Камбрийский назвал *capitium* и *phalinga*. Однако нет никаких изображений, которые позволяют говорить о том, что священнослужители в Ирландии носили штаны или что-нибудь подобное.

Другое объяснение было дано Джоном Линчем в труде «*Cambrensis Eversus*». Будучи хорошо осведомлённым о средневековом ирландском костюме, автор предположил, что вещь, которую

Гиральд назвал *caputium*, была не капюшоном, а густой бахромой на верхней части ирландской мантии, которая нашивалась полосками бахромчатого материала [10, с. 201-202].

Ещё одним источником являются два иллюстрированных манускрипта за авторством Гиральда Камбрийского. Один из них сейчас находится в библиотеке Британского музея. К сожалению, представленные в манускриптах изображения средневекового ирландского костюма содержат ряд ошибок, которые ставят под сомнение их достоверность. В частности, почти все персонажи на иллюстрациях одеты в зауженные книзу штаны (похожие на брюки-колышки из одной старой карикатуры). Нет никаких доказательств ношения подобного рода штанов древними ирландцами до или после 1200 года. Одновременно на изображениях присутствуют свободная мантия без капюшона, с застёжкой на груди, и свободная туника до колен.

Следующим памятником являются рисунки в двух манускриптах под названием *Liber A* и *Liber B*, которые находятся в государственном архивном бюро в Лондоне. Эти документы содержат информацию о деятельности английской дипломатии, а также о принятых папских буллах в годы правления Генриха III и Эдуарда I. Помимо этого в них также присутствуют секции, посвященные Уэльсу, Шотландии и Ирландии. Сопроводительные изображения позволяют получить общее представление о местном населении. В связи с чем ирландский костюм из упомянутых манускриптов нельзя считать полностью достоверным.

Два изображения древних ирландцев находятся в манускрипте *Liber A*. На обоих люди одеты в свободные бриджи с чулками или гетрами, которые крепились под босой ногой ремешком. Также на рисунках присутствует капюшон с длинными рогообразными выступами. Данный костюм не похож на те, что носили ирландцы ранее и скорее всего является костюмом, который носили на территории другой части Британских островов. Похожую одежду с такими же мешковатыми бриджами и рогообразным капюшоном можно встретить на изображении танцоров, представленное в «Энциклопедии костюма» Планша [12, с. 300]. Схожесть этих иллюстраций позволила позднее предположить лорду Дилону, что изображённые на них люди являются ирландцами. Однако данный аргумент скорее указывает на то, что представленная в «Энциклопедии» Планша одежда принадлежит не ирландцам, а англичанам. В качестве подтверждения можно привести иллюстрированное издание «Краткой истории англичан» Грина, в которой присутствует изображения из Латтрельского псалтыря с таким же вариантом костюма [6, с. 476]. Тем самым мы можем сделать вывод, что одежда, представленная в данных источниках, принадлежит не ирландцам, а низшему слою английского крестьянства в XIII-XIV веке. Хотя капюшон необычной рогообразной формы мог быть и предметом для различного рода фестивалей или атрибутом артистов.

Из источников также стоит выделить иллюстрированное французское издание, посвященное истории врачевания в период короля Ричарда II. Здесь изображён Артур Макморроу на боевом коне, босой и в корректном ирландском костюме: длинная голубая мантия с рукавами, «с меховой оторочкой» и голубой плащ. Как на самом Макморроу, так и на его компаньонах отсутствуют штаны. Этот вариант костюма представлял собой вариант «лохматой» моды в Ирландии [11, с. 22], но не все его элементы стоит считать полностью достоверными.

Одним из немногих непосредственно ирландских источников является рисунок в Книге Баллимота, написанной на ирландском языке. В ней изображен король в длинном, плотно прилегающим камзоле, с застёжками спереди; ремень на талии завязан в узел из-за отсутствия пряжки [11, с. 22-23]. Стоит отметить интересную деталь – запонки на обоих запястьях. Схожесть этого камзола с тем, который изображен на рисунке Деррика и с шерстяным камзолом в Национальном музее позволяет предположить существование моды на данный предмет одежды среди ирландцев в XIII-XIV века. Скорее всего, её переняли от английских поселенцев на территории острова или она пришла с материка, но была быстро адаптирована под местные погодные и культурные условия.

Последним периодом в истории развития старинного ирландского костюма стал XVI-XVII века. В это время происходит изменение традиционных элементов ирландской одежды, что могло быть вызвано усилившейся культурной экспансией со стороны англичан после прихода к власти Тюдоров.

Одним из наиболее ранних источников, посвященных этому периоду, является рисунок известного германского художника Альбрехта Дюрера, написанный в 1521 году. Стоит отметить, что сам автор никогда не посещал Британские острова, в связи с чем на его творении, вероятнее всего изображены ирландские пилигримы, которых он встретил на континенте (в ходе своего путешествия вниз по Рейну), вдали от дома и естественного окружения. На самом рисунке представлены пять

человек, в одежде которых встречается как общие элементы, так и отличия между собой. В частности, один из них облачен в одеяние, которое в Англии известно, как «haqueton» (ирландское наименование cotun) [11, с. 27], в то время как остальные носят длинную рубашку, заканчивающуюся между коленом и лодыжкой. Также на изображении встречается мантия с меховой подкладкой, сандалии и два варианта камзола. Один из них более свободный, с широкими рукавами и глубоким воротником, который мог служить в качестве капюшона в непогоду. Примечательно, что на всей одежде, в отличие от предшествующих периодов, отсутствует вышивка.

Похожие элементы встречаются и в Оксфордской гравюре, датированной примерно 1550 годом. На ней изображены шестеро человек в похожей одежде, за исключением некоторых деталей. Так, они одеты в длинные рубашки со свисающими рукавами и короткие вышитые камзолы. На некоторых присутствует мантия, но практически все босые. Сами же рубашки подтягивались с помощью ремня до колен, в связи с чем образовывалась большое количество свободной ткани вокруг талии. Рукава имели необычную для ирландцев форму: узкие в верхней части и широкие, волочащиеся у запястья. Скорее всего, такая форма пришла из Англии или Западной Европы, где их носили с XV века [11, 28 с.]. Камзолы не имели воротника и были крайне заужены в талии. Вырез горловины доходил до нижней части грудной клетки, где закреплялся лентой, ниже которой находилась короткая плиссированная юбка, доходившая до бедер. На месте их пересечения была лента из бахромчатого материала. Однако наиболее интересным представляется вариативность декора указанных камзолов. На некоторых из них вышиты растительные либо зигзагообразные узоры. Также на рукавах камзолов можно увидеть полосы бахромчатого материала. Из изменений следует выделить способ застегивания: вместо застёжек - ленты.

Данный вариант костюма встречается и в нидерландском или фламандском манускрипте, написанным после 1574 года. Из отличий здесь стоит выделить полосы с бахромой на плечах и рукавах, а также поперечные линии на передней части камзола. Они, как и сам камзол, были желтого цвета. Помимо этого, в книге также встречается и изображения женской одежды, которая практически во всем соответствовала английской и континентальной моде эпохи.

Следующим по хронологии памятником является книга Деррика «Образ Ирландии», 1581 года. Несмотря на определенную враждебность и грубость автора по отношению ко всему ирландскому, представленное в его произведении описание и иллюстрации ирландского костюма можно считать достаточно надежными. Во многом из-за возможности детального рассмотрения и проверки их в других источниках. Данное произведение особенно ценно тем, что демонстрирует более позднюю стадию развития костюма. Кроме того, в отличие от предшествующих двух памятников, нам известно, что книга была создана в Ольстере и, возможно, отражает региональную специфику. На представленных в труде изображениях ирландцы облачены в leine, которая стала больше напоминать камзол, клетчатые штаны, камзол (или жакет), и туфли (brog) [11, с. 32]. Из изменений также стоит выделить подол туники, который теперь заканчивался между бедром и коленом, а также был искусно плиссирован. В самом тексте встречается упоминание о длинном и громоздком жакете, который, скорее всего, является мантией (brat). Можно предположить, что в Ирландии, как и в ранние времена, их носили вместе.

На одном из изображений присутствует камзол нового типа, который в хорошем качестве встречается лишь в книге Деррика. Считается, что это куртка, из стеганой кожи которую упоминал Спенсер в своем труде «Взгляд на Ирландское государство» [11, с. 34]. Ссылаясь на неё, он писал, что именно этот вид позолоченной кожи ирландцы использовали для украшения их камзолов. Сам предмет одежды в целом не отличается от камзола, который находится на хранении в Национальном музее в Дублине. Отличие заключается лишь в материале. Также необходимо выделить присутствующую на изображении длинную плащеобразную мантию с густой бахромой из шерсти, напоминающую меховой воротник.

В труде Деррика встречается и рисунок женского костюма. Он состоял из льняной туники до лодыжки, шафранового цвета (золотисто-желтый) [11, с. 35] и с длинными рукавами, юбки и камзола. Камзол, в отличие от мужского, зашнуровывался спереди и обладал широкой полосой ткани, которая свисала от запястья как передник.

Представленный у Деррика ирландский костюм встречается и в двух непосредственно ирландских изображениях, находящихся в Бодлианской библиотеке в Оксфорде и в замке Килки [11, с. 37]. Он также состоит из жакета, туники, доходившей до бедер, клетчатых штанов и обуви. Единственным различием является количество вышивки и украшений наряда. Отличительной особенностью этих

памятников является наличие цвета. Весь костюм на изображениях зеленый, кроме штанов, которые коричневого цвета. На месте их пересечения находятся красные ленты, которые должны были разделять цвета.

Следующим по хронологии памятником является так называемая карта или схема захвата графа Ормонда, которая представляет собой изображение, нанесенное на пергамент и посвященное захвату графа Ормонда во время его переговоров с Овни Макрори О'Море, недалеко от Килки 10 апреля 1599 года. На нем О'Море облачен в клетчатые штаны, камзол и длинную мантию с густым мехом, а также имеет головной убор конической формы. Джозеф Волкер в своем труде «Исторический очерк об одежде древних Ирландцев» дает увеличенный и цветной вариант данного костюма. Так, согласно ему, головной убор был синего цвета, мантия - красного, камзол - желтого или серого, а ремень был белого цвета [11, с. 40]. В то же время, у стоящего рядом с ним Арчера мантия и шляпа были чёрные, жёлтый жакет и розовые штаны.

Остальные фигуры на изображении также облачены в клетчатые штаны и короткий камзол, похожий на тот, что встречался у Деррека. Никаких следов или признаков *leine*, кроме О'Море и Арчер, не встречаются. Почти у всех присутствует высокий головной убор, который иногда имеет плоскую или заостренную форму наверху.

Из памятников также необходимо упомянуть о гравированной книжной обложке, находящийся в Национальном музее в Дублине. На ней фигуры облачены в клетчатые штаны, туфли (*brogues*), короткие камзолы и плиссированные юбки, которые едва достигали бедра; подол юбки украшался вышивкой. Одной из любопытных деталей костюма являются рукава: ткань от плеча до локтя была полосатой или стеганой продольно, что напоминает «косые черты» у Деррека [11, с. 42].

Данный вариант уже знакомого костюма скорее всего является промежуточной версией между Оксфордским изображением и трудом Деррека. Он включает в себя плиссированную юбку старой формы, но напоминает более поздний вариант по форме воротника и отсутствию вышивки.

Помимо различного рода изображений и гравюр, одним из основных источников являются немногочисленные предметы одежды, которые сохранялись до наших дней. В частности, в Национальном Музее в Дублине находится полный костюм мужчины этого периода, обнаруженный в 1824 году на глубине шести футов в болоте недалеко от Киллера. Он состоит из камзола, пары клетчатых штанов, мантии и юбки, доходившей до колен. Все элементы костюма были сделаны из грубой домотканой шерстяной ткани диагонального переплетения, как у современных Харрис Твид. Ткань от долгого пребывания во влажном торфе сильно потемнела.

Камзол в представленном костюме был тёмного коричневого цвета и застегивался спереди с помощью 14-15 тканевых пуговиц, которые доходили до воротника на шее. Общая длина камзола была 43 дюйма (приблизительно 109 см), а юбки 2 фута или 60 сантиметров [11, с. 47]. Юбка, в отличие от предыдущих, представленных выше, была не совсем плиссированной, но сделана очень плотной. Рукава костюма сделаны из двух кусков ткани, соединенных под углом поперек локтя для того, чтобы образовать постоянный изгиб в районе локтевого сустава. Также они, как и рукава в Оксфордском изображении, были раскрыты снизу и имели 12 кнопок, позволяющих быстро застегнуть их в случае необходимости.

Похожий камзол, но более короткий, был найден в графстве Типперэри. Его общая длина составляла 36 дюймов [11, с. 48]. Рукава, как и у других камзолов, были открыты снизу и обладали двумя группами кнопок: по одной у запястья и целая череда кнопок от локтя и до плеча. Клетчатые штаны также состояли из двух частей: верхней мешковатой части светло-коричневого цвета и нижней, преобладающей непосредственно на ноги, которая была сделана из клетчатой домотканой ткани темно-коричневого цвета. Конец штанины был зубчатой формы и располагался над подъёмом стопы. Считается, что его пришивали к обуви, которая с тех времен была потеряна. Мантия была необычной формы: у верхнего края прямая, ниже обрезана так, что по своей форме напоминала полукруг. Похожую форму можно заметить у водонепроницаемых накидок, которые продают велосипедистам.

До наших дней сохранился и женский вариант костюма, обнаруженный в 1843 году в болоте, неподалеку от Шинрона. Он был сделан из грубой домотканой шерстяной ткани, и состоял из корсета с длинным ремнем и юбки, соединенных вместе.

Также необходимо упомянуть об набитом и стеганом одеянии из хлопка, кожи или льна, которое использовалось средневековыми ирландцами в качестве защитного обмундирования. Оно состояло из длинного верхнего одеяния, доходившего до колен и выстеганного вертикально. Его носили, как

правило, под кольчужой. Похожий элемент одежды встречается и в Англии. Назывался он «haqueton» или «астоп». В Ирландии его называли cotun [11, с. 50]. Предполагается, что его изготавливали либо уже набивали хлопком. Изображения данного костюма можно встретить у Дюрера. Здесь можно увидеть, что внешняя сторона рукавов и вся передняя часть одеяния были выстеганные.

Таким образом, ирландский традиционный костюм, возникнувший в период Средних веков (V-XV в.), просуществовал без каких-либо серьезных изменений вплоть до начала XVI в. Именно с этого времени под влиянием усилившейся политики англификации острова, в результате прихода Тюдоров к власти, происходит трансформация его на английский манер, при сохранении характерных черт и особенностей. В таком виде костюм сохранился вплоть до наших дней.

Список литературы

1. Гольман, Л. И. История Ирландии / Л. И. Гольман. – М.: Мысль, 1980. – 180 с.
2. Нанн, Дж. История костюма 1200-2000 / Дж. Нанн. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003 — 343 с.
3. Adamnan Life of Saint Columba / Ed. by William Reeves. – Edinburgh: Edmonston and Douglas, 1874. – 585 p.
4. Barrett S. Early Gaelic Dress / S. Barrett. – 2006. – 30 p.
5. Dunlevy Mairead M. Dress in Ireland / Mairead M. Dunlevy. – Collins Press, 1989 – 192 p.
6. Green, J. R. A short history of the English people / J. R. Green. – London: Macmillan, 1876. – 847 p.
7. Joseph Cooper Walker. An historical essay on the dress of the ancient and modern Irish. – URL: http://www.ricorso.net/rx/library/authors/writers/Walker_JC.htm (дата обращения: 01.07.19)
8. Joyce, P. W. A smaller social history of ancient Ireland London / P. W. Joyce. – New York: Longmans, Green, & Co., 1906. – 574 p.
9. Kelly, B. Fragments of Lives Past: archaeological objects from Irish road schemes / Archaeology and the National Roads Authority. Monograph No. 11 / B. Kelly, N. Roycroft, M. Stanley. – Dublin: National Roads Authority, 2014. – pp. 67-80.
10. Lynch, J. Cambrensis Eversus / J. Lynch. – Dublin: The Celtic Society, Vol. II, 1850. – 793 p.
11. McClintock, H. F. Old Irish and Highland Dress: with notes on That of the Isle of Man / H. F. McClintock. – W. Tempest, Dundalgan Press, 1943. – 188 p.
12. Planché, J. R. A cyclopedia of costume / J. R. Planché. – London: Chatto and Windus, 1876. – 524 p.

Статья поступила в редакцию: 15.11.2019

Savchinskiy, V.E, Ilyichov, A.V, Sitalo M. S. Origin and Development of Ancient Irish Costume

The article is devoted to the origin and development of the Irish traditional costume. In modern historical science, this topic continues to be one of the most controversial and debatable issues concerning the culture of the Celts who lived on the territory of Ireland due to the presence of many different interpretations of extant records. Special attention is paid to the study of the medieval version of the costume since the traditional costume that has survived to the present day was strongly influenced by England in the 16th-17th centuries, but retained a number of characteristic features.

Keywords: Irish clothes, Ireland, Medieval Ireland, casual wear, Celts, Normans, history of costume

УДК 904:792(292.471)

Предметом исторического анализа в данном исследовании стали письменные и материальные свидетельства существования театра в Херсонесе. Используя метод анализа, авторы данной работы рассматривают зарождение древнегреческого театрального искусства, письменные и материальные источники, свидетельствующие о наличии на территории Крыма в античные времена театров и театральных представлений. Основной задачей статьи является раскрытие истоков античного театра, анализ письменных и материальных источников, подтверждающих факт существования античного театра в Херсонесе.

Ключевые слова: раскопки, античный театр, театрон, амфилема, лапидарий, проскений, орхестра, тилиастры, парод, скене.

С. П. Шендрикова, профессор, д-р ист. наук

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) в г. Ялта

КФУ им. В. И. Вернадского

E-mail: snezhanashendrikova@rambler.ru

М. Н. Козлов, доцент, д-р ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: kmn_75@mail.ru

ПИСЬМЕННЫЕ И МАТЕРИАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О СУЩЕСТВОВАНИИ ТЕАТРА В АНТИЧНОМ КРЫМУ НА ПРИМЕРЕ ХЕРСОНЕСА

Истоками театрального искусства в Крыму являются зародившиеся еще в Древней Греции зрелища, полисы которой выводили свои колонии за ее пределы, в том числе и на черноморские берега. Письменные источники о существовании театра в античном Крыму очень скудны. Древнейшее свидетельство о театре в Крыму относится к IV в. до н. э. Древнегреческий автор Полиэн, описывая военные хитрости своего времени (труд его так и назывался «Военные хитрости», или «Стратегемы»), упоминает об остроумной уловке, которую применил при ведении разведки полководец Мемнон. При подготовке к войне с царем Боспорского царства Левконом, ему понадобились сведения о численности населения Боспора. Чтобы решить эту задачу Мемнон отправил на Боспор, вместе с послом Архивиадом, который поехал туда под предлогом заключения договора о дружбе, знаменитого музыканта-кифареда Аристоники. Замысел полководца заключался в том, что «жители будут поспешно собираться в театры», чтобы послушать прославленного музыканта, а посол по количеству собравшихся зрителей определит численность населения Боспора и, тем самым, силы будущего противника. Согласно свидетельству Полиэна, на Боспоре театр имелся не только в столице – Пантикапее, но и в других городах царства: Фанагории, Нимфее, Киммерике, Гермонассе, Феодосии [5, с. 204]. О склонности жителей Боспора к посещению театра свидетельствует и информация о том, что боспорянин Никий с херсонеситом Сокритом и ольвиополитом Дионисием сидели на почетных местах в театре во время дельфийских празднеств [7, с. 154].

Ряд ценных письменных свидетельств о существовании античных театров в Крыму дают эпиграфические памятники. Как известно, главные торжества в честь Диониса в Северном Причерноморье назывались Дионисиями. Их неотъемлемой составной частью были театральные представления. О них есть упоминания в херсонесских декретах III в. до н. э. В частности, хорошо читается наименование этого праздника на мраморной плите с декретом об увенчании золотым венком херсонесского историка Сирика. Свидетельством о праздновании Леней в честь Диониса, неотъемлемой частью которых также были театральные представления, может служить эпитафия винодела, жившего на рубеже III – IV вв. до н. э., в которой упоминается эпиклеза Диониса Леней [7, с. 130].

Письменным свидетельством о мистериях орфиков, посвященных Дионису, проводившихся в Пантикапее и служивших предшественниками древнегреческого театра, является обнаруженная там посвятельная надпись Дионису Арею, поскольку такое редчайшее словосочетание встречается только в орфических гимнах. Краткое, но очень ценное эпиграфическое свидетельство дает найденная в 1946 г. при раскопках Пантикапея чернолаковая солонка с надписью, свидетельствующей о победе, одержанной Гигиенонтом и Патайком в исполнении эпических поэм [4, с. 50].

Помимо письменных упоминаний о существовании театров и театральных представлений в античном Крыму, археологические исследования предоставляют нам ряд весомых материальных доказательств. В 1954 г. экспедицией под руководством О. И. Домбровского при раскопках древнегреческого города Херсонес были обнаружены остатки античного театра, существовавшего с конца III – начала II века до н. э. до IV в. н. э. Произошло это в процессе раскопок христианского «Храма с ковчегом». Как отмечал О. И. Домбровский, при вскрытии грунта внутри храма выяснилось, что только северное крыло храма, часть алтаря с левой пристройкой и северная стена западного крыла стоят на материковой скале. Большая же часть храма имела фундаменты, погруженные до материка в почти трехметровую толщу грунта, заполнявшего глубокую впадину, образованную крутым падением скалы к югу [2, с. 30]. Именно в этом месте, под купольным помещением храма, и под северным и отчасти западным его крылом были обнаружены остатки трех концентричных ступенчатых вырубов, сделанных в скальном массиве. На краю нижнего выруба был обнаружен сложенный из бута барьер, а выше – каменные скамьи первого ряда зрительных мест, имеющие характерный эллинистический профиль и лестничные ступени театрона. Позднее, в процессе дальнейших раскопок выяснилось, что эти скамьи были найдены уже переставленными на новое место при одной из перестроек театра [2, с. 30].

Раскопками 1954 – 1958 гг. были открыты: левый парод, левая сторона проскения с частью сkene и большая часть орхестры театра. В сущности, от античного театра осталось немного: от древнего театрона уцелело только пять метров каменной скамьи в первом ряду и четыре истертые ступеньки рядом в проходе шириной около 0,65 метра, которые виднеются среди стен «Храма с ковчегом», который при постройке занял почти всю правую половину бывшего до того театрона. Прочие части театрона были разобраны при строительстве «храма с ковчегом», других храмов и жилых домов.

Театр стал чем-то вроде искусственной каменоломни, где без больших затрат труда можно было получить уже почти обработанные строительные материалы. Но благодаря этим малым остаткам и напряженному творческому труду археологов стало возможным воссоздать первоначальный облик этого античного театра. В результате более поздних раскопок 1975 г. и 1984 г., реставрационных работ 1988 – 1994 гг. удалось уточнить время достройки и очертания верхнего, полностью разрушенного яруса мест для зрителей, имевшего не дугообразные, а угловато-прямолинейные очертания. Остатки части этого яруса удалось обнаружить над левым (восточным) краем первоначального театрона – за алтарем и диаконником «Храма с ковчегом» и несколько выше него.

Кроме того, в результате дополнительного исследования строительных остатков, удалось составить более ясное представление о внешнем виде, который приобрел театр в начале нашей эры. В частности, был более тщательно, чем прежде, исследован фрагмент квадратной подпорной стены, которая проходила к северу от восточного конца амфилемы (театральная ограда, ограничивавшая полукруг театрона) театра эллинистического времени, превращенной таким образом в диазому (полукруглый проход между рядами в античном театре), и под тупым углом повернута к западу, сойдя с частично ею перекрытых каменных глыб основания древнейшей оборонительной стены, которая, в свою очередь, в этом месте поворачивала к северо-востоку – приблизительно в сторону позднейшей монастырской оранжереи (там, где ныне расположено хранилище надписей на камне – лапидарий). Это ввело в заблуждение даже искушенного археолога, выдающегося исследователя Херсонеса К. К. Косцюшко-Валюжинича, который ошибочно принял глыбовую выкладку фундамента стены за материковую скалу [3, с. 88].

Театр был ориентирован с северо-запада на юго-восток таким образом, что солнце освещало проскений в любое время дня. Естественным фоном для проскения и сkene в древности являлась херсонесская бухта и противоположный гористый берег, возможно, поросший в то время лесом, отмечал О. И. Домбровский [2, с. 30]. Это утверждение, впрочем, было оспорено В. И. Кадеевым, который утверждает, что если орхестра херсонесского театра имела в первые века н. э. тот же диаметр, который мы видим ныне, – 23 метра, причем по античным правилам полагалось, что высота барьера орхестры должна была достигать приблизительно метра, а длина скены должна была быть в два раза больше диаметра орхестры (т.е. примерно 46 м), это при том, что высота скены была обычно равна высоте зрительных мест театрона, то в этом случае высота херсонесского театрального сооружения могла составлять около 6 метров и поэтому даже сидевшие в задних (верхних) рядах амфитеатра могли видеть в качестве фона не вид Карантинной бухты и противоположного берега, а постройку самой скены и верхушки соседних оборонительных стен города [9, с. 682].

Значение театра в жизни Херсонеса подчеркивалось особенностями его расположения. Театр был так расположен на местности, что выходил по касательной большей частью театрона к главной улице города, и, естественно, фасад проскения был также открыт к ней. С возведением театра завершилось архитектурное оформление центрального района Херсонеса. Как показали раскопки, театр пережил четыре строительных периода. Во II – I вв. до н. э. произошло повышение уровня

оркестры и соответствующая надстройка барьера, отделявшего ее от зрительных мест, что сопровождалось также расширением диаметра оркестры. В ходе второй перестройки (на рубеже н. э.), когда оркестра была поднята еще выше, видимо в связи с этим, были переставлены скамьи театрона. Вскоре была проведена еще одна, третья перестройка театра: еще раз повысили уровень оркестры, а ее барьер был сдвинут со старых фундаментов. В связи с этим был заново сооружен и проскений, отодвинутый в глубину от зрителей. Во II в. н. э. сзади театрона был достроен еще один ярус зрительских мест в виде многоугольника.

Несколько ранее концы барьера были удлинены, что увеличило площадь театрона. Затем барьер был снова повышен, а первый ряд каменных ступеней сильно поднят над оркестрой. О. И. Домбровский высказал предположение, что оркестра в это время использовалась и для цирковых представлений, что привело во II в. н. э. к новой переделке проскения, который был расширен и выдвинут вперед, к зрителям. Во II – III вв. н. э. поверх остатков разрушенных старых пародов были сооружены новые. Стены их были оштукатурены и ярко расписаны красками, как и барьер оркестры. Форма и ширина пародов сходна с формой и шириной пародов некоторых других театров эллинистического времени, в частности, в Эретрии и Оропосе.

Важным элементом театральной постройки были жертвенники, особенно посвященные богу Дионису, с культом которого было неразрывно связана древнегреческая театральная традиция. О. И. Домбровский предполагал, что средняя лестница из числа тех, которые разделяли театр на сектора, и которая заканчивалась внизу барьера каменным выступом внутрь оркестры, вела к фимеле (главному жертвеннику, посвященному Дионису). Ученый отмечал, что с III в. до н. э. подобные жертвенники все чаще и чаще стали перемещать из центра оркестры к середине барьера, где ранее полагалось быть креслу жреца Диониса. В римских же театрах подобное расположение жертвенника вообще является обычным, вплоть до их упразднения [2, с. 35].

Еще одним подтверждением наличия жертвенников в театре является находка в ходе раскопок 1954 – 1958 гг. в южной стороне левого парода на высоте 0,87 см от пола небольшой ниши со следами сильной копоти на штукатурке, причем маловероятно, что это место для размещения простого светильника или факела. Над этой нишей возвышались остатки какого-то цоколя или постамента из хорошо отесанных камней. Неподалеку от этого места в слое IV в. н. э. был найден опрокинутый лицом вниз каменный жертвенник с тремя непрофилированными сторонами и четвертой необработанной, носящей следы строительного раствора. По предположению О. И. Домбровского, этот жертвенник, видимо, стоял прислоненным к стене и своей тыльной стороной был встроен в стенную штукатурку. Судя по его высоте, равной расстоянию от пола парода до нижнего края ниши, а также по совпадению ширины его верхней площадки с шириной упомянутой ниши, О. И. Домбровский предположил, что жертвенник этот располагался именно по ней. И, поскольку углубление, находившееся на верхней площадке предполагаемого жертвенника, обожжено, это, вместе с копотью внутри ниши, свидетельствует о совершении на нем жертвоприношений. На лицевой стороне жертвенника имеется хорошо сохранившаяся посвятельная надпись с именем Тита Флавия Цельсина, бенефициария (привилегированного солдата) XI Клавдиева легиона, опубликованная Э. И. Соломоном [2, с. 32]. Что касается жертвенника на каменном выступе внутри оркестры, то О. И. Домбровский связывал с ним находку 1958 г. в кладке расположенного рядом одноабсидного храма жертвенника, подобного жертвеннику Тита Флавия Цельсина, но значительно более крупного и не имеющего надписи. По предположению О. И. Домбровского, именно он и стоял на указанном выступе [2, с. 35].

Театр в Херсонесе в своем позднем, окончательном виде, который он приобрел накануне официального введения в Римской империи христианства, являл собой, очевидно, довольно провинциальное сооружение. Он был построен из простого бутового камня на глине. Стены его внутри были покрыты грубо расписанной штукатуркой. Старые каменные скамьи первоначального изготовления, имевшие изящный профиль, характерный для II в. до н. э., позже были кое-где заменены грубо обработанными блоками. Лесенки между секторами зрительных мест со временем сильно износились. Несмотря на то, что размеры театра постепенно увеличивались, многие сохранившиеся фрагменты говорят, что в первые века н. э. он приобрел черты запущенности. Это притом, что квадратная облицовка угла левого парода и стены, идущей от этого угла до начала нижней площадки театрона, более качественная по исполнению. Рустованные квадраты, хорошо подогнанные один к другому, убедительно свидетельствуют о том, что в ранний период существования театра его архитектура была сопоставима с достойными образцами театральной архитектуры своего времени. Благодаря раскопкам стало возможным восстановить архитектурный облик театра, в частности, его проскения в III – II вв. до н. э.

Основание проскения представляло собой длинную, вытянутую перед зрителями вдоль диаметра оркестры каменную раму, частично углубленную в скалу, в которой было вырублено

соответствующее углубление. Эта рама была сложена из гладко отесанных квадров, неодинаковых по размеру, но плотно пригнанных один к другому торцовыми сторонами. На верхней стороне рамы были проделаны углубления для каменных опор помоста проскения. Эти опоры, судя по очертаниям гнезд, имели вид полуколонн, примыкавших к узким антам. В угловых опорах вместо колонн были установлены массивные прямоугольные пилястры. Кроме того, судя по формам гнезд, опоры не имели баз, что, скорее всего, свидетельствует о применении в них дорического архитектурного ордера, поскольку ионический ордер без базы в то время применялся редко [2, с. 33].

Театрон был разделен на восемь секций-клиньев, между которыми на расстоянии пяти метров друг от друга снизу начинались узкие лестничные проходы. Первоначально в каждом секторе было по одиннадцать рядов скамей шириной и высотой не более полуметра, расположенных уступами. Относительно вместимости театра между исследователями нет единого мнения. О. И. Домбровский считал, что она составляла 3 тыс. зрителей, а возможно, с учетом того, что в середине II в. орchestra, как и в ряде других театров того времени, могла утратить свое прежнее значение и использоваться в качестве партера, доходить до 5 тыс. [2, с. 36]. По мнению же С. Б. Сорочана, В. М. Зубарь и Л. В. Марченко она вряд ли превышала 1800 – 2000 человек [9, с. 681]. Причину такой нестыковки О. И. Домбровский в одной из своих последних публикаций объяснил следующим образом. В первой (предварительной) публикации об открытии античного театра в Херсонесе в 1956 г. примерный подсчет числа рядов зрительных мест исходил из предположения, что в северной половине театрона было 12 рядов скамей. Позже выяснилось, что таких рядов в театроне можно было вместить лишь 10, причем в крайнем секторе у правого парода – лишь 8. Возможно, то же самое было и в левой половине театрона, полностью уничтоженной при возведении «Храма с ковчегом». Расстояния же между рядами скамей были не 76 – 78 см, как получалось при прежней разбивке (что было явно недостаточно для удобного размещения зрителей), а около 105 см. Кроме того, нижняя терраса (диазома) была шире остальных: ее ширина достигала не менее 150 см [3, с. 88]. Слева и справа от концов театрона находились два парода (входа) шириной около 2,5 метров, через которые зрители попадали на лестницы, ведущие к театральным скамьям, а участники представлений – на полукруглую площадку орchestra. Один такой парод очень плохо сохранился, а другой (западный) ныне полностью реставрирован. Напротив амфитеатра театрона и расположенной перед ним орchestra был длинный каменный помост – проскений, на который и выходили участники театрального действия. Проскений не сохранился, но археологи сумели определить его основные данные, которые приведены выше в версии О. И. Домбровского. Проскений имел около двух метров высоты и был украшен по фасаду сплошным рядом полукруглых колонн, которые играли двойную роль: 1) поддерживали каменный настил; 2) пустое пространство между ними и помостом служило для улучшения акустики театра. На задней стороне проскения во всю его длину тянулась крытая постройка – сkene – с несколькими выходами на помост. В ней переодевались актеры, хранились декорации и театральный реквизит.

Раскопки 1954 – 1958 гг. и последующих сезонов показали, что херсонеситы постарались возвести самую дорогостоящую часть сооружения – театроне (ряды скамей с местами для зрителей) – с наименьшими затратами труда и средств. Для этого они, воспользовавшись особенностями рельефа, выбрали для театра крутой северный склон глубокой балки, который, возможно, дополнили искусственными подсыпками земли. До постройки театра по этому краю балки проходила древняя оборонительная городская стена Херсонеса, за которой располагался ранний некрополь.

При расширении территории города в IV – начале III в. до н. э. старую крепостную стену разобрали, а вновь построенная стена прошла южнее. Так балка, идеально подходившая для постройки театра, оказалась в черте города, да еще в двух десятках метров от главной улицы Херсонеса. Помимо этих факторов, архитектор учитывал и другие особенности данной местности, в частности, что склон балки позволял защитить зрительские места в театроне от северного ветра, прохладного в Херсонесе даже летом, что отвечало требованиям к театральным зданиям, которые должны были быть расположены в здоровом месте, а также то, что по правилам античной архитектуры полагалось, чтобы сkene (место выступления актеров), не размещалась на южной по отношению к зрителям стороне, из-за чего в херсонесском театре сkene была смещена к востоку.

Анализируя архитектурные особенности херсонесского театра и сравнивая его данные и данные других античных театров, О. И. Домбровский пришел к выводу, что при сравнении диаметра полуколонн, величины интерколумниев и прочих размеров проскения, наиболее близкой аналогией проскению этого театра является проскений театра в Приене [2, с. 33].

С середины IV в., после принятия Византийской империей, в которую в то время уже входил Херсонес, христианства как государственной религии, театр, к тому времени изрядно обветшал и утратил роль центра духовной жизни, которую он играл в доримский период. На его сцене (теперь уже, скорее, арене) давали цирковые представления и гладиаторские бои с участием диких зверей, о

чем свидетельствуют обнаруженные в ходе раскопок скене римского уровня отверстия для крепления решеток, отделявших скене от зрителей. Этот театр был упразднен и вскоре стал служить источником строительных материалов для построек раннесредневековых зданий.

В последние годы в научной литературе прозвучала информация о предпринятых попытках со стороны профессора Уральского университета А. Романчука и директора Института дистанционного образования Тюменского Государственного университета РФ В. Филиппова по изучению аэрофотоснимков Херсонеса, сделанных в 2004 – 2005 гг. Исследователями был сделан вывод, что среди общественных зданий, обнаруженных при анализе снимков сравнительно мало изученной части Херсонеса, который получил в исследовательской литературе название «Северный комплекс общественных сооружений античного периода», имеется театр, одон (здание, внешне похожее на театр, но меньших размеров, предназначенное для музыкальных состязаний), а также портики между этими сооружениями.

Согласно интерпретации фотоснимков А. Романчука и В. Филиппова в этом районе обнаружен большой театр, расположенный в 140 м к юго-западу от «базилики 1935 г.» и в 4 м к западу от храма «на сводах». На местности без специальной ориентировки, отмечается в публикациях, театр различить практически невозможно. При его осмотре были определены его параметры: ширина – 45 м., ширина театрона – 15 м., оркестры – 15 м., высота театрона 3,5 м. Каменные сиденья располагались ступенями в виде амфитеатра. Уже при поверхностном осмотре памятника было обнаружено пять рядов сидений [6, с. 16 – 22]. Разумеется, при всем уважении к В. Филиппову и А. Романчуку, которые имеют репутацию серьезных исследователей, а результаты их работ прошли апробацию на международных научных конференциях, до официальной научной публикации этих находок следует относиться с достаточной осторожностью к подобным сообщениям. Раскопки Херсонеса позволили обнаружить еще целый ряд памятников материальной культуры, которые позволяют судить о степени знакомства граждан этого полиса с театральным искусством. Среди этих находок можно выделить терракотовую статуэтку комического актера, найденную при раскопках «внутри монастырской ограды, под 1-м полом» в 1912 г., ее высота 9,5 см. Сохранилась она не очень хорошо, концы ног, верхняя часть головы и часть палицы отбиты. Правая рука актера поднята вверх, а в левой он держит суковатую палку, прижимая ее к плечу. Одежду актера составляет короткая туника, поверхность которой трактована в виде мелких углублений. Одежда туго подпоясана, спереди и сзади сделано по две складки в виде треугольных углублений. Через левое плечо актера перекинута львиная шкура, голова льва с разинутой пастью, полной зубов и высунутым языком висит ниже левой руки. На лице актера – большая маска с широкой бородой, огромным ртом с длинным рядом мелких зубов и приплюснутым носом. Глаза выпуклые, вылезающие из орбит, брови резко и сильно приподняты вверх. В общем, эта маска явно комического актера, подчеркнута утрировавшая смешные черты персонажа, которого играл актер. Большая голова актера посажена на короткой шее, фигура его невысокая и плотная, с большим животом. На основании наличия таких характерных атрибутов, как палица и львиная шкура, исследователи высказали вполне обоснованное предположение, что статуэтка изображает актера, играющего Геракла, причем трактовка образа носит ярко выраженный карикатурный, комический характер [1, с. 223]. Подобная трактовка образа Геракла не была редкостью в античной Греции. Время создания этой статуэтки определяется концом V – началом IV в. до н. э.

Возле театра обычно устанавливались стелы с высеченными на них именами победителей в мусических состязаниях. Обломок одной из таких надписей был найден неподалеку от херсонесского театра. Он был изучен и опубликован крупнейшей исследовательницей херсонесской эпиграфики Э. И. Соломоник. В имеющемся фрагменте текста надписи сохранились лишь упоминания о соревнованиях хоров, комедиографов и поэтов, писавших эпиграммы и энкомии (хвалебные стихотворения), а также глашатаев и трубачей. Впрочем, из имен победителей удалось прочесть только имя автора энкомия – Марк. Это, возможно, свидетельство присутствия в Херсонесе римского гарнизона и вообще римлян, которые могли принимать участие в состязаниях в театре [8, с. 60 – 63]; [7, с. 152]. Возможно также, что это был грек, принявший римское гражданство и римское имя.

Таким образом, первые шаги театрального искусства в Крыму были сделаны под непосредственным влиянием древнегреческой театральной традиции, которая, по сути, была основополагающей как в создании театра в современном смысле слова, так и в формировании социально-психологических основ современной западной цивилизации. Возникшее на основе празднеств в честь бога Диониса, отразившее демократические и антиолигархические настроения широких масс свободного населения древнегреческих полисов, театральное искусство прошло достаточно долгий и сложный путь: от запева (зачинателей, по Аристотелю) дифирамбов и сатировских хоров, которые олицетворяли первоначальную форму театрального диалога, до сложных драматургических форм, которыми овладели великие классики трагедии Эсхил, Софокл и Еврипид,

комедиографы Аристофан и Менандр и некоторые их последователи. Театральные представления с середины VI в. до н. э. стали носить массовый характер и были доступны всему свободному мужскому населению древнегреческих полисов. В таких условиях сцена становилась трибуной, с которой провозглашались новые идеи, а порой подвергались пересмотру устаревшие в изменившемся обществе ценности.

В качестве вывода необходимо сказать следующее. В Крым древнегреческое театральное искусство проникло в результате греческой колонизации берегов Черного моря. На территории полуострова возникли такие значительные колонии, как Херсонес и Пантикапей. Именно при раскопках этих колоний были обнаружены остатки театральных строений. И если от пантикапейского театра удалось найти лишь одно парадное кресло, а само местоположение театра до сих пор не выяснено, то в Херсонесе усилиями О. И. Домбровского были обнаружены довольно значительные фрагменты театра, стало возможным установить его местоположение и реконструировать первоначальные формы и размер. Кроме того, в 2004 – 2005 гг. в результате применения метода аэрофотосъемки А. И. Романчук и В. А. Филиппов высказали гипотезу о существовании в Херсонесе еще одного театра и указали его местонахождение. Большое значение в изучении истории античного театра в Крыму имеют найденные на территории полуострова керамические статуэтки с изображениями актеров, исполняющих различные роли, а также маски, применявшиеся в античных театрах. Они свидетельствуют о широком распространении театральной символики в быту жителей древнегреческих колоний, а, следовательно, и интереса к театру как к виду искусства.

Список литературы

1. Белов, Г. Д. Терракоты Херсонеса из раскопок 1908 – 1914 гг. / Г. Д. Белов // Херсонесский сборник / Под ред. К. Э. Гриневича. Вып. III. – Севастополь: Издание Государственного Херсонесского музея, 1930. – С. 219-245.
2. Домбровский, О. И. Античный театр в Херсонесе. (Раскопки 1954 – 1958 гг.) / О. И. Домбровский // Сообщения Херсонесского музея / под ред. И. А. Антоновой, В. В. Борисовой. Вып. 1. – Симферополь: Крымиздат, 1960. – С. 29-36.
3. Домбровский, О. И. Работы на участке Херсонесского театра в 1991 – 1994 гг. / О. И. Домбровский // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Сб. науч. статей. Отв. ред. А. В. Кутайсов. – Симферополь: Сонат, 1997. – С. 85-88.
4. Мельпомена в Пантикапее / Под общ. ред. Н. Федосеева. – Керчь: Фонд «Боспор», 2001. – 130 с.
5. Полиэн. Стратегемы / Полиэн. – СПб.: Евразия, 2002. – 608 с.
6. Романчук, А. И. Результаты применения разведочной аэрофотосъемки западной части Херсонеса Таврического в 2005 г. / А. И. Романчук, В. А. Филиппов. Научный доклад. – Севастополь; Тюмень; Екатеринбург, 2005. – С.16-22.
7. Скржинская, М. В. Древнегреческие праздники в Эллад и Северном Причерноморье / М. В. Скржинская. – К.: Институт истории Украины НАНУ, 2009. – 363 с.
8. Соломоник, Э. И. Каменная летопись Херсонеса. Греческие лапидарные памятники античного времени / Э. И. Соломоник. – Симферополь: Таврия, 1990. – 108 с.
9. Сорочан, С. Б. Жизнь и гибель Херсонеса / С. Б. Сорочан, В. М. Зубарь, Л. В. Марченко. – Харьков: Майдан, 2000. – 828 с.

Статья поступила в редакцию 23.10.2019

Shendrikova, S. P., Kozlov, M. N. Written and Material Evidence of the Existence of a Theater in Ancient Crimea on the Example of Chersonesus

The subject of historical analysis in this study is written and material evidence of the existence of a theater in Chersonesus. Using the method of analysis, the authors consider the emergence of ancient Greek theater art, written and material sources, indicating the presence of theaters and theatrical performances on the territory of Crimea in ancient times. The main objective of the article is to uncover the origins of an ancient theater, to analyze written and material sources confirming the existence of an ancient theater in Chersonesus.

Keywords: excavations, ancient theater, theatron, amphilema, lapidarium, prosenium, orchestra, pilasters, parody, skene.

УДК 141.7:316.46

Рассматриваются вопросы эффективного лидерства как механизма интеграции и диалога мирового сообщества; обосновывается востребованность в управленческой инфраструктуре современного мироустройства новой организационной модели солидарной деятельности – со-лидерства, построенного на принципе командного лидерства, в котором субъект власти выполняет роль консолидирующего начала.

Ключевые слова: лидер, лидерство, со-лидерство, металидерство, глобализация, мировое сообщество.

И. А. Галяс, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: Korol_Irina9@mail.ru

СО-ЛИДЕРСТВО КАК МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМ МИРОВЫМ СООБЩЕСТВОМ

На рубеже XX – XXI ст. в центр внимания и анализа современных мыслителей выходят такие явления и понятия как глобализация, мировое сообщество, мировая империя, глобальное управление, всемирное правительство. Стало очевидным, что процессы социальной истории эпохи Модерна привели человечество к обострению проблем планетарного масштаба, резко усугубили противоречия, угрожающие катастрофическими последствиями всему мировому сообществу и актуализировали проблемы поиска новых способов и путей выживания человечества, его целостности, дальнейшей эволюции, механизмов глобального управления.

Процессы ускорения и глобализации мира – это объективное явление, отличительными особенностями которого являются: угасание национальной государственности, унификация социально-политических структур общества, разрыв культуры и цивилизации, разрушение форм культурной, исторической и духовной идентификации человека. Согласно мнению многих исследователей, эти центристские тенденции интеграции мирового сообщества одновременно приводят к ослаблению национального суверенитета государств, к утрате их политической власти, национального единства, подрыву роста этнического и религиозного самосознания, трансформации социально-духовных ценностных ориентаций. Все кризисные исторические явления свидетельствуют о глубоких внутренних противоречиях складывающегося нового постиндустриального общества, в котором идет активный поиск новых идей и ценностей. Эти вызовы времени – результат объективно изменившихся условий, которые провоцируют рождение нестандартного субъективного фактора, способного консолидировать и сплотить мировое сообщество на основе фундаментальных общечеловеческих гуманистических ценностей.

Цель статьи – раскрыть сущность со-лидерства как механизма интеграции и диалога в инфраструктуре современного мироустройства; обосновать востребованность командно-организационной солидарной деятельности как новой модели управления в глобальном мире.

В ходе продолжающихся споров и дискуссий о будущем человечества в теоретическом плане исследователями предлагаются два направления осмысления целостности мира. Сторонники первой группы концепций мир – системного подхода (Н. А. Моисеев, А. Г. Франк, И. Валлерстайн, М. Фезерстоун, С. Амин) отстаивают идею возникновения в XXI в. единой планетарной цивилизации с признаками равенства всех культур – Разумом, Памятью, Духовным миром и моноцентрическим мироустройством. Сторонники второй группы концепций «культурного плюрализма» (Э. Баталов, Б. Нельсон, Л. Февр и др.) отстаивают идею полицентричности и неустранимости этнокультурных и национальных различий. Будущую «мета-цивилизацию» мыслители видят, как «общий знаменатель» разных культур, которые сохраняют своеобразие в обозримом будущем. Общая стратегическая цель

идеи «интеграции различий» в мире – это формирование разного рода взаимодействий между фрагментами общества (между государствами, нациями, этническими общностями) и все более широкое использование позитивных ценностей и универсалий, целей, норм и идеалов по всему планетарному пространству.

Очевидно, что оба указанных направления осмысливают идею будущей мировой цивилизации как инфраструктуры нового глобального мироустройства, «в котором и политика, и культура подключены к сфере абсолютных ценностей» и именно они «станут полем боя, на котором решается судьба мирового сообщества» [3, с. 18]. Реализация идеи зависит не только от сложного переплетения и противоборства разных наций, народов, групп, их политических, идеологических систем, а от самой возможности появления лидеров как пассионарных субъектов модернизации человечества, способных возглавить мировое сообщество, уметь предвидеть его будущее, ставить цели, определять ценностные ориентиры и контролировать международные процессы.

Лидер в данном исследовании – это субъект властной деятельности – «лицо истории», некий обобщенный портрет личностной структуры индивида того или иного региона (цивилизации, страны, государства), народа и его культуры (менталитета), поколения и эпохи (социального и исторического времени). Активная практическая деятельность лидера по обустройству окружающего мира определяется социально-экономическими, духовными потребностями и интересами общества, которые выступают как постоянно действующая сила истории, мощный фактор движения субъекта власти.

Механизм интеграции групповой деятельности, в которой личность или часть социальной группы выполняет роль лидера определяется термином «лидерство». Следовательно, лидерство – это процесс преимущественно ненасильственного воздействия в направлении достижения группой или организацией своих целей. Теоретические концепции природы, особенностей и деятельности лидера как субъекта, а лидерства как процесса, представленные в разных научных дискурсах – политологическом, психологическом, социологическом, культурологическом, управленческом и других, в большей мере осмысливают практики взаимодействия - эффективной связи лидера и группы, рассматривая отдельные стороны явления лидерства. Все они безусловно имеют научную ценность, но в полной мере не всегда могут претендовать на создание теоретической модели лидерства, в которой фактор личностного роста субъекта, его ресурс трудноизмерим и не всегда ясен, а объективные условия востребованности конкретного типа лидера не всегда учитываются.

Для понимания сущности со-лидерства как современной модели управления в глобальном мире следует обратиться к исследованиям в области практической психологии, а именно к трудам американского ученого Роберта Дилтса «Альфа-лидерство» и «НЛП: навыки эффективного лидерства» [2]. По результатам своих наблюдений за деятельностью эффективных лидеров Р. Дилтс проанализировал не только важнейшие личностные качества и навыки лидера, особенности построения взаимоотношений с людьми, но и его стратегическое и системное мышление, в основе которого лежит так называемое «видение будущего». Проблемное пространство эффективного лидерства ученый рассматривает через систему отношений: лидера с самим собой; между сотрудниками, влияющими на лидера и подвергающимися его влиянию; самой системой в которой он взаимодействует с другими людьми; между желаемой целью и результатом. В зависимости от компетенций и масштабов лидера исследователь выделяет четыре ступени лидерского роста субъекта: внутреннее, ситуативное, командное и стратегическое лидерство или металидерство.

Основанием лидерства является внутреннее лидерство, укорененное в природе человека как унаследованный из животного мира инстинкт власти. Уже на ранних стадиях человеческого общества лидеру присущи исходные природные качества – физическая сила, уверенность в себе и психологическая устойчивость, которые под воздействием социальной среды, в процессе сублимации, преобразовываются в психосоциальные качества – силу воли, харизматичность, суггестивность, влияние, доверительность, что позволяет лидеру доминировать и управлять сообществом. Это первая ступень или базовый этап лидерского роста – предпосылка для возникновения и развития лидерства.

На второй ступени лидерского роста автор концепции рассматривает микролидерство или контекстуальное лидерство, в ходе которого личность берет на себя роль лидера в зависимости от сложившейся ситуации. Субъект определяет свой статус, представляет личные возможности, развивает собственные творческие и коммуникативные навыки, которые мотивируются необходимостью возложить на себя ответственность за происходящее, достичь специфических целей

в определенном окружении. Он проявляет свои психосоциальные, волевые качества и свойства характера, способности взаимодействовать с людьми, объясняет важность и значимость идей в настоящем. Ситуация побуждает личность к активному действию, когда же необходимость отпадает он может отказаться от лидерской роли. Микролидерство обращено к уровням действий и возможностей субъекта.

На этапе макролидерства лидер рассматривается Р. Дилтсом как профессионал, руководитель команды, её вдохновитель и координатор, соизмеряющий свои идеи, планы, мысли с окружающей реальностью. Субъект берет инициативу в свои руки на протяжении большого промежутка времени, ставит тактические цели и стремится к их достижению. Он умеет убеждать, обладает внутренней смелостью и стойкостью. Макролидерство фокусируется на уровнях убеждений, ценностей и ролевой идентификации.

На четвертой ступени роста – металидерства, лидер – это лидер лидеров. «На метауровне лидерство включает представление о миссии лидера по отношению к более глобальной или всеобщей системе, которой он служит, обществу, внутри которого лидер действует в отношении руководящего видения, направляющего систему или общество» [2, с. 16]. Он интеллектуал, способный разрабатывать «жизненные программы», развивать видение и предвидение, вдохновлять и убеждать, быть внимательным к изменениям происходящим в мире, предлагать стратегические цели и перспективы развития метаобщества в целом. Создание атмосферы доверия, самообладание, желание большего, поиск высокого смысла, которому можно было бы посвятить свою жизнь – именно эти способности выделяют лидера лидеров на фоне объективно существующей необходимости. Металидерство – это показатель уровня духовности и интеллектуальности личности, реализации его сущностных сил, внутреннего волевого ресурса – воли к власти, воли к истине и воли к духовному совершенству. Металидерство выходит за рамки всех других уровней, выход личности на эту ступень предполагает прохождение субъектом всех предыдущих ступеней лидерского роста.

Принимая во внимание вышеизложенные положения Р. Дилтса, деятельность лидера как субъекта властной деятельности следует оценивать через призму социально-философского анализа. В качестве исходного положения можно принять тезис о том, что становление лидера есть исторический процесс, тесно связанный с объективными условиями, социальными потребностями, интересами и ценностями конкретного общества, а также потенциальными возможностями субъекта их реализовать. Социальные системы исторически эволюционирующих обществ востребуют свой тип лидера с характерными для каждого их них ценностными ориентирами, которые придают смысл и направленность личностным позициям, поведению и поступкам субъекта власти.

Востребованность лидера в первобытном обществе детерминирована объективными социальными потребностями выживания и самоорганизации человеческой общины. В условиях «культуры страха» (отношениях «человек – естественная природа») лидер в лице вождя, старейшины рода, племени подчиняет личные интересы индивидов общему благу – благополучию общины. Его миссия заключается в сохранении кровнородственных связей, жизненной и функциональной целостности общины – ее самосохранении. «Власть авторитета» в первобытном обществе – это не только воля конкретного индивида, а традиционный порядок вещей, умноженный на силу общественного мнения – моральной парадигмы.

В условиях традиционного общества с различными принципами построения власти формируется личностный тип лидера, включенный в вертикаль власти – институт государства. Лидер, наделенный внутренними качествами, приобретает право на власть (контекстуальное лидерство) благодаря своему происхождению. Отношения в системе координат общественного развития он строит на основе взаимного доверия, уважения к традициям и культурным кодам. Мораль сохраняет свою значимость как средство ориентации человека в социальной среде. Влияние субъекта властной деятельности носит личностный характер, а ценностные ориентиры требуют умения сплотить общность людей для достижения поставленных целей.

В условиях индустриального общества формируется авторитарный тип личности лидера (макролидерство), который включен в вертикаль власти бюрократической государственной системы профессиональных управляющих. В своей деятельности субъект руководствуется установкой на политическую целесообразность, логику целерациональности с ориентирами на преобразование мира в соответствии с законами Разума. Лидер координирует и изменяет социальную жизнь через «порядок», «покорение», «организацию», используя при этом все доступные средства для сохранения власти и интересов господствующих классов. Формальная рациональность как установка на

целерациональность в деятельности лидера вытесняет мораль из сферы публичной жизни и разрушает веру в абсолютность нравственных норм. Новыми принципами управления в системе общественного развития «авторитет власти» (авторитет государства) утверждаются господство и подчинение.

В условиях складывающегося постиндустриального мирового сообщества наиболее востребованными являются новые практики – модели организационного управления – это со-лидерство и ситуативное лидерство. Известные специалисты в области разработки теории будущего лидерства – профессор Т. Берри и доктор философии Р. Баннинг рассматривают со-лидерство как «со-настроенное коллективное пространство», новый эффективный инструмент командно-организационной солидарной деятельности, востребованный общечеловеческой потребностью в совместном сосуществовании [4]. Лидеры и участники в команде продуцируют и осуществляют лидерство совместно в открытом уважительном диалоге, сотворчестве и разделяемой взаимной ответственности. Созданный лидером контекст взаимоуважения и открытости, понимание ценности других и собственной самооценности, диалогичности и полилогичности сотрудничества, рабочий климат и корпоративная культура выполняют роль модератора со-лидерства. Вдохновением, вниманием, личной включенностью лидер должен усиливать способности членов команды, создавать границы смысла и политики безопасности, в которой все участники самостоятельно смогут принимать правильные решения. Отношения в команде – это отношения зрелой взаимной зависимости, когда члены организации или совета понимают, что «мы» как граждане не только создаем и не только отражаем друг друга, но «мы» вместе поддерживаем и усиливаем друг друга, идем к общим целям (целерациональная установка) и понимаем «Во имя чего!» мы объединяемся (ценностно-рациональная установка).

Этот сложный, длительный и трудоемкий процесс востребует от зрелого лидера интеллектуальных способностей, особого «видения» глубинных смыслов сложных политических, социальных, экономических процессов, гибкости, а иногда парадоксальности мышления, в том числе высокой эмоциональной вовлеченности в деятельность. Т. Берри и Р. Баннинг подчеркивают, что именно «гибкость и управление сложностью в ситуациях растущей сложности и нестабильности» порождают мудрость руководителя высокоэффективных команд [4]. Такой лидер не должен становиться конструкцией проекций своих последователей, он должен создавать условия для формирования их идентичности и независимости.

Со-лидерство как совместное лидерство, построенное на принципе не единоличного, а командного лидерства между сложными глобальными политическими, экономическими и правовыми международными структурами заявило о себе в середине XX в. 24 октября 1945 г. В г. Сан-Франциско на Конференции держав антигитлеровской коалиции основана Организация Объединенных Наций. Вся структура ООН: Генеральная ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и Социальный Совет, Международный Суд, Секретариат во главе с Генеральным секретарем, назначаемым Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности, а также специализированные организации и учреждения – Всемирный Банк, Региональные комиссии, специализированные организации и органы (ЮНЕСКО), Международные агентства (МАГАТЭ) и другие – это формат со-лидерства как современного эффективного способа управления миром. Основной принцип мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами – единогласие великих держав. Умение участников извлекать смыслы и формировать ценностное суждение в мире рисков и неопределенности становятся ключевыми компетенциями для всех участников обсуждения. Такая сложная структура управления мировым сообществом не лишает национальных лидеров власти, а подчиненных инициативы, но ограничивает суверенитет классических государств, требуя соблюдения международных норм и правил на мировой арене.

Современное политическое сознание мировых лидеров предлагает множество общественных и национальных социально-экономических стратегий, проектов развития государств, стран, народов и всего человечества в целом. Понимание наличия множества сценариев принуждает «публичный разум» заняться поиском путей согласия в осмыслении коллективно-групповых мировых процессов, координации общих усилий для сохранения человечества.

К несомненным достоинствам новой со-лидерской модели управления в мире следует отнести: во-первых, равноправие всех участников социального процесса в ходе принятия решений, снижение риска ошибки в сдерживании и разрешении конфликтов. Во-вторых, в ходе дискуссий формируется общая коллективная ответственность за общий результат и решение, учитывается доля власти

каждого участника в процессе обсуждения, что стимулирует их к профессиональному росту. В-третьих, распределение полномочий в организации – совете зависит от опыта и знаний лиц (политиков, банкиров, промышленников, ученых, журналистов), что позволяет учитывать уровень компетентности специалистов, эффективность их деятельности. В-четвертых, власть и авторитет сотрудников в организации, союзе или команде – это всегда власть связей, которая проявляется на основе закона синергии. Синергия предполагает качественное преобразование системы, где необходимость уступает место случайности и вероятности наступления события, а это дает возможность субъектам реализовать свой большой инновационный потенциал к быстрому достижению целей.

Следует отметить, что при всех достоинствах модели со-лидерства как коалиции солидарного мирового управления она не идеальна и имеет скрытые проблемы. У каждого коллективного суждения как результата обсуждения имеются свои главные индивидуальные авторы – реальные агенты командной деятельности. Это конкретные субъекты – личности – главы советов, фондов, ассамблей, комиссий, агентств, которые формируют свои суждения и предлагают ответы на те или иные вопросы, решают задачи и отвечают на вызовы. В непосредственно-групповых действиях их мнение становится первостепенно важным, более явным, актуальным и непосредственно уловимым. Путем согласования или голосования с другими членами команды, совета его утверждают, как общий результат или обезличенное групповое знание.

Следовательно, как члены команды, граждане государства и мира мы поддаемся чрезвычайно опасной тенденции современной цивилизации – анонимизации знания, сокрытию бесспорного факта, что у каждого коллективного суждения, предложения, объяснения имеются главные авторы, за которыми «стоят» потребности, интересы, цели и установки конкретных социальных систем (групп, организаций, корпораций, стран и народов). Авторы групповых идей, в том числе и экспертных, получают возможность совершать или не совершать соответствующие манипуляции с участниками команды, скрывать, вводить в заблуждение или доносить истинное знание об объектах, субъектах, явлениях и процессах. Узаконивание мнения некоего анонимного «группового субъекта» на уровне формальных или неформальных ассоциаций, союзов, социальных институтов, в том числе мировых, таит немалые практические опасности, и порой приводит к негативным последствиям – хаосу, цивилизационным, межэтническим и конфессиональным конфликтам, разрушению государственных институтов, отказу от объективных истин или их искажению. Это подтверждается историческими событиями последних десятилетий, когда в мировой социальной практике формировались и одобрялись фундаментальные для общества ценности, оценки, суждения, предложения, которые содержали погрешности и выступали против внутренних законов «групповой и ценностной рациональности».

На эту проблему обратил внимание создатель теории «согласуемых суждений» профессор Лондонской школы экономики и политических наук Кристиан Лист: «Процедура осмысления «публичного разума», механизма согласия в коллективно-групповых процессах познания истины – превращения индивидуальных суждений в коллективные, одобряемые группой как целым в современных научных исследованиях на теоретическом уровне недостаточно изучена» [5, с.236]. Но ее осмысление необходимо для понимания коллективно-групповых процессов познания с точки зрения поисков согласия и принятия коллективного решения. Важно подчеркнуть, что познавательные, эвристические, эпистемологические стороны вынесения коллективных суждений, решений, в том числе экспертных, приобретают сегодня огромное значение, несравнимо большее по сравнению с прежними эпохами развития мировой цивилизации. От коллективных решений, принимаемых на уровне международных организаций зависит будущее стран, народов и в целом человечества. Общеизвестно, что носителями знаний всегда остаются вполне конкретные личности – субъекты познания – руководители, лидеры, политики вокруг которых объединяются коллективы, группы и именно они играют свою неодинаковую роль в оформлении якобы безличного, «общего», «единого» результата.

Самым сильным вызовом для лидеров современности являются хаотичные условия неопределенности мирового сообщества. Именно социальная ситуация дает личности, наделенной властными качествами, возможность реализации своего внутреннего потенциала сообразно с объективно существующей необходимостью. Большинство вызовов – это ситуационные конфликты: глобальные, локально-региональные и социально-духовные, основанные на геополитических, межэтнических, межконфессиональных и культурно-языковых противоречиях. Их решение позволяет

субъектам, наделенным властными полномочиями реализовать свой внутренний потенциал, самоактуализироваться и гармонизировать отношения в неустойчивом этнически многообразном, поликонфессиональном и кризисном современном сообществе, найти верные пути партнерства и гражданского согласия между противоборствующими силами, предложив идею общего Дела.

Таким образом, в современном мире культурного многообразия именно авторитетные международные политические лидеры, наделённые реальной властью, определяют механизм взаимодействия между странами и народами, стратегии культурного взаимодействия внутри социума, осуществляют легитимное влияние на его качество, контролируют и несут персональную ответственность за современные демократические тенденции реформирования мирового сообщества. Международный руководитель в глобальном мире – это в первую очередь «лидер команды экспертов, обладающий высоким уровнем профессиональной компетенции, комбинацией таких качеств, как способность слышать коллектив, умением отступать и уважать своеобразие других», адаптироваться и быть заинтересованным в установлении доверительных отношений в команде [1, с. 84].

В современной социальной философии будущее процессов лидерства видится через «три наиболее вероятные модели организации мирового политического пространства: «мировая сеть», «мировая империя» или «мировое государство» [3]. Все они сориентированы на со-лидерство, построенное на принципе командного, а не единоличного лидерства, в котором субъект власти выполняет роль консолидирующего начала. Учитывая, что космополитическая модель управления миром уже реализуется, а национальное государство будет продолжать свое существование в форме сниженного суверенитета, некоторые мыслители полагают, что в будущем человечество сможет существовать только при наличии всемогущего мирового правительства. Базовыми ценностными ориентирами его членов должны быть высшие общечеловеческие ценности, обусловленные социальной сущностью человека, его духовной природой, к которым относится сам человек, его жизнь и счастье, долг и ответственность, честь и достоинство, свобода, совесть и справедливость. В своём большинстве они являются морально-нравственными, непререкаемыми, необходимыми каждому индивиду. Именно в способности металидера консолидировать общественные и государственные институты, подчинить сформированное в обществе локальное стереотипное мышление глобальному (действовать регионально, а мыслить глобально) заключается его историческая миссия.

Список литературы

1. Гусева, Н. И. Современная модель лидерства в условиях глобального контекста. Проблемы теории и практики управления / Н. И. Гусева // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2011. – №4. – С. 82-88.
2. Дилтс, Р. НЛП: навыки эффективного лидерства / Р. Дилтс. – СПб.: Питер, 2003. – 224 с.
3. Каспэ, С. И. Империя под ударом. Конец дебатов о политике и культуре / С. И. Каспэ // Полития. – 2003. – № 1. – С. 5-18.
4. Кривда, Н. Сопродюсерство как новый формат лидерства / Н. Кривда. – URL: <https://huxley.media/soprodjuserstvo-kak-novyj-format-liderstva/> (дата обращения: 10.11.2019)
5. Мотрошилова, Н. В. Отечественная философия 50-80-ых годов XX века и западная мысль / Н. В. Мотрошилова. – М.: Академический Проект, 2012. – 376 с.

Статья поступила в редакцию 10.11.2019

Galyas, I. A. Co-Leadership as a Model for Managing Modern World Community

The article deals with issues of effective leadership as a mechanism for integration and dialogue of the world community. The author justifies the demand for management infrastructure of the modern world order of new organizational model such as co-leadership model built on the principle of team leadership in which the authority plays the role of the consolidating principle.

Keywords: leader, leadership, co-leadership, meta-leadership, globalization, world community

УДК 141.3:21

В статье исследуется типология мистических учений, разработанная М. Элиаде. Исследователь видел в основе мистического опыта различных религиозных традиций общее начало, связанное с единым источником истинной религиозной жизни человечества. М. Элиаде выделяет не типы мистического опыта, как независимые друг от друга формы постижения Абсолюта, а только типы его различных интерпретаций. Он называет два основных религиозных типа, которые сформировали различные интерпретации мистического опыта. Разногласия между «космическими религиями» и «религиями откровения» были связаны с решением важного вопроса о соотношении между Абсолютом и материальным бытием. Если первый тип отождествляет Сакральное и бытие, то второй отрицает их сущностную тождественность. Первый тип мистицизма ориентирован на созерцание Абсолюта, а второй на экстатическую любовь к Нему. Сущность мистического просветления выражается в опыте мистического Света.

Ключевые слова: мистицизм, просветление, опыт мистического Света, эпифания, инициация.

Н. С. Жиртуева, доцент, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: zhr_nata@bk.ru

Сайт: zhirtueva.ru

ТИПОЛОГИЯ МИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МИРЧА ЭЛИАДЕ

Творчество М. Элиаде всегда вызывало интерес большого количества людей, как профессиональных ученых, так и тех, кто равнодушен к религиозной и философской проблематике. Но если религиозноведческие работы М. Элиаде всегда имели много поклонников среди непрофессиональной аудитории, то отношение к ним ученых всегда было неоднозначно.

С одной стороны, религиоведы, философы, филологи, культурологи, социологи и политологи считали творчество известного румынского исследователя новаторским вкладом в гуманитарную науку XX века [1, с. 109]. Но, с другой стороны, его работы критиковались за «априоризм феноменологических схем». В целом критика феноменологов религии, и не только М. Элиаде, была мотивирована тем, что ни одна «сущность», ни одна «универсальная структура», ни одно «глубинное значение» религиозных феноменов не могут быть выявлены в ходе эмпирических исследований, а интуиция феноменологов очень тесно связана с их мировоззренческими установками [2, с. 103-104].

С моей точки зрения, основной причиной неоднозначности оценки творчества М. Элиаде является тот огромный круг вопросов, который пытался охватить исследователь. Размах его исследовательской мысли неизбежно связан с ошибками и поверхностными выводами. К вопросам, которые исследовал М. Элиаде, относятся проблема сущности мистического опыта и его типология. Эти вопросы вызывают уже более века заинтересованность широкого круга как отечественных, так и зарубежных философов и ученых. Среди них не только М. Элиаде, но С. Н. Булгаков, У. Джемс, В. Н. Лосский, Р. Отто, Е. Торчинов и др. Различные религии предлагают свои пути достижения мистического состояния и по-разному рассматривают такие проблемы как: сущность Абсолюта, соотношение идеального и материального, место человека в мире, характер его взаимоотношений с Абсолютом, основную цель мистической практики, практические пути и основные средства соединения с Абсолютом.

На современном этапе исследование мистицизма происходит, преимущественно, на компаративистской основе. Одной из наиболее дискуссионных проблем является соотношение универсального и индивидуального в мистическом опыте. М. Элиаде осуществлял компаративный анализ исторических форм религии со времен архаики до наших дней. Ведущей идеей, которая прослеживается во всех работах ученого, является «представление о *фундаментальном единстве* религиозных феноменов и одновременно – о неистощимой *новизне* способов их выражения» [3].

М. Элиаде сделал попытку найти в истории религии не эволюционные состояния, сменяющие друг друга, а универсальные морфологические образцы (модели, паттерны), которые присутствуют в культуре и составляют ее ядро независимо от хронологии и этнической принадлежности носителей религиозной традиции. По мнению А. Забияко, М. Элиаде стремился к тому, чтобы открыть западное мировоззрение навстречу планетарному гуманизму. В архаических мифологемах, восточных умозаключениях, интуиции христианской мистики он надеялся найти единственный источник

истинно религиозной жизни. Религиозный проект мыслителя заключался в создании теологии без Бога, место которого заменяет Сакральное как абсолютная реальность [1, с. 109, 113].

М. Элиаде безусловно разделял основной постулат феноменологии религии о человеке как *homo religiosus*. С одной стороны, человек всегда стремится к тому, чтобы сквозь рутину обыденности прорваться к абсолютной реальности. С другой стороны, Святое тоже имеет потенцию проявлять себя в земном мире. По мнению автора, человек приобщается к Абсолюту через *иерофании* – акт выявления святого в чувственной форме.

Образы иерофаний и свои знания о священном человек выражает в символах. М. Элиаде подчеркивал, что символизм всегда играл большое значение в религиозной жизни человечества. В работе «Опыты мистического света» он утверждает, что существует эквивалентность образов и символов, с помощью которых выражается мистический опыт в различных религиозных традициях. Одним из таких символов, определяющих сущность мистического просветления, является опыт мистического Света, переживаемый мистиками разных эпох и религиозных традиций. Его большое значение состоит в том, что «какова бы ни была предыдущая идеологическая включенность человека, встреча со Светом производит в его существовании перелом, в результате которого ему открывается – или становится яснее, чем раньше — мир Духа, сакрального, свободы, короче говоря, существование как божественное творение или мир, освященный присутствием Бога» [5].

Итак, М. Элиаде приходит к выводу: «опыт экстаза как феномен неотривен от человеческой сути». Человек имеет психологическую потребность в мистических переживаниях, сопровождающих любой опыт сакрального. И этот опыт является единым по своей сути. По его мнению, «со сменой форм культуры и религии изменились разве что интерпретация и оценка опыта экстаза» [3]. При этом М. Элиаде указывает на определенный парадокс: «значение света есть, в сущности, личное открытие – но, с другой стороны, каждый открывает то, что способен открыть в силу своей духовной и культурной подготовленности» [5].

Таким образом, румынский исследователь утверждает решающую роль в мистическом опыте той культурно-исторической среды, в которой проходило формирование мировоззрения мистика. Различия проявляются только с того момента, когда начинается концептуализация мистического опыта. Его интерпретации, по мнению М. Элиаде, формируются в пределах двух основных религиозных типов, которые он называет «космическими религиями» и «религиями откровения». К первому типу исследователь относит религии архаических обществ, восточные и африканские религии, дохристианские культы народов Европы. Для этого типа религий, по мнению автора, характерное переживание «космических» иерофаний, когда сакральное проявляется в естественных и биологических ритмах жизни.

Особое место в сравнительно-историческом религиоведении М. Элиаде занимают религии Индии. Возможно потому, что его концепция Абсолюта больше всего приближается к индийскому учению о Брахмане, как первооснове естественного порядка и гармонии бытия, отделенной от зла и греха. Считается, что Абсолют содержит в себе всю полноту бытия: объективная и субъективная реальность существуют в нем как две стороны одного целого. Объективная реальность Брахмана имеет две формы – непроявленную и проявленную. Последняя – это все сущее, реальная действительность. Субъективное священное начало проявляется в виде Атмана, индивидуального абсолютного начала, тождественного Брахману.

Истинное бытие Брахмана проявляется через чистый Свет, идентичный Атману, который является свидетельством обретения человеком высшего знания. Познание Абсолюта несет с собой качественное изменение способа существования человека. Поскольку истинное бытие отождествляется с сакральным, божества всегда излучают свет и появляются в виде световых эпифаний (от греческого «богоявление»). Зримым признаком пробужденного состояния человека также является сияние ее тела. М. Элиаде подчеркивает, что осознание тождества внутреннего света (Атмана) абсолютному свету (Брахману) сопровождается двумя феноменами: нагреванием тела и ощущением мистических звуков [5].

Буддизм махаяны также учит, что боги, люди и будды одинаково сияют, когда они находятся в состоянии самадхи, что называется «вспышкой огня». Самого Будду изображают в виде «огненного столба», с телом, излучающим языки пламени. М. Элиаде подчеркивает, что в махаяне знак равенства ставится между такими понятиями как Огонь, Свет, Дух. Будда Татхагата отождествляется с космическими элементами и рассматривается как светоносное существо (имя «Татхагата» означает «суть пять огней»). Космическое творение является божественной игрой, майей, миражом, иллюзией, которую магическим способом создает божество. Пребывание в состоянии самадхи дает человеку возможность пережить слияние с высшей реальностью и стать участником божественной игры.

Итак, в индуизме и буддизме опыт мистического Света означает встречу с высшей реальностью Брахмана и Космического Тела Будды. Индийская метафизика света предусматривает следующие моменты: 1) проявление божества происходит посредством света; 2) «освобожденные» или Будды сами начинают излучать свет; 3) космогония может быть уподоблена светоизлучению; 4) процесс смерти состоит тоже из серии опытов света [5].

М. Элиаде подчеркивает, что в Китае опыт Света также является признаком выхода человека за пределы профанического существования. И в то же время есть определенные отличия между мистическим опытом Индии и Китая. Если индийские религии стремятся к освобождению от материального бытия как источника страдания, то идеалом даосизма является прославление жизни и блаженство существования, которое вписывается в космические ритмы. Особенностью китайского мистицизма является то, что он не предполагает ни помощь, ни даже само присутствие божества. Считается, что Свет от природы размещается внутри человека, в его микрокосме. Акцент делается на практику, а не на метафизическое знание и созерцание. Однако и сама практика воспринимается как мистический процесс, потому что она не просто какая-то техника, а настоящая тайна восстановления «изначальной спонтанности, утерянной в результате долгого развития цивилизации» [5].

Среди самых известных даосских техник, сопровождающихся опытом мистического Света является медитация Золотого Цветка. Трактат «Тайна Золотого Цветка» рассказывает о технике созерцания внутреннего света. Во время медитации веки опускаются – и глаза уже не смотрят вовне, они ощущают внутреннее пространство. Даосский йог поглощает космические энергии, медитирует над ними, благодаря чему космическая энергия, являясь одновременно и сущностью жизни, и источником бессмертия, рождает в теле человека тепло и свет. Постепенно в организме адепта формируется эмбрион нового бессмертного человека [5].

Мы видим, что основной особенностью космических религий является идея тождества Абсолюта и материального бытия. Однако существуют явные различия в интерпретации самого Абсолюта.

К «религиям откровения» М. Элиаде относит монотеистические религии иудаизма, христианства и ислама, для которых характерно качественно новое восприятие Абсолюта. Отныне Сакральное имеет не космическое, а историческое измерение. Оно отрицает природный циклизм материального бытия, дает существованию исторические начало и конец, что свидетельствует о сверхъестественном характере Абсолюта. Эта особенность «религий откровения» повлияла на становление новой интерпретации опыта мистического Света.

По мнению М. Элиаде, оригинальность Ветхого Завета состоит в том, что Яхве радикально преодолевает космическую сакральность. Свет уже не отождествляется с Богом – его считают творением Яхве. Именно поэтому, в иудаизме свет почитается священным не потому, что он по сущности соответствует Духу и духовной жизни. Он считается священным потому, что является творением Бога. Теперь его сравнивают со светом Солнца, потому что Солнце было создано лишь на четвертый день.

Исследователь подчеркивает, что основы христианского таинства Преображения были заложены еще иудаизмом. М. Элиаде выделяет следующие аспекты в мистическом учении иудаизма: 1) идея света включена в понятие божественной «славы» («ореола», «сияния»); 2) Адам был создан как светозарное существо, но грех лишил его Славы (Ореола) 3) когда-нибудь Слава (Ореол) снова появится вместе с Мессией, который будет сиять как Солнце, так как Мессия есть Свет и несет Свет; 4) у праведников в будущем мире будут светозарные лица, потому что Свет – это характерный признак будущего обновленного мира; 5) когда Моисей спустился с горы Синай, его лицо было таким светозарным, что Аарон и все народ испугался его.

М. Элиаде проводит сравнение метафизики света иудаизма и восточных религий, и делает вывод, что со светозарным Адамом можно сравнить светоносного Первочеловека в ирано-тибетских мифах. Мотив сияния тела характерен для всех космических религий [5].

Таинство Преображения было положено в основу образца духовного совершенствования для всех, кто подражает Христу, и стало определяющим для христианского мистицизма. Григорий Палама создал мистическое богословие на основе учения о «фаворском свете», явленного ученикам Христа на горе Фавор. Он доказал, что Священное Писание называет Бога Светом. Так Свет становится зримым признаком Божества, энергией, через которую Бог проявляется и открывается тому, кто очистил свое сердце.

Палама, опираясь на учение Отцов Церкви, утверждал, что Свет этот существует вне пространства и времени, то есть по сути своей является «нетварным светом». Поэтому на горе Фавор с самим Иисусом не произошло никаких изменений – превращение произошло в апостолах: это они силой божественной благодати получили способность видеть Иисуса таким, каким он на самом деле

был. Такой же способностью обладал сам Адам до грехопадения, и эта способность вернется к человеку в его эсхатологическом будущем.

Палама также развивает учение египетских монахов, утверждая, что видение нетварного света сопровождается объективным свечением святого. Считается, что христианин становится «просветленным» («озаренным») вследствие таинства крещения, а монах «сияет светом благодати». Это сияние особенно проявляется во время молитвы. В аскетической литературе того времени каждый совершенный человек сравнивался с «огненным столбом». Утверждалось, что святой достоин того, чтобы с помощью божественной благодати преобразиться подобно Христу уже в этой жизни [5].

Итак, процесс мистического просветления в христианстве отмечен двумя характерными чертами. Во-первых, он осуществляется благодаря Духу Святому и благодати. Во-вторых, сопровождается восстановлением способности человека видеть Бога в Его нетварном Свете.

Не менее выразительными, по мнению М. Элиаде, являются светозарные видения и у мусульманских мистиков, которые сопровождают различные стадии зикра. Это, прежде всего, семь «разноцветных огней», которые последовательно видит внутреннее око мистика на стадии сердечного зикра. Все виды зикра могут сопровождаться объективным сиянием тела адепта [5].

Исследователь отмечает еще одно отличие между мистицизмом «космических религий» и «религий откровения». Первый тип, прежде всего, ориентирован на процесс созерцания, так как полагает, что источник совершенства присущий природе самого человека. Индийская йога не является техникой экстаза, напротив, она стремится к полной концентрации с целью достижения способности человека погружаться в созерцание. Ее идеалом является состояние дживан-мукти («освобожденный в течение жизни»), обладающего сознанием свидетеля. Дживан-мукти достигает нового рождения во время инициации, приобретает «новое тело», чтобы победить смерть.

В отличие от космического мистицизма, мистицизм христианский и исламский является, прежде всего, мистикой экстатической любви к Богу. Он направлен на развитие личностного сознания. Для христианина это «мистика подражания Христу». Если для йогина инициационное рождение считается тождественным бессмертию и абсолютной свободе, то для мистика-христианина бессмертие приобретается только путем уподобления Божественной Личности. Причиной этого различия между двумя типами мистицизма М. Элиаде считает различное понимание самого состояния «освобождения» [4].

Исследователь определяет четыре направления мистики, которые были распространены на Западе, тесно переплетаясь между собой: апофатическая мистика, мистика любви, созерцательная мистика и евхаристическая мистика. Последнее направление является женским западноевропейским мистицизмом. В его рамках родилась новаторская идея, направленная против герменевтической традиции дуалистического противопоставления плоти и духа. Для женщин-мистиков таинство евхаристии, во время которого Христос превращается в хлеб, является прообразом их личного преображения: отказываясь от пищи, они сами становятся пищей.

В то же время, М. Элиаде делает вывод, что при всех различиях, нельзя противопоставлять мистицизм любви и мистицизм пустоты. Последний возникает только как ночь на пути мистика. Исследователь, прежде всего, видит общую основу любого мистицизма, которой, по его мнению, является апофатическое учение о непознаваемости Абсолюта. Он также утверждает, что православный исихазм Григория Паламы, а также мусульманский суфизм очень близок к восточной йогической практики, так как развивается в сторону созерцательных, дыхательных и медитативных упражнений [6, с. 313-315].

Хотя М. Элиаде не уделил вопросу типологии мистических учений отдельной работы, но обобщая его идеи, изложенные в разных работах, можно прийти к следующим выводам:

1. Мистический опыт религиозных традиций мира имеет общее начало, что связано с единым источником истинной религиозной жизни человечества. Именно поэтому можно говорить не о типах мистического опыта как независимых друг от друга формах постижения Абсолюта, а только о типах его различных интерпретаций.

2. Выделены два основные религиозные типа, в которых сформировались различные интерпретации мистического опыта. Разногласия между «космическими религиями» и «религиями откровения» связываются с вопросом о соотношении между Абсолютом и материальным бытием. Если первый тип отождествляет Сакральное и бытие, то второй отрицает их сущностную тождественность. Первый тип мистицизма ориентирован на созерцание Абсолюта, а второй на экстатическую любовь к Нему. Если первый развивает сознание свидетеля, то второй – личностное сознание.

3. В пределах каждого из двух основных типов сформировалось большое разнообразие интерпретаций мистического опыта. Например, между индийским и китайским, иудаистским и христианским мистицизмом.

4. Существуют общие моменты в опыте мистического просветления. Прежде всего, Свет этот является знанием трансцендентного порядка. Оно связано с инициацией или посвящением, что в философском смысле означает онтологическую смену экзистенциального состояния человека [7, с. 12]. Помимо этого исследователь выделил общие особенности самого процесса мистического озарения. Во-первых, оно является результатом длительной подготовки, но наступает всегда внезапно, как «вспышка молнии». Во-вторых, это внутренний свет, который ощущается во всем теле, но, более всего, в голове. В-третьих, первый опыт озарения сопровождается подъемом энергии вверх, и сопровождается открытием дара ясновидения. Наконец, можно видеть сияние тела мистика [5].

Список литературы

1. Забияко, А. П. Сакральное как категория феноменологии религии М. Элиаде / А. П. Забияко // Религиоведение. – 2002. – № 3. – С. 109–113.
2. Красников, А. Н. Методология классического религиоведения / А. Н. Красников. – Благовещенск: Биб-ка журнала «Религиоведение», 2004. – 148 с.
3. Элиаде, М. История веры и религиозных идей. В 2 т. Т. 1: От каменного века до элевсинских мистерий / М. Элиаде. – М., 2002. – URL: https://royallib.com/book/eliade_mircha/istoriya_veri_i_religioznih_idey_tom_1_ot_kamennogo_veka_do_elevsinskih_misteriy.html (дата обращения 27.11.2019).
4. Элиаде, М. Йога: свобода и бессмертие / М. Элиаде. – К., 2000. – URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/eliad01/index.htm> (дата обращения 28.11.2019).
5. Элиаде, М. Опыты мистического света / М. Элиаде. – URL: http://e-puzzle.ru/page.php?al=eliade_mirchaopyty_mis (дата обращения 26.11.2019).
6. Элиаде, М. Словарь религий, обрядов и верований / М. Элиаде, И. Кулиано; ред. и пер. Т. Громовой, Е. Мурашкинцевой, Г. С. Винер. – М.: «Рудомино», СПб.: Университетская книга, 1997. – 414 с.
7. Элиаде, М. Тайные общества: обряды инициации и посвящения / М. Элиаде; ред. и пер. Т. Громовой. – Киев: «София»; М.: ИД «Гелиос», 2002. – 352 с.

Статья поступила в редакцию 29.11.2019

Zhirtueva N. S. Typology of Mystical Teachings in the Studies of Mircea Eliade

This research paper discusses the typology of mystical teachings developed by M. Eliade. The researcher stated that a common beginning connected with the unified source of the true religious life of mankind underlay the mystical experience of various religious traditions. M. Eliade did not emphasize the types of mystical experience as independent forms of comprehension of the Absolute, but he laid particular stress on the types of its various interpretations. He identified two main religious types that formed different interpretations of the mystical experience. The disagreement between the “cosmic religions” and the “religions of revelation” was connected with solving the important issue of correlation between the Absolute and material being. The first type identifies the Sacred and being, while the second type denies their essential identity. The first type of mysticism is focused on the contemplation of the Absolute, while the second type puts the emphasis on ecstatic love for Him. The essence of mystical enlightening is expressed in the experience of the mystical Light.

Keywords: mysticism, enlightening, the experience of mystic Light, epiphany, initiation.

УДК 94(37):241

В статье рассматривается проблема религиозного сплочения в условиях враждебного социального окружения. Акцент делается на противопоставлении моральных ценностей, принятых за основу единения христианскими общинами, и общественными нравами, утвердившимися на данный период в Римской империи. Анализируются способы, позволявшие общинам, сохранить духовное единство, сформировать новый образ жизни, преодолеть социальные различия.

Ключевые слова: социальная демаркация, удаление от мира, моральная взаимопомощь, духовное единство.

А. В. Миронов, доцент, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: andreymironov@gmail.com

РЕЛИГИОЗНОЕ ЕДИНСТВО ЧЕРЕЗ УДАЛЕНИЕ ОТ СОЦИАЛЬНОГО МИРА (АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ ХРИСТИАНСКИХ ОБЩИН В I–III ВВ.)

В современных условиях проблема общественной коммуникации приобретает особое значение. Конфликты, связанные с осуществлением принципов социальной справедливости, материальное расслоение, столкновение правящих элит в борьбе за сферы влияния формируют чувство недоверия между социумом и властью. Данное обстоятельство мотивирует гражданина к пассивному участию в общественно значимой деятельности. Исследование мотивации, вовлеченности, форм сотрудничества между различными группами населения и социальными институтами обосновано поиском оснований взаимной заинтересованности в развитии государства и гражданского общества. Анализ исторического опыта достижения единства, преодоления социальных и материальных барьеров, существования во враждебной и чуждой среде позволяет определить значимые составляющие, способствующие объединению граждан. Выделение религиозной специфики в коммуникативных процессах и сравнение ее с социальной атрибутикой выстраивания общественных отношений помогает очертить наиболее проблемные сферы установления эффективных контактов в общественном пространстве.

Задачей исследования является: 1) установить особенности социальной демаркации в Римской империи; 2) проанализировать специфику устройства христианских общин и ее влияние на формирование моральных стандартов поведения; 3) акцентировать внимание на формах взаимодействия раннего христианства с официальными структурами Римской империи; 4) обосновать трансформацию удаления от социального мира стремлением к единству на основе иных духовных приоритетов. В статье используется метод историко-сравнительного анализа.

Римская империя в I веке н. э. столкнулась с проявлениями системного кризиса. За внешним благополучием коренились глубокие внутренние противоречия, охватывающие экономику, политику, общественные отношения, моральную сферу. Времена патриотического подъема остались в прошлом. «Единство народа», как лозунг гражданского мира, выродился в пустую, бессодержательную фразу. Имущественное неравенство, социальные различия, вопросы происхождения, занимаемая должность служили невидимой преградой в установлении личностных контактов. Отчуждение и подозрительность характеризовали атмосферу неформального общения. Ситуация в отношениях между гражданами и лицами, проживающими на территории Римской империи, но не имеющими гражданского статуса, препятствовала возможностям формирования общих ценностных ориентиров. Первые имели право владеть землей, участвовать в управлении, с оружием в руках защищать Отечество, вторые ограничены в возможностях служить сообществу, что формировало ощущение неполноценности. Социальный статус служил критерием оценки индивида, основанием общественного признания, определял соблюдение приличий. Правовое равенство между жокеями, гладиаторами, комедиантами, блудницами и другими гражданами оставалось номинальным, профессия накладывала неписанные ограничения в выборе друзей, партнеров, способах позиционирования. Таким образом, дискриминация по роду занятий латентно разделяла на благородных и неблагородных. Рабы существовали вне социального бытия, носили знак позора, неприкосновенности, клеймение превращало их в отверженных. Государство лишало раба своей

защиты, помощи и сочувствия: «Великие боги! Что за жалкий люд окружал меня! Кожа у всех была испещрена синими подтеками, исполосованные спины были скорее оттенены, чем прикрыты драными лохмотьями, у некоторых короткая одежка до паха не доходила, рубашки у всех дырявые, везде сквозит тело, лбы клейменные, полголовы обрито, на ногах кольца, лица землистые, глаза выведены дымом и горячим паром, все подслеповаты, к тому же, на всех мучная пыль, как грязный пепел...» [3, с. 169]. Пессимизм и разочарование определяли мировоззрение данных социальных групп. Эксплуатация провинций разделяла и по национальному признаку. Обычаи, языковые различия препятствовали установлению коммуникации между выходцами из метрополии и жителями присоединенных территорий, не обладающими гражданским статусом. Данное обстоятельство способствовало установлению демаркационных границ в обществе, замыкая национальные группы в этническом и языковом анклаве, не позволяя чувствовать себя частью единого целого. Специфика национальной ментальности, если учесть, какое количество народностей Рим пытался ассимилировать, вносила разночтение в истолкование одних и тех же обстоятельств, эмоциональных порывов и переживаний. И в то же время этнические различия, если вопрос касался дискриминируемых групп, отступали перед общей участью. Свободные крестьяне и ремесленники работали рядом с рабами, тем самым, нейтрализуя правовую пропасть общностью материального положения, которое уравнивало их и в восприятии мира.

В этот период Рим переживал моральную катастрофу. Прежние ценности, которые помогли государству достичь вершин могущества, остались в прошлом и существовали в форме исторических преданий, утративших общезначимость для большинства населения. Общественная атмосфера определялась культом наслаждения, который объединял как патрициев, так и плебс. Природа данного феномена раскрывается в формах крайнего индивидуализма. Эгоистическое начало подчиняет потребности человека единственной цели – поиску удовольствий. В такой ситуации солидарность, даже обычная взаимопомощь, становились крайне редко встречаемыми явлениями. Большинство граждан обратились к реализации собственных интересов (в самых различных ракурсах), воспринимая других как средство развлечения и удовлетворения желаний. «Традиционная мораль не могла быть связана ни с узкой социальной группой, ни с такой многообразной империей, как Римская, и потому культ наслаждений являлся следствием отсутствия морали, так и не сумевшей приспособиться к политике завоеваний» [8, с. 38]. Наслаждение – один из способов избежать одиночества, но попытка заменить физиологическими наслаждениями эмоциональный вакуум обречена, в силу недолговечности, быстроты и пресыщенности.

Замкнутые группы существовали через общинные связи, родственные коммуникации, рабы объединялись по национальному и религиозному признаку. Уход от трудностей или их минимизация возможны через взаимопомощь и обоюдную поддержку. Это становится условием выживания в чуждой среде. Взаимовыручка, мелкие услуги, рекомендации носят прагматический характер и в то же время создают устойчивую структуру по принципу «свои против чужих». В некоторых случаях национальные различия нейтрализуются общими целями. Отверженных, бедных, бесправных соединяет гнет, жестокость, притеснения. Разорванность с другими воспитывает настороженность и подозрительность, но включает вероятность обретения бескорыстного внимания и заботы в кругу тех, с кем установились искренние отношения. В Риме самым почитаемым культом было поклонение императорам, как высшим существам, приравненным к божествам. Можно предположить, насколько чуждым это поклонение было для основной массы населения захваченных провинций, сколь мало точек соприкосновения между официальной религией и отверженными, существующими в ином социальном пространстве, сколь мало ожидалось от поклонения чужим божествам. Для многих они ассоциировались с враждебным, агрессивным началом, так как главной его функцией была защита империи. Восточные культы (культ Митры, культ Ваала, культ Астарты), греческие (культ Диониса) и др. предполагали сложные церемонии, мистическое созерцание, что не соответствовало материальным возможностям рабов и бедного населения.

Атмосфера подозрительности, существовавшая в государстве, не способствовала открытости и дружественности. Зависть, корысть, стяжательство, конкуренция, честолюбивое соперничество, самоутверждение – основные мотивации, которыми руководствовались римские граждане в общественной сфере. Угроза доносов витала над римскими гражданами. Чем выше было место в социальной иерархии, тем вероятнее опасность для жизни и собственности. В силу этих обстоятельств, граждане сознательно ограничивают свои коммуникационные связи. Не получая

прежнего удовлетворения от общественной деятельности, они стараются избегать необязательных контактов. Обособленность от других – вынужденная мера, связанная с отсутствием общей платформы для общепризнанных ценностей. Она оставляет гражданина наедине с собой, стимулирует поиск замещения внешнего признания внутренним чувством покоя. «Античный мир старел и слабел, его энергия иссякла: уменьшение численности населения, ослабление военного духа и гражданской доблести, порча нравов – вот те беды, появление которых можно констатировать с конца периода Республики. Этот кризис непрерывно обостряется, тогда как массы варваров пытались прорваться через границы к Дунаю и Рейну» [4, с. 193.]

Дискриминация касалась не только жизни, но и смерти. У финальной черты рабу или варвару (все те, кто не обладал римским гражданством) предстояло испытать собственное бесправие и ничтожность. К распятию приговаривались только они, как не заслуживающие снисхождения. Переход в инобытие продолжал социальную традицию общества, представленную в земном мире и перенесенную на мир иной. Раб не мог надеяться на равноправие и после смерти, его тело будет упокоено на отдельном кладбище, дабы он не смог оскорбить своим соседством полноценного гражданина. Все ветви власти (законодательная, исполнительная, судебная) стремились отделить официальный статус гражданина от человеческой сущности индивида, в результате чего разрушались моральные взаимосвязи между людьми. Демаркационная линия «свои - чужие» снимала вопрос о сочувствии, сострадании, терпимости, взаимопомощи как общечеловеческих ценностях. Она разделяла социум и не имела перспектив к внутренней консолидации.

«...они (христиане – А. М.) в установленный день собирались до рассвета, воспевали, чередуясь, Христа как Бога и клятвенно обязывались не преступления совершать, а воздерживаться от воровства, грабежа, прелюбодеяния, нарушения слова, отказа выдавать доверенное дело, по-моему, заслуживает обсуждения, особенно вследствие находящихся в опасности множества людей всякого возраста, всякого звания и обоих полов, которых зовут и будут звать на погибель» [6, с. 205]. В письмах к императору Трояну легат из Вифинии Плиний младший высказывает опасения размахом нового религиозного движения, делая акцент на представителях различных социальных групп в составе христианских общин. Ко II – III вв. н. э. они распространились на территории огромной империи, находя адептов, готовых пострадать за свою веру. Новое мировоззрение открывалось тому, кто почувствовал себя частью единого целого. Социальный мир, внушающий страх, давящий на индивида, выступающий как единственно значимая реальность, утрачивает свое абсолютное воздействие. Для новообращенного адепта новой веры существует параллельная реальность, в которой человек реализует другие потребности: он стремится к Богу, руководствуется иными ценностными установками, устанавливает отношения с теми, кто разделяет его убеждения. Социальное одиночество отступает, оно замещается искренностью и открытостью в значимой для всех членов сообщества коммуникации, основанной на общих принципах восприятия действительности.

Вступление в общину не обещало наград, повышений по службе, материального успеха. Религиозное объединение предоставляло опору в стремлении к Высшему, следовательно, характер контактов менялся, в них доминировали духовные приоритеты. Нравственное начало, соответствующее евангелическим заповедям, принимается как более важное, чем оставшиеся в миру почести и звания. Внешние границы, выставляемые государством, преодолевались внутренним чувством единства, в котором социальные условности не играли существенной роли на пути в царство Божие. Новообращенный христианин был уверен, что национальные, языковые, территориальные пределы не способны помешать найти братьев по вере. Они поймут его, окажут необходимую помощь, где бы он ни находился и где есть его единомышленники. Никакие искусственные условности не способны разрушить этот союз. Верующий отвечает за свои поступки перед Богом и перед самим собой. Подобный контроль сильнее правовых положений, так как затрагивает сферу личностной истины.

Любая система, подвергающаяся давлению со стороны государства, вынуждена разрабатывать свою знаковую и символическую составляющую, способную помочь в поиске «своих». Пароли, рекомендательные письма, специальные предметы (трессеры) позволяли безошибочно выделять единомышленников, кто ни внешним видом, ни занятиями не отличался от общей массы. Эта знаковая система позволяла войти в соприкосновение с единоверцами в случае крайней нужды. Но еще более значимым фактором, скрепляющим общину, служила достойная повседневная жизнь.

Верующий должен был помнить, что являет собой пример для язычников. За житейские злоупотребления его могут осудить исходя из правовой нормы, но своими недостойными действиями он бросает тень на общину, к которой принадлежит. Таким образом, нравственное поведение становилось не менее важным знаковым положением, чем все остальные. Безукоризненная порядочность и честность членов христианских общин воспринимались окружающими как скрытый укор, что раздражало окружающих. Нежелание следовать всеобщей распущенности, уподобляться принятым эталонам поведения порождало тезис, представленный в массовом сознании фразой: «они не как все», что приводило к недоброжелательности, конфликтам, доносам. Правовое притеснение христианских общин мотивировало ее членов к укреплению личностных контактов с теми, кого считали «своими», что и формировало чувство духовной общности.

Пребывая во враждебном окружении, христиане испытывали потребность чаще встречаться, проводить вместе свободное время, «заряжать» друг друга энергией, направленной к укреплению в Вере. Община – особая форма существования единоверцев. «Хозяева и рабы, богатые и бедные, патриции и философы сливались в единую общность, более тесную, чем общность крови и культуры. Все сходились в общем и личном выборе, позволявшем именоваться «братья и сестры» [2, с. 60]. Осознание равенства перед Богом экстраполируется на отношения среди его почитателей, в которых искусственные различия мира земного несущественны. Людей судили по Вере, а не по социальному происхождению и материальному достатку. Богатые и бедные в общине дополняли друг друга, первые осуществляли вклады и пожертвования на благо вдов, сирот, нуждающихся, вторые учились смирению, боролись с проявлениями зависти и нетерпимости. Все, чем пользовались члены общины, объявлялось общим, и должно было служить цели объединения и единства. Совместное пользование имуществом снимало барьеры, признанные в социальном мире за основополагающий критерий оценки человека. Переход от деклараций к практике коллективной жизни трансформирует сознание членов общины, придавая ему уникальность и неповторимость, в силу новой содержательной наполненности. Индивид выступает не сам по себе, а вместе со «своими», братьями по вере. Он может добиться улучшения своей нравственной природы, изменить свою сущность, что являлось условием спасения и надеждой на Царство Небесное.

Раннехристианские общины существовали в атмосфере подлинного демократизма. Право первенства отдавалось тем, кто заслужил всеобщее уважение своей праведной жизнью, то есть личными качествами. Любой мог последовать его примеру. Члены общины обладали правом высказывать свою точку зрения, порицать диаконов, сбившихся с пути, обсуждать решения епископов. Подобная ситуация была невозможна в официальной системе, функционирующей исходя из принятой вертикали власти. Осуждение ее действий или сомнение в правомочности решений ставило под вопрос абсолютность императорской власти, ее харизматичность. Отступление от принятых правил социальной жизни переводило гражданина в статус «мятежника», подозрительного лица. Изначальное согласие с государством служило условием социального преуспевания. Община направляет свой вектор деятельности не на достижение материальных благ, а в практическую плоскость - помощи нуждающимся. Своей обязанностью она считала посещение больных, заботу о неспособных трудиться, уход за престарелыми, улаживание конфликтов в семьях членов общины. Епископ должен был быть выше соперничества и борьбы группировок, останавливать неразумных, наказывать нечестивых. Субъективные пристрастия и симпатии вредили целостности общины, лишали ее привлекательности в глазах окружающих и поэтому искоренялись как реальная опасность для всех. Практиковались совместные трапезы (агаппэ), которые наглядно демонстрировали принцип равенства: неважно, кто и сколько внес в общинную казну, это не дает право диктовать свои требования всем остальным. Собрания производились в домах братьев по очереди, чтобы не инициировать пробуждение и развитие чувства зависти и мнимого превосходства. Община считала своим долгом предоставлять жилье странствующим проповедникам. Комфорт и удобства считались вторичным фактором, выбор мог пасть на дом самого бедного из братьев. «Многие же будут первые последними, и последние первыми» [1, Мф 19, 30]. Этими заветами старались руководствоваться первые христиане.

Выборность епископов, диаконов в I – II вв. н.э. сыграла существенную роль не только в становлении института церкви, но и в притягательности среди угнетаемых (особенно не граждан). Не имеющие права участвовать в гражданской жизни, лишённые возможности волеизъявления, они имели шанс реализовать себя в общине единоверцев. Там правовые ограничения утрачивали свое

воздействие. Уважение, заслуженное почитание – следствие личностных качеств (мученики, праведники, отказавшиеся от брака, постники). Нравственная компонента превалировала над общественным мнением. Вера, погруженность в нее, борьба с искушениями и соблазнами позволяют руководить другими независимо от социального статуса. Епископы Пий и Каликст – бывшие рабы. Консул Климент и его жена Домицилла, сестра императора Домициана, проконсул Кипра Сергей Павла, Марция, фаворитка императора Комода и другие люди, столь различного социального происхождения оказывались вместе. И теперь хозяева могли получать благословение от своих рабов. Мир общепринятый переворачивался, удивляя непосвященных, но для принявшего истину христианства – равенство перед богом важнее общественных различий. «Христиане – и это проходит через всю раннехристианскую литературу, призывали к себе нищих, сирот, вдов, калек, грешников, блудниц, то есть всех, кто оказался вне существующих общественных связей, всех, кто, согласно античным представлениям, занимал приниженное положение» [9, с. 87]. Если социальная сфера осуждает и не принимает, то христианская община открыта, при условии духовного перерождения, изменения образа жизни. Христианство избавляет человека от внутренней изоляции.

Чем сильнее давление, тем сплоченнее группа. Конфликт извне требует снятия минимального разногласия между членами группы, внешняя опасность мобилизует, готовится личность к самым худшим последствиям. Внешняя враждебность стимулирует единство группы, в такой ситуации проявляется подлинная Вера, которую не способны запугать репрессии. Для индивида открывается момент истины: в какой мере сообщество сестер и братьев выше страха смерти, способны ли они пожертвовать жизнью за свои принципы. Мученичество – не пример для подражания (хотя подобное явление приобретает массовый характер и могло воздействовать на экзальтированных личностей). В Лионе, Карфагене, Александрии членам христианской общины было запрещено заявлять на самих себя властям. Братья должны проявлять солидарность с теми, кто прибывает в узилище, подвергается гонениям. Слабые и малодушные отрекались от убеждений, за которые могли пострадать, но при этом теряли большее: ощущение солидарности, надежду на вечное, помощь и поддержку единоверцев. Для общественной структуры они враги, потому что «чужие»: «Репрессии обрушивались не только на христиан, но и на приверженцев любого культа и любого учения, которые возбуждали подозрения в подрыве безопасности государства и порядка» [5, с. 172]. Предания, легенды о мучениках становились демонстрацией силы духа, которыми проникались поступающие в общину, для них они служили незримой связью со всем христианским миром.

Перед человеком вставал выбор: община или семья в тех случаях, если родные и близкие не желали разделить религиозные взгляды мужа или жены. И в большинстве случаев он или она предпочитали первое. Религиозная общность возвышалась над личными пристрастиями (любовь, телесная близость, общее имущество, кровные узы). С членами общины христианин делил радость и печаль, находил понимание и сочувствие. Новые взгляды требовали отказа от привычного образа жизни, что далеко не всегда одобрялось домашними. По Апостольской традиции (*traditio apostolic*) запрещалось занимать муниципальные должности, служить в армии, зарабатывать ростовщичеством. Чаша весов колебалась между установившимся бытом и постоянной опасностью. Жажда единства, духовной близости была сильнее социальных ограничений. Уместно отметить, что и в семье человек может чувствовать себя одиноким и не понятым в своих самых сокровенных чаяниях. «Соединяясь узами одной и той же веры, одной и той же нравственности, мы составляем как бы одно тело» [7, с. 204]. В словах Тертуллиана выражена идея нераздельности, органической слитности ранних христиан.

По мере усложнения церковной иерархии уходил дух первоначального объединения, опирающийся на эмоциональный порыв, жажду союза во враждебном мире. Формализация отношений внутри религиозного сообщества превращала его во внешнюю обязанность, диктуемую официальной структурой. Нравственное начало продолжало иметь свое приоритетное значение и в то же время вынуждено идти на компромиссы с властью. Сложность существования в социальном пространстве определяет потребность в сопричастности. Личностное одиночество, возникающее в обществе, диктует необходимость взаимодействия «я - мы» на условиях общих принципов открытости, искренности, согласия. Неслучайным является широкий интерес в обществе к многочисленным сектам в XX-XXI вв., как ответ на социальное отчуждение, порожаемое проблемами межличностных отношений, социальной несправедливостью, отсутствием общезначимых интересов.

Список литературы

1. Библия.
2. Амон, А.-Г. Повседневная жизнь первых христиан / А. Г. Амон. – М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2003. – 319 с.
3. Апулей. Метаморфозы / Апулей. – М.: Художественная литература, 1973. – 497 с.
4. Буассье, Г. Картины римской жизни времен Цезарем / Г. Буассье. – М.: изд-во Павленкова, 1915. – 501 с.
5. Донини, А. У истоков христианства / А. Донини. – М.: Изд-во политической литературы, 1989. – 365 с.
6. Плиний младший. Письма / Плиний младший. – М.: Наука, 1983. – 405 с.
7. Ранович, А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства / А. Б. Ранович. – М.: Изд-во политической литературы, 1989. – 401 с.
8. Робер, Ж.-Н. Повседневная жизнь древнего Рима через призму наслаждений / Ж.-Н. Робер. – М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2006. – 242 с.
9. Свенцицкая, И. С. Раннее христианство: страницы истории / И. С. Свенцицкая. – М.: Изд-во политической литературы, 1988. – 335 с.

Статья поступила в редакцию: 2.11.2019

Mironov, A.V. *Religious Unity Through Separation from Social World (Analysis of the Formation of Christian Communities in the 1st-3d Centuries)*

The article deals with the problem of religious unity in a hostile social environment. The emphasis is on the contrast of moral values accepted as the basis of unity by Christian communities and social mores established at that time in the Roman Empire. The author analyzes the ways that allowed communities to maintain spiritual unity, form a new way of life, and overcome social differences.

Keywords: social demarcation, separation from the world, moral mutual assistance, spiritual unity

УДК 008:141.7

В статье рассматриваются историософские аспекты, связанные с пониманием сущности истории в различных культурах. Проводится исследование взаимосвязи философско-исторических воззрений с иными социальными и религиозными институтами. Кроме того, анализируются вопросы, связанные с проблемой соотношения понимания истории и иными областями человеческого знания. Исследуется значение феномена христианства в рамках историософских концепций. В качестве методологической базы использован исторический и структурно-функциональный анализ, а также герменевтический метод.

Ключевые слова: история, историософия, христианство, апокалиптика, эсхатология, античность, индуизм, парадигмы

Р. В. Ткаченко, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: tkachenko.rv5150@mail.ru

АНАЛИЗ ИСТОРИОСОФСКИХ АСПЕКТОВ В РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЯХ КУЛЬТУРЫ

Рассмотрение проблемы будущего в социально-философском контексте, неизбежно порождает футуристические картины, в которых явно доминируют технократические мотивы. Благодаря стереотипам, в массе своей царствующим в мире фантастики, а также благодаря работам многих известных футурологов, связывавших развитие цивилизации, прежде всего с развитием технологий (Э. Тоффлер, М. МакЛюэн и др.) массовое сознание связывает будущее, прежде всего с идеей технического прогресса. Многочисленные концепции постиндустриальных и информационных обществ, иллюстрируя неудержимый рост технологических инноваций, приводят статистические выкладки, свидетельствующие о возрастании роли информационных технологий и скорости обмена информации в социуме. Характерно, что данные факты интерпретируются в качестве новых аксиологических ориентиров, потеснивших старые идеалы.

Новые технологии создают новые горизонты бытия и порождают принципиально иные ценностные ориентиры. Проблема духовного бытия в установлениях технократического общества воспринимается как явно неуместная и неактуальная, так как практически всё в данной среде подчинено требованиям ситуации и ежедневной прагматики. Технократия для собственной легитимации уже не нуждается в глобальной метанарративной базе. Технология и информация, порождая техносферу, сама превращается в высший и конечный смысл человеческого бытия.

С подобной точки зрения будущее представляет из себя вместилище прагматически оправданных рациональных конструктов, а также социальных явлений и субкультур, порождённых данными образованиями. Следовательно, образ будущего выступает здесь в качестве продукта технократической и прагматической цивилизации. Духовная культура в подобном «Вавилоне» играет декоративную роль и служит, прежде всего, для заполнения вакуума между постоянно функционирующими механизмами, то есть представляет из себя не доминанту бытия, а всего лишь вспомогательное средство. Так, Освальд Шпенглер, анализируя проблему упадка культуры указывал: «Мировой город – это означает космополитизм вместо «отечества», холодный практический ум вместо благоговения к преданию и укладу, научная иррелигиозность в качестве окаменелых остатков прежней религии сердца» [11, с. 48].

Подмена (или говоря языком Хайдеггера «Ge – stell» (подменение) духовного начала началом прагматическим подвергает негативным метаморфозам восприятие человеческой истории и её духовного компонента. Существование индивидуума в подобной среде можно сравнить с существованием некоего одномерного создания, живущего на прямой, где одна точка является производством, а другая – потреблением. Данное положение вещей лишает человека духовных основ бытия и заставляет скептически относиться к религиозным аспектам, так как вера с прагматической точки зрения, ничем не оправдана. Иногда, в этой среде, вера подменяется прагматически утилитарным подходом к религии, который служит скорее конформистским инструментом, чем источником религиозного преображения. Существование Бога не отрицается, но данный псевдообраз – искусная подделка, полезная и необходимая для финансового накопительства или исторической легитимации той или иной политической системы. Истинная вера замещается здесь гедонизмом и полноценная человеческая жизнь превращается в биологическое существование,

состоящее из бесконечных метаний между материальными фетишами. «Ложными потребностями являются те, которые навязываются индивиду особыми социальными интересами в процессе его подавления: это потребности, закрепляющие тягостный труд, агрессивность, нищету и несправедливость. Утоляя их, индивид может чувствовать значительное удовлетворение, но это не то счастье, которое следует оберегать и защищать. Результат – эйфория в условиях несчастья» [7, с. 268].

Из сказанного выше можно сделать вывод, что цивилизация, базирующаяся на технократических принципах, является, прежде всего, цивилизацией секуляризации. Зачастую это явление распространяется практически на все сферы жизни. Для обоснования данного положения применяется масса социально-политических теорий утилитарного характера. Проблема мира, проблема человека, проблема истории – всё интерпретируется в данных условиях исходя из прагматики и рационализма.

Так, марксистская концепция интерпретирует сущность человека в качестве социально-экономического фактора, ограниченного условиями определённой общественно-экономической формации. И хотя рабы «развитой индустриальной цивилизации превратились в сублимированных рабов, они по-прежнему остаются рабами, ибо рабство определяется не мерой покорности и не тяжестью труда, а статусом бытия как простого инструмента и сведением человека к состоянию вещи» [7, с. 296].

Фрейдизм, сводящий многомерность человеческого бытия к процессу выхода сексуальных влечений из области подсознательного, в антропологическом смысле также является одномерными. Он не рассматривает феномен человека во всей его полноте, включающей духовное начало. Так, согласно Фрейду, основные источники культуры покоятся внутри бессознательного. Те травмы, которые человек испытывал, мощные и жестокие вытеснения первичных влечений выступают в качестве источника основных запретов, «табу», которые и являются фундирующими принципами культуры. Данные табу (например, на инцест) входят в структуру личности. Именно внутриличностное противостояние между «Я» и «Оно» ответственно за невротическое состояние индивидуума в современном мире. «Невроз является конфликтом между «Я» и «Оно», психоз же является аналогичным исходом такого нарушения во взаимоотношениях между «Я» и внешним миром» [10, с. 370]. Следовательно, по Фрейду, важнейшие принципы невротической культуры выросли из отказов и вытеснений.

Однако насколько корректно рассматривать многовекторность человеческого существования с точки зрения некой единой теории? Человеческий мир предстаёт в качестве сложного образования, который, возможно из-за доминирования материальных начал, является временно закрытым, но по мере наделения его духовным измерением внутренне раскрывается. Именно в данном процессе детерминируется смысл всех эпох и всей мировой истории. «История – это место, где открывается, что такое человек, чем он может быть, что из него получается и на что он способен» [13, с. 107]. Благодаря духовному преображению человек получает возможность приобщиться к прошлому и будущему. Именно в этом случае он становится сопричастен трансцендентному и его бытие уже не ограничивается однодневной экзистенцией.

Возникает вопрос: а не является ли своеобразной аберрацией сознания мыслить историю и проблему будущего сквозь призму христианства? Стоит заметить, что христианство в своей историчности выступает в качестве уникального явления. Историческая динамика не свойственная никакому другому сознанию, линейное течение времени, приносящее картины грядущего – всё это мы встречаем именно в христианстве.

Античное мироощущение, полное статичности, ограниченное идеальной сферой космоса, не даёт нам понятия историчности. Аполлоновская душа древнегреческой культуры, чувственная, эстетически ориентированная, не знала проблемы исторической динамики и проблемы будущего. Всё сковывалось цикличностью мира. Жизнь античного человека, ограниченная фатумом, не знала перехода к трансцендентному. Всё отмерялось лишь выпавшим на его долю жребием. Рок властвовал над духом и делал изначально бессмысленным любой выбор.

Данный подход, исключавший рассмотрение перспективы (в том числе и исторической) был свойственен для всей античной культуры в целом. Предопределение и мировое пространство – с одной стороны, случай и материальная близость и осязаемость тел – с другой были тесно связаны между собой. «Недаром сцена античного существования самая маленькая из всех: отдельный полис. Она лишена горизонтов и перспектив. Точь в точь как сцена античного театра с плоской задней стеной» [11, с. 217].

Восприятие пространства и времени без перспективной глубины нашло отражение и в сфере античной эстетики. Древнегреческая живопись, эвклидовская, оперирующая лишь фронтонными фигурами, в своей сущности является ярким примером отображения античного ощущения пространства и времени. Лишенная линейной и воздушной перспективы, она заставляет переживать лишь явления переднего плана.

Отсутствие перспективы также нашло отображение и в древнегреческой хронологии. Поэтические образы Гесиода, изложенные им в сочинении «Работы и дни», иллюстрируют, что древние греки воспринимали время в качестве циклически повторяющихся природных событий (например, восход Плеяд), в соответствии с которыми люди должны были соотносить все события своей повседневной жизни: от пахоты до поклонения богам [3, с. 22-34]. Судьбой же считалось то, что внезапно происходило с человеком, а не течение жизни как таковое.

Аналогичные утверждения о пространственно-временной ограниченности античного мироощущения мы можем встретить в работах такого видного исследователя как Алексей Фёдорович Лосев. Анализируя в «Античной философии истории» период раннего мифологического историзма, он указывал на установленные границы в восприятии пространства и времени. «Прежде всего, становится безусловно очевидным и неопровержимым фактом всякого пространственно-временного функционирования мифа то обстоятельство, что здесь перед нами замкнутый характер Вселенной и ограничение её видимым небесным сводом» [5, с. 32].

Однако, рассматривая проблему исторической перспективы с точки зрения античного мироощущения, необходимо упомянуть об одном важном аспекте. Эпоха Античности охватывала собой довольно значительный временной промежуток. В различные периоды возникали точки зрения, зачастую противоположные сложившимся ранее. Например, можно вспомнить переход от натурфилософских вопросов, доминировавших в период Ранней классики (VII- VI вв. до н. э.) к этическим и антропологическим проблемам Средней классики (V в. до н.э.). Поэтому неудивительно, что в первых веках нашей эры появляется ряд сочинений («герметический корпус»), содержание которых в корне разнится с мировоззрением ранней Античности. Например, в трактате «Асклепий» мы встречаем зачатки апокалипсического видения будущего, которое невозможно было представить в эпоху Ранней классики. Повествуя о пресыщении общества материальными благами, «Асклепий» изображает картины глобальной расплаты за гедонизм и нравственную распущенность. Подобная концепция более созвучна с раннехристианской эсхатологией, чем с античной цикличностью. «В данной картине нет ничего чисто античного. Ведь античность исповедует периодическое разрушение и восстановление космоса. В указанной же картине конца мира сквозит ожидание совсем неантичной вечности [6, с. 298].

Было бы неправильным полагать, что переход от античного понимания истории к христианской историософии характеризуется резкой сменой концепций миропонимания. Синкретические тенденции, охватившие античный мир последнее столетие перед рождением Христовым, воплотились в многочисленные гностические учения, в среде которых мы можем встретить мотивы, схожие с ветхозаветной и новозаветной апокалиптикой.

Несколько иное отношение к истории, мы можем встретить в классическом индуизме. Индуистское сознание, возможно, выступает наиболее ярким примером антиисторизма. Оно, в большей степени, связано с идеей индивидуального духовного спасения, чем с проблемами исторической динамики и социальных изменений. Человеческая история здесь поглощена огромными временными промежутками «дней и ночей Брахмы». «Индийская культура мыслила астрономическими числами в масштабах космоса, что обесценивало историческое время, превращая промежутки времени между историческими событиями в почти ненаблюдаемые» [9, с. 219]. Согласно ортодоксальным школам индийской философии, именно в глубине сугубо личного особым путем раскрывается Божественное. Однако, имманентный путь избавления от авидьи (неведения) и обретение духовного освобождения отодвигают историософскую проблематику на второй план. Историческое и метафизическое здесь противопоставляется друг другу. Эти два понятия являются взаимоисключающими. Обретение высшей мудрости – есть процесс метафизический, сопереживание же и сопричастность истории являются помехами к достижению метафизических вершин.

Справедливости ради, необходимо заметить, что некоторые индийские философы затрагивали в своих сочинениях историософскую тематику. Примером тому может служить работа Шри Ауробиндо «Идеал человеческого единства», впервые опубликованная в 1919 году [12]. Данная работа ставит своей целью найти политические и социальные механизмы, которые могли бы помочь объединению народов земного шара в единое человечество. Однако, в подходе Ауробиндо к постановке и разрешению проблемы в большей степени чувствуется влияние европейского

позитивизма и социальной философии, чем классической философской мысли Индии. Так, в качестве прообраза единой мировой державы, он рассматривает существовавшую в то время Британскую империю и, игнорируя духовный фактор, сосредотачивает внимание на проблемах конституционной монархии и глобального парламентаризма. Таким образом, идея духовного преображения человечества в истории здесь заменяется проблемой позитивного метода и политологических исследований.

Историчность, отражающая ощущение связи с будущим, наиболее ярко даётся именно в христианстве. Среда еврейского народа, в которой зародилась религия Иисуса, была средой, пронизанной духом ожидания прихода Мессии. Возможно, это ожидание обладало несколько искажённой формой, но оно в своей основе было глубоко исторично. Богопознание еврея всегда было богопознанием трансцендентного. Он не был растворен в природных стихиях подобно древнему греку.

«Семит снизу смотрел на бесконечную высоту Бога» [1, с. 71], то есть основа богопознания здесь в корне разнится с богопознанием древних индусов, познававших высшее через углубление в индивидуальное. Далёкость и непостижимость Бога, нахождение его над человеком и его жизнью и богоявление в конце пути, возможно и создают предпосылки христианской историософии.

Огромную роль в христианском понимании истории играют пророчества, знаменующее собой доминирование исторического времени над временем космическим. Так, пророки, иллюстрируя всеислие божественной воли, стали впервые говорить об исторических событиях и явлениях, превратив, таким образом, в сферу действия божественного не только космос, но и земную историю.

Христианская апокалиптика, затрагивая проблему будущего, рисует довольно мрачную перспективу существования человечества. Переход мира из плана исторического в план апокалиптический антиномичен. С одной стороны, разум относится к Апокалипсису как к завершающей фазе человеческой истории, с другой стороны, не следует относить Апокалипсис к явлениям абсолютно имманентным истории. Действительно, мы можем говорить об апокалиптических предзнаменованиях, но было бы не верно целиком относить данные проявления к посястороннему миру, так как причины этих эманаций кроются в трансцендентном.

В христианском догматическом понимании проблема эсхатологии не нашла ясного и общепринятого разрешения. Несмотря на то, что Откровение Иоанна Богослова признано канонической книгой, «оно не стало творческим источником ни для церковного догмата, ни для церковной практики христиан» [2, с. 717]. Откровение всегда казалось окружённым завесой таинственности и неоднократно становилось объектом мистических толкований. Примером этому могут послужить многочисленные апокрифические апокалипсисы (Вознесение Моисея, Откровение Петра, Откровение Ездры и др.). Возможно, причиной этого является то, что апокалиптика не фактуальна, а образна. Она наполнена видениями и картинками. Если пророк Исайя говорил то, что ему глаголил Бог, то Откровение Иоанна наполнено метафорами и символами, аллегориями и образами. Мир, в апокалиптическом понимании, воспринимается как нечто уже завершающееся, приходящее к своему концу. Но, апокалиптическое восприятие действительности, построенное на дословности и лишённое символического подтекста, зачастую приводит к необратимым последствиям. Ярким примером этого являются массовые самоубийства русских староверов в 1896 году, описанные В. В. Розановым в «Тёмном лике» [8, с. 118-162].

Апокалиптическая аберрация сознания заставляет толковать символы повседневности как свидетельства о приближении конца света (данное явно противоречит словам Христа, что о дне и часе этого не знает никто). Тем самым, человек снимает с себя ответственность за собственные действия, а воля к жизни замещается самозабвением и, как это не парадоксально звучит, религиозным нигилизмом. Постоянное ожидание конца истории порождает в человеке чувство трагической безысходности. Разрешение подобного кризиса через веру в условиях технократической цивилизации маловероятно. Пророки модерна, устроив похороны устаревшему Богу, похоронили вместе с ним и принадлежавший христианству богатейший духовно-этический пласт. Технократически ориентированная цивилизация, взявшись за усовершенствование культуры, и тем самым, подчинив себе все данные исторической традицией ценности, фактически попыталась их нивелировать. Стоит только этот процесс начать, как таким усовершенствованиям, якобы рациональным, никакой рациональной контраргументации противопоставить не удастся, потому что значение ценностей, которые мы считаем основами человечности, никакими научными, логическими, рациональными, эмпирическими методами доказать невозможно.

Однако, миф о всеисильности машины, базирующийся на сциентистском фундаменте, не в состоянии превратится в панацею. Напротив, как показывает история, он может привести к

глобальным кризисам и кровопролитным войнам. Отражением этого трагического абсурда, порождённого забвением гуманистических идей, является переполненное деструктивно-сюрреалистическим мировоззрением модерна: «абсолютное господство разума – это неудавшаяся программа модерна, так как разум не есть Абсолютное» [4, с. 29].

Данная ситуация, кризисная с точки зрения духовности, представляется разрешимой при смене парадигм. Проводя анализ культурного сознания в контексте постмодерна, мы сталкиваемся с переходом от строго научного монизма к множественности форм образовательного и религиозного знания. В различии модернистской и постмодернистской парадигм проявляется отход от функциональной дифференциации в пользу контекстуальности и символизации культуры в метафизическом знаковом языке. Гегелевская схема, противопоставляющая тезис и антитезис и отбрасывающая с помощью диалектики всё устаревшее на свалку истории, вполне отвечает установлениям модерна, но постмодерн ставит своей целью не умерщвление догматов прошлого, а переосмысление духовно достигнутого. Пост-постклассика не отвергает религиозные аспекты жизни, а рефлексируя пытается их органично ввести в контекст бытия современности: «постмодерн проявляет духовные и религиозные признаки. Он воскрешает в памяти тот факт, что культура и общество всегда имеют религиозное измерение» [4, с. 31].

Таким образом, обратившись к проблеме видения истории в различных культурах, мы можем прийти к выводу о корреляции данного вопроса с многими аспектами, имеющими как социальное, так и сугубо религиозное значение, что с неизбежностью отражается на картине мира, сложившейся в той или иной культурной среде.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 176 с.
2. Бердяев, Н. А. Философия свободы / Н. А. Бердяев. – М.: АСТ, 2002. – 736 с.
3. Гесиод. Работы и дни. Теогония. Щит Геракла / Гесиод. – М.: Ленанд, 2019. – 288 с.
4. Козловски, П. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития / П. Козловски. – М.: Республика, 1997. – 240 с.
5. Лосев, А. Ф. Античная философия истории / А. Ф. Лосев. – М.: Наука, 1977. – 173 с.
6. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. В 2-х кн. Кн.1 / А. Ф. Лосев. – М.: АСТ, 2000. – 832 с.
7. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. – М.: АСТ, 2002. – 526 с.
8. Розанов, В. В. Метафизика христианства / В. В. Розанов. – М.: АСТ, 2001. – 544 с.
9. Торчинов, Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного / Е. А. Торчинов. – СПб.: «Азбука-классика», 2007. – 480 с.
10. Фрейд, З. Психоанализ / З. Фрейд. – Донецк: Сталкер, 2000. – 432 с.
11. Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т.1. Образ и действительность / О. Шпенглер. – Мн.: «Попурри», 1998. – 688 с.
12. Шри Ауробиндо Идеал человеческого единства / Шри Ауробиндо. – СПб.: «Мирра», 1998. – 512 с.
13. Ясперс, К. Введение в философию / К. Ясперс. – Мн.: Пропилен, 2000. – 192 с.

Статья поступила в редакцию 3.12.2019

Tkachenko, R. V. Aspects of Historiosophy: An Analysis on the Basis of Various Cultural Patterns

The paper explores aspects of historiosophy which help understand the essence of history in various cultures. Apart from researching into the interrelation of historiosophical concepts with other social and religious institutions, it studies a lot of problems linked to the relation of historical awareness to other fields of human knowledge. The study also offers an analysis of the core idea of Christianity within the framework of historiosophical concepts. The historical and structural-functional analyses along with the hermeneutic approach constitute a methodological basis for the present paper.

Keywords: history, historiosophy, Christianity, apocalypics, eschatology, antiquity, Hinduism, paradigms

УДК 330.8:331.101.262

Производится анализ понятия «человеческий капитал» в разрезе теорий и концепций его исторического развития, а также осуществлена попытка проанализировать трансформацию категории «человеческий капитал», ее роли и значения для науки.

Ключевые слова: человеческий капитал, человеческий потенциал, теория человеческого капитала, составляющие человеческого капитала.

П. П. Дерюгин, профессор, д-р социол. наук

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: ppd1@rambler.ru

О. В. Ярмак, доцент, канд. социол. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: olga_yarmak@inbox.ru

Е. В. Страшко, доцент, канд. экон. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: katyastrashko@mail.ru

В. Е. Ярмак, магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: veronika_arkhipenko@mail.ru

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ПОДХОДЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ²

Актуальность. Одним из важных факторов развития инновационной экономики является эффективное использование человеческого капитала. Человеческий капитал имеет особое значение для развития социальной политики, и в дальнейшем - для формирования социально-ответственного государства. На современном этапе человеческий капитал является базовой категорией для создания национальной модели общественного благополучия и построения инновационной экономики в рамках президентской стратегии (Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»). Таким образом, формирование, включая воспроизводство и накопление, человеческого капитала и его эффективное использование является ключевым для инновационного развития Российской Федерации.

В условиях глобализации мировой экономики, демографических и миграционных процессов важно как формирование системы ценностей, приоритетных компетенций и навыков для развития человеческого капитала, так и сохранение человеческого капитала как одного из составляющих национального богатства страны.

Цели и задачи. Целью исследования является анализ понятия «человеческий капитал», теорий и концепций, изучающих человеческий капитал в процессе эволюции человечества, а также поиск составляющих эффективного алгоритма развития и сохранения человеческого капитала на макро- и микроуровнях. Авторами поставлены задачи осуществления анализа процесса трансформации категории «человеческий капитал» и его роли в развитии научной мысли различных исторических эпох; выявление достоинств и недостатков существующих теорий применительно к современным условиям.

Проблема. Формирование «инновационного» или «экономического» человека невозможно без развития человеческого капитала. Эволюционные теории и подходы изучения человеческого

² Исследовательский проект реализуется при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19 на тему «Научно-образовательные центры как фактор формирования человеческого капитала России: формат создания научно-образовательных центров мирового уровня согласно Указа Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

капитала не дают единой концептуальной модели и самого понятия «человеческий капитал». На наш взгляд, феномен человеческого капитала как экономического и социального явления требует аудита теоретических аспектов и понимания человеческого капитала в контексте динамизма современной экономики, а также в рамках построения инновационного общества, ядром которого выступает экономический человек-носитель – обладатель человеческого капитала.

Говоря об основных подходах к трактовке человеческого капитала, стоит заметить, что его определение зависит от отрасли научного знания. В экономическом дискурсе человеческий капитал представляет собой знания и умения – навыки, приобретенные в следствии жизненного опыта, и, например, здоровье – то, что дано человеку при рождении. Эти навыки человек использует в процессе производства и потребления.

В психологии в качестве человеческого капитала рассматриваются некая группа индивидов, располагающих необходимыми качествами для самосохранения и воспроизводства в непрерывно изменяющихся условиях жизни, и достаточное для хозяйственного освоения своей территории и её обороны.

Опираясь на текущее состояние социально-экономического положения российского общества, современная трактовка человеческого капитала не должна ограничиваться только совокупностью знаний и навыков поскольку, на наш взгляд, она не отражает текущей ситуации в обществе, и в процессе построения инновационной экономики может оказать даже негативное воздействие как для формирования и развития самого человеческого капитала, так и при распределении финансовых ресурсов государства.

Основной материал. В разные эпохи внимание ученых было приковано к роли человека как субъекта экономики и общества.

Концепция человеческого капитала берет свое начало в трудах основателя политической экономии и статистики У. Петти (1623-1687). В своей «Политической арифметике» У. Петти впервые делает попытку измерить человеческий капитал. Согласно его подходу, человеческая составляющая национального богатства ценнее материальной. Так, например, по его расчетам, стоимость населения Англии оценивается в 417 млн. фунтов стерлингов, а всё вещественное – в 250 млн. После К. Маркс утверждал, что благодаря Петти стало очевидным то, что «Население – это богатство!» [4].

На основе концепции человеческого капитала, согласно которой человек является экономическим ресурсом, развивается политическая экономия марксизма. Во многом ее развитие оказалось возможным, поскольку Карл Маркс изначально создавал теорию как комплексное учение, соединяющее в себе экономику с социологией, исторической наукой, политологией, социальной философией. В результате, именно в идеях марксизма зародилась первая целостная концепция экономических ресурсов как «производительных сил», и она же становится ее центральным определением.

Позднее категория «производительные силы» появляется в работах Ф. Листа, в частности в его монографии «Национальная система политической экономии» (1841). Ф. Лист утверждал, что производительные силы являются совокупностью общественных условий, без которых не может быть создано национальное богатство. Если заменить определение «производительные силы» на «социальный капитал» как экономический ресурс, заключенный в определенных отношениях между людьми, то оно будет применимо и в рамках современных подходов к пониманию человеческого капитала.

Роль человека в общественном производстве также нашла свое отражение в трудах Ф. Тейлора «Научная организация труда» и «Тейлор о тейлоризме». Созданное им направление - тейлоризм как научная организация труда оперирует принципами, согласно которым отделение управления от исполнения и максимальная специализация ведут к упрощению трудовых операций. Согласно его теории, реализация этих принципов ведет к возникновению жесткой иерархии, обусловленной тем, что крупносерийное производство возникает на базе узкоспециализированного оборудования, вследствие чего начинается развитие менеджмента. Так возникает категория «менеджмент» как не управленческое понятие, а умение владеть инструментом (scientific management – «виртуозность рабочего»).

Немаловажным шагом в научной организации труда и производства стал вклад Г. Форда, который соединил функции изобретателя и предпринимателя, который можно назвать эмпирическим. Осознавая, что институциональные, организационные инновации важнее, чем технические новации,

Г. Форд подходил к данной проблеме как к бизнесу, говоря не о научной организации труда, а именно о научном бизнесе. Вследствие этого наряду с научной организацией труда появляется научная организация производства. В своей концепции Форд известен внедрением поточного производства, что подразумевало жесткое разделение труда. Вклад Форда крайне важен для базисного понимания концепции человеческого капитала, поскольку именно в рамках фордизма происходит серьезное падение квалификации работника: на передний план выходит ловкость, скорость выполнения операций, выносливость, вследствие чего возникают противоречия между человеческим духовным содержанием труда и физической механической основой.

Опыт Форда свидетельствует, что несмотря на успех его подхода, он все же столкнулся с текучестью кадров, показатель которого был гораздо выше, чем в среднем по отрасли: работники не справлялись с нагрузкой, работали на пределе своих физических возможностей, поскольку скорость выполнения операций задавал конвейер, а не отдельный человек, что привело к серьезным финансовым потерям, а развитие элементов автоматизации производства предъявило иные требования к рабочей силе.

Если применить исследовательские эксперименты Форда к теориям формирования человеческого капитала, то можно сказать, что обучение персонала стало бы той инвестицией, предполагающей доходность в будущем, а значит – привело бы к приращению капитала. На наш взгляд, даже в случае положительного прироста финансового капитала компании Форда такая организация труда приводила к обесцениванию человеческого капитала, его потере для компании, так как каждый раз инвестирование (обучение) начиналось с нуля, а следовательно - требовало новых организационных форм и финансовых вложений.

Продолжая тему научной организации труда, стоит обратить внимание на опыт функционирования завода «Вестерн Электрик» в Чикаго, где в 30-х годах прошлого века проводил свои опыты Э. Мейо, начавший внедрять в управление методы психологии и социологии, что привело к смещению с материальных стимулов на моральные.

Основной задачей Э. Мейо было изучение факторов производственной деятельности, влияющих на производительность труда. В качестве объекта исследования выступали неформальные группы численностью от 5 до 13 человек. Главным результатом исследования стал вывод о том, что мастер должен стать неформальным лидером группы, но при этом оставаться ориентированным в своей работе на компанию. То есть несомненным преимуществом среди других членов группы обладает человек с качествами менеджера-управленца, организатора, лидера и эта тенденция актуальна и на сегодняшний день.

Вследствие роста уровня потребностей на первые позиции выходит удовлетворенность трудом. Теперь, помимо заработной платы, работника интересуют условия работы, психологические факторы, возможности самореализации. И здесь возникает вопрос: «когда человек и его ресурсы - трудовые, личные и иные - становятся капиталом?»

Шотландский экономист Мак-Куллох утверждал: физический и человеческий капитал имеют общую природу. Согласно его мнению, человек и есть капитал, поскольку любые инвестиции в человека приносят в будущем доход, аналогично другим видам инвестиций [2]. Но при этом спорным моментом в этой аналогии является суть человека как физического актива, в отличие от второго, человек не является предметом купли-продажи на рынке. Капитал человека заключается в его особых нефизических активах - знаниях, навыках, деловых качествах, здоровье и т. д. При этом купить «нефизические активы» невозможно, можно лишь воспользоваться ими за определенную цену, которая, как правило, выражается в заработной плате.

Продолжая идеи Мак-Куллоха и говоря о сути концепции человеческого капитала, стоит обратиться к работе Г. Беккера и, прежде всего, к его исследованию «Человеческий капитал», за которое он в 1992 году получил Нобелевскую премию по экономике. Именно в основе этой работы были заложены суть современной теории человеческого капитала: в основе его теории лежат те же «нефизические активы» человека - знания, производственные навыки и мотивация. Как и Мак-Куллох, Беккер считал, что инвестиция в образование – это хорошая инвестиция в будущее, поскольку квалифицированные специалисты приносят прибыли больше, чем расходы на механизированную технику.

Концепция человеческого капитала представлена и развита как в работах зарубежных, так и отечественных авторов. В частности, М. Блауг критиковал подход Беккера и считал, что созданная им

универсальная теория человеческого капитала строится лишь на переработанных Беккером идеях, высказанных ранее другими исследователями. Размышления о сути и формах человеческого капитала находят свое отражение в работах таких авторов, как Й. Бен-Пората, У. Боуэна, Э. Денисона, Дж. Кендрика, Ф. Махлупа, Г. Псахаропулоса, Л. Туроу, Б. Чизвика, Э. Фромма и др. Среди российских экономистов, посвятивших работы этой проблематике, можно выделить труды В. Басова, В. Гойло, И. Ильинского, М. Критского, Р. Капелюшникова, С. Костянина, В. Марцинкевича, М. Сониной, С. Струмилина, Л. Тульчинского и др. Несмотря на то, что подходы к анализу формирования человеческого капитала разнятся с западной традицией, общий тезис говорит о том, что человеческий капитал – это сложный и многообразный феномен, изучая который можно раскрыть и описать новые формы, свойства и значения этого капитала для общества. В частности, В. Радаев утверждал, что после того, как категория «капитал» стала предметом изучения социологии, она вышла за пределы своего основного смысла. Он также утверждал, что, вступая в какие-либо хозяйственные и экономические отношения человек располагает не только совокупностью имеющихся у него ресурсов, а действует, в том числе, под влиянием собственных целей и мотивов. Важной особенностью человеческого капитала, по его мнению, является его ликвидность – то есть способность трансформироваться в доход. Поскольку доход является движимой категорией, это означает, что и формы человеческого капитала постоянно меняются и трансформируются, подстраиваясь под потребности рынка труда. Доход, выражающийся в денежной форме, задает конвертацию этого капитала.

Тем не менее, анализ научной литературы показывает, что в социогуманитарных науках под человеческим капиталом понимаются умственные способности индивидов, полученные посредством обучения или практического опыта. Некоторые авторы рассматривают человеческий капитал как совокупность факторов, которые оказывают влияние на стоимость предельного продукта работника – образование, опыт, обучение, интеллект, энергию, рабочие привычки, доверие и инициативы и т. д.

В основе же социологического понимания человеческого капитала лежит тезис о том, что человеческий капитал – это знания, навыки, умения и характерные особенности индивидов, которые облегчают создание личного, социального и экономического благополучия. При этом человеческий капитал связан с социально-профессиональной стратификационной системой, делящей группы людей по наличию и уровню образования и профессиональной квалификации.

Дальнейшее развитие этой мысли можно найти в работе Р. Кроуфорда «В эру человеческого капитала». Согласно Кроуфорду весь XX век – это эра человеческого капитала за счет того, что он выступает главным фактором экономического роста, к характерным чертам которого относятся расширение, самогенерация, переносимость и совместное использование человеческих ресурсов. Расширение и самогенерация этих ресурсов за счет эндогенных и экзогенных факторов призваны увеличить объем человеческого капитала, а переносимость и совместное – расширять его диапазон.

В работах российских исследователей, в том числе и в работах М. М. Критского, человеческий капитал является особой для каждой эпохи формой жизнедеятельности людей, которая включает в себя формы исторического развития, которые способствуют движению человеческого общества, а именно потребление, производительность и производство хозяйства. Особое место в отечественной традиции анализа человеческого капитала занимает утверждение о том, что он и есть интенсивный производственный и социальный фактор, воспроизводящийся за счет инвестиций в сферы воспитания, обучения, знаний, науки, культуры, искусства, интеллектуальной собственности, информационной оснащенности труда и жизнедеятельности, экономической свободы, предпринимательских способностей и др. [1]

Рассматривая научные источники о подходах к анализу человеческого капитала, необходимо отметить, что многие авторы употребляют в своих работах понятие «человеческий потенциал» как синоним категории «человеческий капитал», что, на наш взгляд, является ошибочным, поскольку человеческий капитал является одной из характеристик человеческого потенциала. Так, Т. Шульц при определении понятия «человеческий капитал» утверждал, что каждый индивид обладает определенным набором человеческих ресурсов, являющихся либо врожденными, либо приобретенными. Индивид рождается с индивидуальным комплексом генов, определяющим его врожденный человеческий потенциал, а уже приобретенные человеком в процессе социализации ценные качества могут быть усилены соответствующими вложениями и конвертироваться в человеческий капитал [6].

С этой точки зрения нам видится, что необходимым условием наращивания человеческого капитала каких-либо организаций является устойчивое развитие их человеческого потенциала, в том числе, включающее развитие профессиональных умений и навыков членов организации. Таким образом, для успешного использования потенциала индивидов как необходимого элемента формирования человеческого капитала, необходимо разрабатывать особые алгоритмы профессионального образования на микро- и макроуровнях [6]. Тем не менее, человеческий капитал является важной, но не единственной формой проявления человеческого потенциала, как в экономике, так и в обществе в целом. Он может выступать в форме запаса и в форме потока доходов, который может рассматриваться как актив, приносящий регулярный доход. Но это возможно только при эффективном управлении такими нефизическими активами, а для этого безусловно необходимы качества менеджера, организатора и управленца.

Как только человеческий капитал и инвестиции в человека стали взаимозависимы, это позволило по-новому подойти к проблеме факторов экономического роста, среди которых решающим было признано образование. Относительно этой проблематики существует два подхода: первый – Т. Шульца, который рассматривает образование как обособленный источник роста и отмечает, что развитие образования, главной функцией которого являются обнаружение таланта и обучения, здравоохранение и науки, являются более важными для экономического роста, чем механический прирост. Во втором случае Э. Денисон и М. Уилл утверждают, что для адекватной оценки общественного вклада образования в экономический рост недостаточно определить корреляционную зависимость между уровнем образования и доходом, нужно учитывать влияние различных социальных явлений, социальных институтов. Так М. Уилл представил классификацию факторов, которые влияют на «социальную рентабельность образования», а именно: возраст, пол, общественное положение, талант, природную одаренность, воспитание, ценностные ориентации, этнические способности и традиции. Согласно мнению М. Уилла недооценка этих факторов ведет к занижению истинной эффективности вложений в образование [6].

На наш взгляд, сами по себе расходы на образование, здравоохранение и прочие социальные институты не являются обязательным условием прироста человеческого капитала, поскольку данная взаимосвязь является неустойчивой. Так, инвестиции в образование представляют собой лишь *возможные выгоды* в будущем, а к сфере возможного относится понятие «потенциала», а, следовательно, здесь следует употреблять термин «человеческий потенциал», а не «человеческий капитал».

Согласно Концепции представленной Институтом человека РАЕ человеческий потенциал представляет собой сформированные во взаимодействии с социальной средой совокупности систем универсальных и специфических потребностей, а также способностей и готовности различных социальных общностей выполнять общественно-необходимую деятельность, основную на социальных ролях, функциях, которые обеспечивают как преемственность, так и новации в развитии жизненно важных общественных сфер и обществе в целом.

Еще одно определение гласит, что человеческий потенциал - это накопленный населением запас физического и нравственного здоровья, общекультурной и профессиональной компетентности, творческой, предпринимательской и гражданской активности, реализуемый в разнообразных сферах деятельности, а также в уровне и структуре потребностей. Но при этом человеческий капитал не является физической суммой перечисленных характеристик. Прежде всего, это совокупность взаимосвязанных качеств и свойств. При этом развитие человеческого потенциала зависит от продолжительности жизни индивидов, их образования и дохода.

Основываясь на основных идеях экономического подхода, стоит заметить, что способности и характеристики, лежащие в основе человеческого потенциала взаимообусловлены и готовы к реализации. При этом те, кто разделяют этот подход, уверены, что оценка человеческого потенциала – это объект исследования социологической науки. При этом в социологии также имеется ряд проблем, связанных с развитием человеческого капитал: общество может обладать хорошим потенциалом, но при этом не иметь предпосылок для его реализации, поскольку, например, хороший уровень образования населения может быть не востребован современным рынком труда и, соответственно, не реализоваться должным образом.

Также в этом контексте интересна позиция экономистов Р. Дорнбуша, К. Шманлези и С. Фишера, которые включали в понятие «человеческий капитал» не только знания и умения людей,

способности к труду, но и физические, психологические, мировоззренческие, культурные свойства человека: физическую силу, внешнюю привлекательность, коммуникабельность, умение принимать решения, брать на себя ответственность, организаторские способности. Перечисленные категории как правило относят к предпринимательским способностям. При этом, наличие образования является лишь только предпосылкой, а не гарантией жизненного успеха [5].

Для самого индивида вышеперечисленные характеристики и осознание их веса для современной экономической ситуации будут способствовать развитию человеческого капитала самого индивида, но это не говорит о том, что этот капитал будет реализован внутри страны. Можно привести хороший пример о неэффективной реализации человеческого капитала на рынке труда в пассажирской авиации. Выпускники вузов (как пилоты, так и диспетчеры) Института гражданской авиации Ульяновска, где стоимость коммерческого обучения с учетом летной практики составляет порядка 10 млн. рублей за весь период обучения, окончив обучение за счет бюджетных ассигнований и получив прекрасное образование в течение пяти лет, находящиеся на полном обеспечении государства, выходя на рынок труда в России, где на сегодняшний день спрос превышает предложение, и набравшись необходимого опыта, устраиваются на работу в авиакомпании Китая, поскольку условия работы и заработная плата в китайских авиакомпаниях намного выше российского уровня. Безусловно, необходимо иметь знания языка, коммуникативные и организационные способности, но это и есть эффективная реализация человеческого капитала для самого индивида (микроуровень) и неэффективная для государства (макроуровень). Как следствие этого встает вопрос не столько о формировании и развитии человеческого капитала, сколько о сохранении его на макроуровне.

Выводы. Таким образом, можно говорить о том, что теория человеческого капитала, зародившаяся в XVII–XVIII веках, рассматривалась не только западными, но и отечественными экономистами. На протяжении нескольких веков она эволюционировала, и в настоящее время подход к анализу формирования человеческого капитала междисциплинарен: в нем широко переплетаются исследовательские практики мировой экономической, социологической и математической наук. Однако утверждения некоторых ученых в контексте поставленных перед государством задач не соответствуют современности, требуют актуализации, что и показал проведенный нами анализ.

Несмотря на стремительно развитие теорий и концепций человеческого капитала, в 70-х годах XX века понимание человеческого капитала получило ряд негативных суждений, изложенных в теории фильтра в работах известных экономистов и социологов А. Берга, М. Спенса, П. Уилса. Согласно их подходу, образование является только лишь способом сортировки людей по уровню способностей, что значительно влияет на производительность труда поскольку информация об этом достается организациям даром, тем самым помогая отбирать наиболее перспективных кандидатов на рабочие места. Высокая производительность в первую очередь связана с личными, скорее врожденными, способностями индивидов, а не с полученным работниками образованием [3]. Однако критики сочли недостаточно убедительными аргументы теории фильтра. Поскольку даже будучи в качестве средства отбора, образование может содействовать повышению эффективности, помогая будущим работникам узнавать себя лучше и находить в экономической системе подходящие для себя ниши.

С утверждениями теории фильтра можно не согласиться, поскольку на сегодняшний день организации при отборе персонала полагаются не столько на дипломы, а на независимое тестирование на уровень владения компетенциями, важных конкретному работодателю. И как показывает практика, немаловажным фактором отбора является наличие деловых качеств, предпринимательских способностей, умений работать в команде, так называемые *soft-skills*, которым, на наш взгляд, уделяется недостаточное внимание при получении высшего образования.

Для успешного решения задач по формированию «экономического человека» на уровне государства предусматривается модернизация реализуемой государственной политики в области образования: создание системы образования, ориентированной на формирование и развитие навыков и компетенций человека, необходимых для инновационной деятельности; стимулирование получения навыков инновационного и социального предпринимательства той частью населения, которая к этому наиболее приспособлена и готова – выпускниками вузов; формирование системы стимулирования инновационной и предпринимательской активности молодежи; формирование культуры инноваций в обществе и повышение престижа инновационной деятельности.

Новые технологии стали результатом труда уже не «талантливых мастеров», а «информационных интеллектуалов». Как правило, в экономике инноваций знания и информация становятся стратегическими ресурсами. Но необходимо отметить, что важнейшим фактором в современной эпохе выступает фактор времени, так называемое «время первых». Следовательно, чтобы этот фактор *работал* на инновационную стратегию экономического роста, необходимо регулярно проводить мониторинг алгоритмов, уточнение понятий, факторов, компетенций и ценностей на микроуровне, способствующих формированию, приращению, а главное - сохранению человеческого капитала на макроуровне. Необходимо формировать систему ценностей, которая будет способствовать развитию человеческого капитала, что является довольно непростой задачей, поскольку ценности человека меняются на протяжении жизни, в зависимости от ряда факторов, в частности, возраста, статуса, дохода, профессионального опыта, социальных ролей и др. Необходимо формировать ценность не получения образования как самоцели, а необходимость овладения навыками *непрерывного образования* в течение всей жизни.

По данным комплексного наблюдения условий жизни населения, проводимого Федеральной службой государственной статистики, в сентябре 2014 года в дополнительном образовании участвовало 3,9% населения в возрасте 15 лет и старше. Более активно участвовала в этом процессе молодежь (лица в возрасте 15-24 года), среди них 7,7% посещали различные курсы, профессиональные семинары, тренинги и т.п. Среди взрослого населения (лица в возрасте 25-64 лет) доля участвующих в дополнительном образовании составила 4,3%. Но необходимо отметить, что на данные показатели существенно влияет фактор доступности данного ресурса для населения, а это уже объект исследования более глобального, государственного уровня.

С учетом фактора времени формирование этих ценностей нужно производить еще задолго до получения высшего образования, а именно со школьной скамьи.

Поскольку уже школьник должен рассматривать получение образования, непрерывное накопление знаний как ценности и инвестиции в свой личный человеческий капитал, который будет приносить ему доход в будущем. Когда студент, помимо профессиональных компетенций - *hard-skills*, будет по достоинству оценивать развитие своих деловых качеств, бизнес-навыков, уметь работать в команде и эффектно представлять полученный результат - *soft-skills*, тогда можно говорить о том, что алгоритм формирования и развития человеческого капитала построен правильно и будет реализован эффективно.

Человеческий капитал должен стать объектом такого же постоянного внимания, как и финансовый капитал, который в свою очередь бесполезен для страны в отсутствие капитала человеческого.

Список литературы:

1. Критский, М. М. Человеческий капитал / М. М. Критский. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – 120 с.
2. Маккуллох, Дж. Р. О начале, успехах, особенных предметах и важности политехнической экономии / Дж. Р. Маккуллох. – М., 1834. – 121 с.
3. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд., Т.49. – М.: Политиздат, 1974.
4. Пети, У. Экономические и статистические работы / У. Пети. – М.: Соцэкгиз, 1940. – 324 с.
5. Fisher, I. Senses of Capital / I. Fisher // The Journal of Political Economy. – 1897.
6. Schulz, T. W. Capital Formation by Education / T. W. Schulz // Journal of Political Economy. – 1960. – № 68. – P. 571-583.

Статья поступила в редакцию 27.11.2019

Deryugin P. P., Yarmak O. V., Strashko E. V., Yarmak V. E. Human Capital: Historical Approach

An analysis is made of the concept of human capital in the context of theories and concepts of historical development, and an attempt is made to analyze the transformation of the category of human capital, its role and significance for sociological science.

Keywords: human capital, human potential, theory of human capital, components of human capital

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

* * *

УДК 327(47)''1939/1945''

Анализируются события Второй мировой войны сквозь призму цивилизационной теории, делается вывод о том, что против Советской цивилизации воевала вся европейская цивилизация, а не только Германия, СССР рассматривается как ядро советской цивилизации, которая расширила свои границы после окончания войны, когда был сформирован европейский социалистический лагерь государств. Межцивилизационное противостояние шло между советской и европейской цивилизациями, между СССР и системой европейских государств объединённых фашистской Германией. Восстановление границ бывшей российской цивилизации и возрождение православной церкви в Советской России стало смыслом и результатом победы советской цивилизации над европейской во Второй мировой войне.

Ключевые слова: цивилизация, территории, границы цивилизации, религия, православно-славянская, российская, советская, европейская цивилизации, Вторая мировая война, Германия, СССР, цивилизационная война, итоги войны.

Т. В. Вакулова, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: vakulo1@yandex.ru

ПРОТИВОСТОЯНИЕ СОВЕТСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В 1939-1945 ГГ.

Анализ международных отношений сквозь призму цивилизационной теории показывает, что государства являются носителями цивилизационных ценностей и кодов, поэтому процессы, происходящие между государствами, трактуются как межцивилизационные. При этом определяющим для развития мировой цивилизации и государств в неё входящих является мировой порядок, который выстраивает иерархию отношений не только между ведущими цивилизациями, но и державами, устанавливает и поддерживает институциональные основы, определяет политику государств.

Под европейской цивилизацией принято понимать территории стран Европы, объединенные общей экономикой, идеологией, общими культурными ценностями и историей, католической и протестантской религией. Понятие западная цивилизация несколько шире, чем европейская, поскольку в процессе экспансии и вестернизации ценности Европы распространились на многие территории Америки и некоторых других территорий мира. Советская цивилизация, объединяла народы жившие на территориях бывшей Российской империи, которые характеризовались общей историей, плановой экономикой, государственной и партийной системами, специфическим менталитетом, культурой, государственным атеизмом. Термин был введен С. Г. Кара-Мурзой [2].

Изучение исторических процессов, вариантов и результатов формирования мирового порядка, международных отношений после окончания Второй мировой войны, изменений идейно-политического климата в послевоенной мировой системе в целом, приводит к пониманию того, что советская цивилизация, как период российской, играла и играет важнейшую роль в системе международных отношений, она оказывала влияние на развитие отдельных стран мира и взаимодействие между ними во все времена, «отвечала на вызовы» и сама «бросала вызовы цивилизациям». Так, после свержения самодержавия в Российской империи, пришедшая ей на смену советская цивилизация бросает вызов европейской. А. Д. Тойнби об этом пишет так: «С момента коммунистической революции, последовавшей за либеральной революцией в 1917 г., Россия бросила Вызов Западу, какого он не знал со времен второй оттоманской осады Вены в 1683 г. Коммунистический российский вызов Западу был не только Вызовом господству Западу над всем остальным миром: это был также Вызов западному либерализму от имени западной идеологии, которая теперь стала действенной силой в великой не западной стране. Под предводительством России коммунизм вознамерился соревноваться с либерализмом за умы и сердца незападного большинства человечества. Российский коммунизм также бросает Вызов либерализму на его родной земле, в западных странах. До 1917 года Запад обращал весь мир в идеологию духовной западной

революции XVII века. С 1917 года Запад начал обороняться от идеологического контрнаступления. Это означало, что Россия стала играть весьма важную роль в решении судьбы Запада» [6, с. 134].

Европейская цивилизация является наследницей греческой и римской, а советская стала наследницей не только российской, но и православно-славянской, которая в свою очередь была наследницей византийской [1, с. 9]. Взаимодействие между византийской и славянской цивилизациями не всегда было мирным, как известно славяне совершали военные походы на Царьград еще до принятия христианства в IX веке, однако уже в конце X века Русь становится христианским государством и «Третьим Римом», а Москва преемницей Царьграда. В XV веке в результате Флорентийской унии (1439) произошел раскол христианской церкви на западную и восточную, а вместе с этим продолжалось развитие двух христианских цивилизаций: православно-славянской и католической европейской. Между государствами этих цивилизаций шло взаимодействие как мирное, так и военное. Например, в 1812 году Наполеон, вторгаясь на территорию России, стремился навсегда покончить с колоссом северных варваров» [3, с. 1].

В XIX веке исследователи, описывая противостояние между российской и европейской цивилизациями, отмечают агрессивный характер последней. Отношения Европы и России в своей книге описал основоположник цивилизационной теории Н. Я. Данилевский, автор писал: «Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянстве вообще нечто ей чуждое. Европа видит, в Руси и в славянстве не только чуждое, но и враждебное начало» [1, с. 52-53]. Вслед за Данилевским британский исследователь А. Д. Тойнби так же считал европейскую цивилизацию агрессивной по отношению к российской. Он писал, что агрессор (запад) оккупировал Россию в 1610, 1709, 1812, 1914, 1941 годах, но хотя европейская цивилизация всегда стремилась военным способом подчинить российскую, однако все её планы уничтожались [5]. Так в период военного противостояния между фашистской Германией и СССР, победу одержала именно советская цивилизация.

Современная историческая наука, определяя причины победы СССР во Второй мировой войне всё больше обращает своё внимание именно на цивилизационные факторы: религию, культуру, традиции российской армии. В этой войне народы СССР защитили от германской агрессии и фашистской идеологии не только свою Родину – Советскую Россию, но и своё Отечество – святую землю предков, советский народ освободил всю Европу от фашизма. Итогом войны стала победа Советской России не только над фашистской Германией, но и освобождение от фашизма всей европейской цивилизации.

В работе «Фашистская Европа» В. Е. Шамбаров, пишет о том, что фашизм родился в Европе в период с 1920-х по 1930-е годы и охватил страны, совершенно разные по уровню экономического развития, по национальным и культурным традициям: Италию, Германию, Австрию, Румынию, Испанию, Болгарию, Венгрию, Францию, Бельгию, Чехию, Словакию, Норвегию, Данию, Швецию, Финляндию, Грецию, Югославию. По сути, вся Европа была фашистской! В Англии, США, Латинской Америке обозначились влиятельные организации, близкие к фашизму. Фашизм скрывался под разными именами: национал-социализм, рексизм, фалангизм, но главной чертой всех этих движений был звериный антикоммунизм и ненависть к СССР [8, с. 2].

А. Д. Тойнби взаимодействие мировых цивилизаций объясняет при помощи действия закона «Вызов – Ответ». Неблагоприятная среда обитания или соседнее окружение бросает «Вызов» обществу, на который общество отвечает через своё творческое меньшинство, которое находит и даёт адекватный «Ответ». Цивилизация существует до тех пор, пока может дать «Ответы» на «Вызовы». Однако когда общество не в состоянии дать «Ответ» и прибегает к силе, цивилизация заканчивает свой путь и погибает [6, с. 57]. Важно отметить, что консолидация всех элементов общественной жизни цивилизации осуществляется на основе религии. А. Тойнби обосновал [6], что движущей силой любой цивилизации является религия и вера. Цивилизация усиливается и живёт, пока народ, её составляющий, верит в свою систему ценностей, верит в свои сакральные символы и готов их защищать. Когда вера утрачивается, религия уничтожается, когда наступает сомнение, тогда цивилизация испытывает кризис. Она уже не может «ответить на вызовы», которые обращаются к ней, и распадается, и её место занимает иная цивилизация, которая верит в свои символы и защищает свою веру.

Германия в середине XX века представляла собой ядро европейской цивилизации, а Советскую Россию можно рассматривать как преемницу российской православно-славянской цивилизации. В этом контексте европейская цивилизация бросает вызов славянской, и можно говорить о столкновении двух цивилизаций: российской православной цивилизации и европейской протестантско-католической. Согласно законам цивилизационной теории все цивилизации стремятся к расширению своего влияния как территориального, так и культурного. Главным итогом Второй мировой войны для советского государства стало восстановление цивилизационных границ, исторической территории России в границах бывшей Российской империи. После победы над

фашистской Германией СССР вновь стал великой державой. Был сформирован социалистический лагерь государств.

Западная цивилизация в своём взаимодействии со славянской, начиная с XI века и до XXI столетия, постоянно стремилась к расширению своих земель и двигалась на Восток, а славянская сохраняла свои рубежи, удерживая территории своего государства. Тойнби пишет: «В результате татарского ига Русь потерпела убытки, в конце концов, не столько от татар, сколько от западных соседей, не преминувших воспользоваться ослаблением Руси для того, чтобы отрезать от нее и присоединить к западно-христианскому (католическому) миру западные русские земли в Белоруссии и на Украине. Только в 1945 году России удалось возратить себе те огромные территории, которые западные державы отобрали у неё в XIII–XIV веках» [5, с. 157].

Конференции в Ялте и Потсдаме ослабили агрессивное давление Запада, а территория Восточной Европы стала сферой влияния СССР. Тойнби писал: «Запад впервые за тысячу лет ощутил на себе давление России, которое она испытывала все века от Запада» [5, с.65]. После победы СССР над Германией европейские государства, освобожденные советскими войсками от фашистской Германии, входили в сферу влияния уже не запада, а Советской России. Все территории России от Крыма до Прибалтики находились под покровительством русского царя до революции 1917 года в России, а государственным деятелям присваивались имена: Потемкин Таврический, Суворов Рымникский, Румянцев Задунайский. Наталья Нарочницкая пишет, что до революции территорию России никто не оспаривал. Она считалась абсолютно бесспорной и легитимной, выросшей в полном соответствии с юридическими нормами своих эпох [4, с.11]. После Великой Победы именно советское великодержавие и исторические территории России были восстановлены, как ядро русской цивилизации в противовес западной. Великая Отечественная война воскресила национальные качества и чувство патриотизма советского народа, его духовное единство и солидарность, которые были разрушены революционным классовым интернационализмом. Война очистила народ от скверны братоубийственной гражданской войны и воссоединила в душах людей и в государственном будущем разорванную, казалось, навеки нить русской и советской истории. Объединившись как «братья и сестры», советские, но православные люди встали на защиту Отечества в Священной войне против врага [4, с.11]. Н. А. Нарочницкая в своих работах пишет о том, что главным итогом Ялты и Потсдама стало фактическое признание преемственности СССР по отношению к геополитическому ареалу Российской империи в сочетании с новообретенной военной мощью и международным влиянием. Это и определило неизбежность «холодного» противодействия именно этим результатам победы, восстановившим на месте Великой России новую силу, способную пусть в иных формах и появлениях также сдерживать устремления Запада. Можно сказать, именно это вызвало Фултонскую речь У. Черчилля, а в политике США отчетливо стала проявляться их цель с 1917 года – непризнание любых форм восстановления преемственности российской цивилизации [4, с. 12]. В политике США, как нового центра западной цивилизации (после Германии), вновь стала проявляться их цель – непризнание любых форм восстановления преемственности российской (православно-славянской) цивилизации с её границами, историей, культурой, традициями и, что очень важно, религией.

Как ни странно, но именно политика США (Рузвельта) и способствовала тому, что в СССР в годы войны была восстановлена религиозная свобода, возрождены православные церкви, которые являются носителями цивилизационного кода российской (православно-славянской) цивилизации. Интересна история этого вопроса.

Как известно, отношение Советской власти к православной церкви было враждебным, эта власть закрыла 93,5% православных церквей бывшей Российской Империи. В результате Русская православная церковь была поставлена на грань уничтожения. Советская история довоенного периода была историей гонения на веру и церковь. Но осенью 1941 года возникла ситуация, которая заставила Сталина изменить отношение к Русской православной церкви. Дело в том, что Советскому Союзу для ведения войны были необходимы поставки сырья, продовольствия, вооружения и т.п., что можно было получить от США. Закон о ленд-лизе был принят в США 11 марта 1941 года. Однако для начала поставок было выдвинуто одно условие. Как пишет в книге «Рузвельт и Черчилль. 1939-1941» американский историк Джозеф Лэш, американский президент «прямо обусловил оказание помощи ослаблением репрессий против религии в СССР» [11]. Госсекретарь США в 1933-1944 годах Корделл Хэлл в своих воспоминаниях пишет, что «президент объяснил послу СССР в США Уманскому о трудностях получения от Конгресса необходимых ленд-лизевских ассигнований. Президент сказал, что, если бы Москва организовала информационную кампанию в США о свободе религии в СССР, это могло бы дать хороший просветительский эффект» [10]. Такое же требование к Советской власти повторили через советника президента США Гарри Гопкинса. Как пишет П. А. Судоплатов, посол Уманский рассказал ему о том, что Гарри Гопкинс от имени президента поставил перед нами вопрос о роспуске Коминтерна и о примирении с Русской православной церковью. По его словам, это необходимо, чтобы снять препятствия со стороны оппозиции в оказании помощи по ленд-лизу и

обеспечить политическое сотрудничество с США [7, с.186]. Однако Сталин на уступки церкви не пошёл, поэтому церковный вопрос поднимался не только на тайных переговорах, но и на официальных переговорах по ленд-лизу в Москве. Как вспоминает М. В. Шкаровский, личный представитель президента США Ф. Д. Рузвельта, А. Гарриман сообщил Сталину об обеспокоенности американской общественности судьбой Русской церкви и передал просьбу президента улучшить её правовое и политическое положение [9, с. 246]. Но никаких конкретных шагов по улучшению положения церкви Сталиным сделано не было, однако 1 октября 1941 года первый Московский протокол по ленд-лизу был подписан. Но при этом поставки по нему предполагались только до 30 июня 1942 года.

Между тем со стороны религиозных кругов США возражения против помощи «безбожной России» сохранялись, поэтому Рузвельт и его администрация снова начали указывать на необходимость перемен в положении религии в СССР, в противном случае могли бы возникнуть препятствия выделению ассигнований на ленд-лиз после июня 1942 года. Как вспоминает в своих мемуарах П. А. Судоплатов, ещё до начала Ялтинской конференции он обсуждал с Гарриманом судьбу священников Русской православной церкви и заверил его, что Советское правительство не преследует православных иерархов. Когда я говорил об этом, Гарриман заметил, что недавние выборы патриарха Русской православной церкви произвели весьма благоприятное впечатление на американское общественное мнение [7, с.190].

Таким образом, американский президент поставил прямое условие для оказания помощи СССР – ослабление репрессий против религии в советском государстве. Неужели Рузвельт был ярким защитником веры в Союзе? Нет, конечно, он занимался этим вопросом из чисто прагматических соображений. Дело в том, что антирелигиозная политика в СССР оказывала негативное воздействие на американское общественное мнение. Игнорировать настроения религиозных избирателей конгрессмены США не могли. А президент Рузвельт не мог игнорировать настроения конгрессменов. Благодаря этому возникла необходимость опровергнуть устоявшееся американское общественное мнение, что Советская Россия – безбожная страна. Вследствие этого, когда 1 января 1942 года Декларация 26 государств была подписана представителем СССР, то в ней было сказано, что полная победа над врагами необходима «для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы и для сохранения человеческих прав и справедливости». Сталин согласился на такую формулировку, поскольку считал, что принцип свободы религии имеет столь широкий характер, что это включает право не придерживаться вовсе никакой религии [7, с.190]. 3 января 1942 года Декларация 26 государств была опубликована в газете «Известия», а затем в начале 1942 года в СССР для распространения в США была издана книга «Правда о религии в России» под редакцией митрополита Сергия. В книге доказывалось, что в Советской России существует свобода совести, благодаря которой все верующие могут исповедовать свою религию и беспрепятственно выполнять религиозные обряды. В книге утверждалось, что аресты священников связаны с их антисоветской деятельностью и не имеют ничего общего с преследованием по религиозным мотивам, Советская власть религию не преследует. Итак, предложение Рузвельта «организовать информационную кампанию в США о свободе религии в СССР» было реализовано. Благодаря этой информационной кампании и официальному признанию Советским Союзом принципа «религиозной свободы» Конгресс США одобрил новые ассигнования на ленд-лиз в больших объёмах, чем раньше, и в 1942, 1943 и 1944 годах были подписаны новые советско-американские протоколы по ленд-лизу. Кроме этого, в 1943 году, после неудачных переговоров об открытии Второго фронта, Сталин согласился на роспуск Коминтерна и предпринял ряд мероприятий, чтобы доказать американской и британской общественности, что в СССР обеспечивается свобода религии на практике.

4 сентября 1943 года Сталин принял митрополитов Сергия, Алексия и Николая и дал согласие на избрание Патриарха, на создание Священного синода, на открытие духовных учебных заведений (богословских курсов, духовных семинарий и академий), на издание журнала «Журнал Московской патриархии», на увеличение числа православных приходов и открытие ранее закрытых православных храмов, на освобождение находившихся в заключении православных священнослужителей, на разрешение исполнять церковные службы священнослужителям, отбывшим срок своего заключения, на открытие свечных заводов. В беседе с иерархами Русской православной церкви Сталин сказал, что, «если нужно сейчас или если нужно будет в дальнейшем, государство может отпустить соответствующие субсидии церковному центру». После этого нарком иностранных дел Молотов договорился с митрополитом Сергием о приёме делегации Англиканской церкви, желающей приехать в Москву. Этот факт указывает на то, что встреча с митрополитами была обусловлена необходимостью продемонстрировать наличие в СССР «религиозной свободы». После встречи Сталина с православными иерархами, 8 сентября 1943 года, на Архиерейском соборе митрополит Сергий был избран Святейшим Патриархом Московским и всея Руси. 14 сентября 1943 года был создан Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров СССР во

главе с полковником госбезопасности Г. Г. Карповым. 19 сентября 1943 года в Москву прибыл из Великобритании архиепископ Йоркский Сирил Форстер Гарбетт, и его принял новоизбранный Патриарх Сергей. 21 сентября архиепископ Йоркский вместе с Патриархом присутствовал на литургии в Богоявленском соборе, а 24 сентября 1943 года крупнейшая американская газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала слова архиепископа Йоркского о том, что он «убеждён, что в Советском Союзе существует полнейшая свобода религии» [9, с. 256]. Следовательно, требования Рузвельта от 1941 года о роспуске Коминтерна и об улучшении правового и политического положения Русской православной церкви к концу 1943 года были полностью выполнены, благодаря этому имидж Советского Союза в американском общественном мнении значительно изменился, и американская оппозиция успокоилась. На Тегеранской конференции 28 ноября – 1 декабря 1943 года было принято решение об открытии Второго фронта в Европе, что и требовалось Советскому Союзу.

В начале 1945 года, когда СССР готовился к проведению Ялтинской конференции, американцы вновь подняли вопрос об ущемлении прав Русской православной церкви. Об этом свидетельствовал тот факт, что уже в течение 9 месяцев не разрешается избрание нового Патриарха. Сталин разрешил провести выборы Патриарха за два дня до Ялтинской конференции, новый Патриарх Алексей I был избран 2 февраля 1945 года. Выборы патриарха Русской православной церкви опять положительно повлияли на американское общественное мнение. Очевидно, что послабления по отношению к РПЦ были обусловлены необходимостью создавать благоприятное мнение об СССР среди американцев. И это облегчало переговоры с Рузвельтом.

Важно отметить, что смена курса государственно-церковных отношений в СССР была также результатом традиционно твёрдой, патриотической позиции Русской православной церкви, которую она неизменно проводила во все периоды своего существования. Например, уже в первые часы после начала войны, 22 июня 1941 года, патриарший местоблюститель митрополит Сергей выступил с известным воззванием **«Пастырям и пасомым Христовой православной церкви»**. Он призвал советских верующих к защите своего Отечества, своей Родины. Защищать страну призвал митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей. 10 августа 1941 года в своём обращении он упомянул князя Дмитрия Донского, Александра Невского. Эти великие русские полководцы были верующими людьми, признавали роль православной веры для укрепления духа в армии.

Таким образом, западная цивилизация, возглавляемая во Второй мировой войне, двумя своими центрами (Германией и США) определённым образом повлияла на сохранение религиозной свободы, церковей как носителей цивилизационного кода православно-славянской цивилизации. С одной стороны, происходила демонстрация иностранцам наличия Патриарха и подписания документа о «свободе религии», а с другой - открытие православных храмов.

Тойнби в своей работе пишет о том, что цивилизации могут преждевременно прекратить свое развитие, наступает надлом, это случилось с русской православной цивилизацией, но при этом роль человека и божественный промысел продолжали играть свою роль. «Этой силой является давление цивилизаций, оказываемое ими на своё окружение; ибо, хотя Господь и призрел на Авеля и на дар его, а не на Каина, никакая сила не смогла спасти Авеля от Каиновой руки» [6, с. 334].

В годы войны в 1943 году в СССР открылось большое количество церквей, но при этом умалчивается, где и с чьего разрешения они открылись. Согласно «Справке Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР о действующих и недействующих храмах» от 31 октября 1945 г. приводится следующая статистика: 1. На октябрь месяц 1943 года ко дню образования Совета по делам Русской православной церкви действующих православных церквей на территории Союза было 9829. Из них открыто немцами в период временной оккупации нашей территории примерно 6500 церквей [7, с.213]. 2. За 1944-1945 года по Союзу поступило от групп верующих 6770 заявлений об открытии церквей. При рассмотрении этих заявлений было открыто 529 церквей. Из них за 1944 год – 208 церквей в 48 областях, краях и республиках, за 10 месяцев 1945 года – 321 церковь в 64 областях, краях и республиках. 3. За тот же период времени отклонено ходатайств верующих церквей 4850. Находится на рассмотрении 1391 ходатайство. Удовлетворено за 1944-1945 года 9,8% всех рассмотренных ходатайств [9, с.324]. 4. На сегодняшний день на территории Союза действующих православных церквей и молитвенных домов 10358. Самое большое количество находится в районах, подвергавшихся немецкой оккупации. Немцы разрешали верующим беспрепятственно открывать закрытые при Советской власти православные храмы для того, чтобы продемонстрировать населению, что они, в отличие от коммунистов, не преследуют религию [9, с. 324]. Согласно приведённым в книге М. В. Шкаровского «Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве» [9, с. 328] статистическим данным об открытии и закрытии православных храмов на территории СССР, к 31 декабря 1948 года количество церквей увеличилось до 14447, то есть на 47%.

Таким образом, во Второй мировой войне против Союза советских социалистических республик воевала не просто вся фашистская Германия, но вся подчинённая германскому фашизму европейская

цивилизация. Против Советской цивилизации воевала вся европейская цивилизация. Мир разделился на фашистов и антифашистов, а война превратилась в мировую, межкультурную.

Другим итогом войны стало изменение границ СССР и границ Германии, которая была разделена на несколько частей. Ялтинская конференция изменила границы многих государств, «произошло фактическое восстановление границ СССР по отношению к геополитическому ареалу Российской империи в сочетании с новообретенной военной мощью и международным влиянием. Ведь на месте Великой России появился новый центр силы, способный, пусть в иных формах и проявлениях, сдерживать устремления западной цивилизации» [4].

Изменилось отношение советской власти к церкви. При этом действия лидеров западных государств стали одной из причин восстановления церкви как основного элемента модели цивилизационного кода Великой России. Советская Россия как центр русского православного мира стала мощной сверхдержавой.

Несмотря на тяжелые потери, победа в войне, восстановление цивилизационных территорий, огромный экономический потенциал, наличие мощной армии, возрождение православной церкви, социалистической культуры, образование под руководством СССР международного блока народно-демократических государств превратили Советский Союз в новую сверхдержаву. Противостояние сверхдержав США и СССР и в связи с этим образование «двухполюсного мира» наложили глубокий отпечаток на всю последующую историю.

Список литературы

1. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому / Н. Я. Данилевский. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 640 с.
2. Кара-Мурза, С. Г. Советская цивилизация / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2001. – URL: http://www.kara-murza.ru/books/sc_a/sc_a_content.htm. (дата обращения: 12.10.2019)
3. Коленкур, А. Поход Наполеона в Россию. – М., 1991. – 242 с. – URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/kolencur/part03.html> (дата обращения: 17.11.2019).
4. Нарочницкая, Н. А. Великие войны XX века. Ревизия и правда истории / Н. А. Нарочницкая. – М.: Вече, 2010. – 352 с.
5. Тойнби, А. Дж. Византийское наследие России. Цивилизация перед судом истории / А. Дж. Тойнби. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. – 318 с.
6. Тойнби, А. Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций / Арнольд Дж. Тойнби; пер. с англ. К. Я. Кожурина. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 670 с.
7. Судоплатов, П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930-1950 / П. А. Судоплатов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. – 295 с.
8. Шамбаров, В. Е. Фашистская Европа / В. Е. Шамбаров. М.: «Алисторус», 2014. – 680 с.
9. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939 - 1964 годах) / М. В. Шкаровский. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: Общество любителей церковной истории, 2000. – 424 с.
10. Hull, C. The Memoirs of Cordell Hull; 2 vols. / C. Hull. – London: Hodder & Stoughton. – 1948. – 894 p.
11. Lash, J. P. Roosevelt and Churchill 1939-1941: the Partnership that Saved the West / J. P. Lash. – New York: Norton, 1976. – 528 p.

Статья поступила в редакцию 29.11.2019

Vakulova, T. V. *The Confrontation Between Soviet and European Civilizations in 1939-1945*

The events of the Second World War of 1939-1945 are analyzed through the prism of civilizational theory. The USSR is seen as the core of Soviet civilization, which expanded its borders after the end of the war when the European socialist camp was formed. The author comes to the conclusion that the inter-civilizational confrontation took place between the USSR and the system of European states united by fascist Germany, between Soviet and European civilizations. The restoration of the borders of the former Russian civilization and the revival of the Orthodox Church in Soviet Russia became the meaning and result of the victory of the Soviet civilization over the European one in the world war of 1939-1945.

Keywords: civilization, territories, religion, Orthodox-Slavic, Western civilization, Germany, the USSR, the results of the war.

УДК 327.8

В статье анализируются особенности трансформации современных международных отношений. Отмечается рост конфликтного взаимодействия на международной арене, расширение круга акторов, в том числе появление негосударственных действующих лиц. Указывается, что обострение конфликта по типу «гибридной войны» презентует нам фигуру наемника. Подчеркивается, что наемничество как историческое явление, претерпев изменения, в современном мире трансформировалось в частные военные кампании, скрыто привлекаемые государствами для реализации своих интересов. Акцентируется внимание на возможных опасностях: повышение субъектности ЧВК, действие их зачастую вне рамок правового поля затрудняет урегулирование конфликтов, усиливает их непредсказуемость, а также размывает норму ответственности государства. Отмечается необходимость законодательного регулирования правового статуса частных военных компаний.

Ключевые слова: негосударственный актор, международные отношения, наемничество, частная военная компания, инструмент «гибридной войны», конфликт, «гибридная война», международное гуманитарное право.

Л. Н. Гарас, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: garas_ln@mail.ru

Н. И. Лебедь, студент-бакалавр

Севастопольский государственный университет

E-mail: dia.lebed@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ В «ГИБРИДНЫХ ВОЙНАХ»

Стремительное развитие высоких технологий и информационно-коммуникационная революция, существенно изменяя устоявшиеся правила игры на мировой арене, обуславливают трансформацию архитектуры современного миропорядка. Мировая система «вошла» в эпоху турбулентности и характеризуется разрушением и / или деградацией, что происходит вследствие нового этапа «предела ... ресурсов, непримиримого конфликта культур», отягощенного различного рода противостояниями и войнами [12]. Трансформация «знакового мира» начинает сопровождаться ростом трудно уловимых и всепроникающих «гибридных угроз». Следует особо отметить, что процессы гибридизации проявляются во многих сферах, тем не менее, в течение последних лет понятие «гибридный» получило широкое распространение применительно к политической сфере, а термины «гибридная война» и «гибридный конфликт» актуализировались в военно-политическом лексиконе касательно определения поведения государств на международной арене.

Целью статьи является рассмотрение феномена наемничества и его специфики в современных условиях, а также анализ некоторых аспектов деятельности ряда крупных частных военных компаний (ЧВК).

Проблематика «гибридных конфликтов» и «гибридных войн» детально прорабатывается в трудах ряда зарубежных ученых (Дж. Дер Дериан, М. Калдор, Ф. Хоффман [15] и др.). Так, например, военный историк Мартин ван Кревельд акцентирует внимание на становлении конфликтов нового типа («конфликты низкой интенсивности» [3]).

На разного рода аспектах «гибридных конфликтов» фокусируются и такие отечественные ученые как А. В. Манойло, С. В. Володенков, Н. А. Комлева, В. М. Родачин, П. А. Цыганков [10] и др. Например, военный эксперт Александр Александрович Бартош [1] проводит системное исследование современных конфликтов, акцентируя внимание на их эволюции в условиях глобализации и развития информационного общества; вводит понятие «детерминанты трансформации конфликтов», а также анализирует российскую модель противодействия конфликтам.

Следует отметить, что в отечественной и зарубежной науке отсутствует консенсус касательно самой концепции гибридизации современных конфликтов (мнения разделились: ряд специалистов считает, что различная мера гибридности в конфликте присутствовала всегда, однако, преимущественное большинство – подчеркивает уникальность данного явления, которое проявляется именно в современную эпоху).

Среди зарубежных исследователей вопросы деятельности частных военных компаний (ЧВК) анализируются в публикациях Р. Абрахамсен [13], К. Кинзи, М. Моррисон и др. Интерес российских ученых прикован преимущественно к политическому аспекту современных конфликтов и участия в них ЧВК. Так, исследователей М. А. Небольсину [5], А. И. Никитина, А. А. Сырхаева и др. интересуют вопросы регуляторной политики государств и международных организаций касательно частных военных компаний. И. П. Коновалов И. А. Сафранчук и др. фокусируют свое внимание на иных (моральных и т. п.) проблемных полях, связанных с деятельностью ЧВК.

«Гибридный конфликт» можно определить как качественно новый феномен мировой политики, отражающий вид межгосударственного противостояния, сочетающий в себе комплекс мер военного и невоенного воздействия на «мишень» (противника) в контексте реального времени. Следует отметить, что в современных теоретических и прикладных исследованиях война и вооруженный конфликт все чаще рассматриваются как однопорядковые явления, а их понятия как взаимозаменяемые, поскольку главным критерием в обоих случаях считается «некротметрический порог» [10, с. 9].

Особенностью гибридных конфликтов можно считать усложнение состава противоборствующих сторон. Так, современные условия продуцируют формирование такого явления как гибридизация субъекта ведения войны (активно используются нерегулярные формирования), то есть предполагают включение в него негосударственных акторов. Данная специфика способна не просто усилить энтропию и повысить градус накала конфликта, а и повлиять на развитие, выбор пути его разрешения, так как активная деятельность различного рода негосударственных действующих лиц способна привести к результату, иногда достаточно неожиданному и незапланированному.

Усиление перманентной конфликтности, размывание рамок, четко разграничивающих войну и иные формы взаимодействия межгосударственного соперничества, в некотором роде архайзируют войну, вводя ее в подобие средневековой реальности. Государство, хоть и остается ключевым актором политики, все же испытывает серьезные вызовы, в частности нападкам подвергается суверенитет.

Сегодня различные военизированные образования принимают активное участие в миротворческих миссиях, военных операциях и т. д., что самое главное, пользуясь определенной степенью независимости от государств, обладают широкими, хотя и достаточно спорными полномочиями. Данная ситуация становится возможной в силу частичной передачи правительствами прерогативы функции государства по применению силы в конфликтах частным военным структурам (компаниям). По словам доктора политических наук Людмилы Олеговны Терновой, обострение конфликта по типу «гибридной войны» презентует нам фигуру наемника, появление которой во многом определяется самим характером такой войны [9, с. 167]. Так, разворачивание конфликта вне правил существующего морального закона и юридических норм, инфлюация во все сферы общества, делает конфликт тотальным, а скрытое привлечение «солдат удачи» неотъемлемым элементом современности.

Феномен наёмничества имеет давнюю историю и развивается с процессом совершенствования как военного искусства, так и политики. Одно из первых упоминаний использования наёмников можно отнести к периоду Древнего Египта. Согласно историческим источникам в данном государстве половину армии составляли иностранные наёмники.

В эпоху эллинизма появляются «контракты». Так, один из первых известных относится к периоду правления Пергамского царя Евмена I (приблизительно III в. до н. э.). Так называемый «Договор с наемными воинами» детально прописывает условия найма, а именно: чередование службы (10 месяцев) с отпуском (2 месяца), указывается размер платы, а также величина компенсации (помощь) семье в случае гибели воина-отца.

Следует подчеркнуть, что развитие феномена наёмничества обуславливало нередко влияние самих наёмников на социально-политическую жизнь государства-полиса. С течением времени данный феномен постепенно трансформируется: если первоначально наёмники выступали в роли знатоков военного дела, то со временем – чаще стали позиционировать себя в качестве независимой социально-политической силы, обладающей способностью влияния на государство. К таким примерам в период Античности можно отнести Грецию, в которой, например, такие полисы как Сиракузы и Гераклея на какое-то время попадали под власть наёмников, последние, отказавшись выполнить приказ о подчинении нанявшей их стороне, совершили государственный переворот.

В эпоху феодализма актуализируется внимание к использованию наемников. К XI в. в среде крупных латифундистов и королей распространяется практика рекрутирования незначительных групп наёмников на военную службу. Со временем данный процесс привел к тому, что феодальное ополчение было существенно потеснено, а на рубеже XV – XVI веков окончательно сформировалась

система комплектования войск из наёмников. Распространённым явлением этого периода становится приобретение наёмных армий и флота в ряде стран, например, таких как Англия, Нидерланды, Испания и др. Стремительная колонизация земель Африки, Азии и Латинской Америки, раздел их на зоны влияния ведущими европейскими игроками (государствами) в эпоху Нового времени активизировали привлечение наемников на эти территории.

Однако, Великий промышленный переворот и оформление индустриального общества обусловили трансформацию феодальной раздробленности и оформление национальных государств (колониальный империализм). По мнению российского исследователя Павла Александровича Шашкина, сама Вестфальская система, формально закрепившая монопольное право государств на привлечение наемной военной силы, заложила тем самым и основы будущих профессиональных армий национальных государств, рекрутируемых из собственных граждан [11].

В традиционном понимании армия, как государственный институт, представляет собой вооруженные силы государства по выполнению функций сдерживания военных и военно-политических угроз безопасности и / или посягательств на интересы государства, а также по защите как внутреннего, так и внешнего суверенитета. В категориях американского политолога и эксперта по международным вопросам Джозефа Ная-младшего вооруженные силы государства относятся к такому понятию как «жесткая сила», под которой понимается способность международного актора навязать свою волю и тем самым обуславливать характер развития международных отношений в собственных интересах. И хотя, данная вышеуказанная категория в современных условиях сущностным образом модифицируется, по мнению Дж. Ная, «сила отнюдь не устарела, и никакие моральные принципы особенно не сдерживают ... негосударственных игроков на мировой сцене в отличие от государств, однако сила гораздо дороже обходится большинству государств и её гораздо сложнее применять в наше время в сравнении с прошлым» [4, с. 71]. Поэтому в целях лоббирования своих интересов государства скрыто используют новые инструменты. Одним из которых нынешнее время являются ЧВК.

И хотя, практика использования частной военной силы получает широкое распространение с 60-х гг. XX века, однако лишь в начале XXI века частные военные компании начали демонстрировать как военную активность в разных регионах мира, так и проявлять черты относительно самостоятельных экономических акторов военного сегмента мировой экономики.

Первая в современном понимании ЧВК «Watchguard international», учрежденная в Великобритании основателем воздушной спецслужбы Дэвидом Стирлингом, специализировалась на оказании услуг безопасности и охраны лидеров постколониальных стран. Данное направление работы обуславливалось намерением Великобритании восстановить свергнутый режим в Йемене (1967 г.). Однако, Великобритания осознавала, что прямое применение силы стало бы вызовом сверхдержавам СССР и США, которые объявили о признании установившегося порядка в Йемене. Поэтому предложение Д. Стирлинга о задействовании в операции частных военных охранных сил, состоящих из бывших офицеров воздушной спецслужбы, для обучения приверженцев монархии военному делу, поспособствовало созданию первой ЧВК.

В дальнейшем компания декларировала отказ от действий, направленных на насильственное свержение законных правительств и взаимодействие с режимами, враждебными Великобритании. Тем не менее, в 1969 году ключевыми целями операции «The Hilton» [17], разрабатываемой «Watchguard international», было свержение ливийского лидера Муаммара Каддафи, восстановление прежнего режима власти и освобождение свыше ста политзаключенных из ливийской тюрьмы силами 25 британских наемников. И хотя, данная операция была отменена Британской секретной разведывательной службой за несколько минут до ее начала, изложенные факты достаточно неплохо демонстрируют участие ЧВК в качестве своеобразного «игрока», способного влиять на ситуацию и корректировать архитектуру региона, не вынуждая государство-контрагента к открытым военным действиям.

Сегодня в мире официально зарегистрировано 450 ЧВК различных категорий, предоставляющий широкий перечень услуг. Согласно «Документу Монтрё» [2], одному из базовых по регламентации деятельности ЧВК, последние определяются как частные предпринимательские субъекты, оказывающие военные и / или охранные услуги, независимо от того, как они себя характеризуют. Под военными и охранными услугами подразумевается, в частности, вооруженная охрана и защита людей и объектов, например транспортных колонн, зданий и других мест; техобслуживание и эксплуатация боевых комплексов; содержание под стражей заключенных; и консультирование или подготовка местных военнослужащих и охранников и др.

Среди самых крупных частных военных компаний следует назвать, Academi (бывшая Blackwater), Kellogg, Brown and Root, DynCorp (США), Groupe-ЕНС (Франция) и др. Рассмотрим

некоторые из них. Так, история Academi, начинается с 1997 г., когда офицер «Морских котиков» Эрик Принс и тренер по стрельбе Эл Кларк создали частную компанию с названием «Black Water» (она же с 2009 г. Xe Services LLC). Штаб-квартира данной ЧВК находится в г. Мойок (Северная Каролина). Региональные представительства расположены Дубаи, Лагосе, Лондоне и Вашингтоне. Самые высокооплачиваемые контракты к компании поступают от Пентагона (2007 год – за выполнение операций на территории Ирака компания получила от правительства США 1 млрд. долларов). На 2013г. с компанией Academi заключил контракт на охрану дипломатических миссий Государственный департамент США (общая сумма - 92 млн. дол.) [6, с. 34]. Вместе с тем, Academi славится своей скандальной историей, в особенности инцидентами при проведении операций и охранительных действий. Примеры таких инцидентов: убийство охранника вице-президента Ирака сотрудником «Black Water»; инцидент 2007 года - отряд наёмников открыл стрельбу по мирному населению, находясь в составе конвоя с дипломатами Государственного департамента США и т.п.

Еще одна из крупнейших частных военных компаний DynCorp [7] (создана в 1946 г.), штаб-квартира находится в штате Вирджиния, а управление компанией осуществляется через офис в Техасе. Количественный состав около 14 тыс. чел. Компания предоставляет услуги по обслуживанию авиации военно-морского флота, а также самолетов и вертолетов на базе ВВС Эндрюс. Вместе с тем, компания предоставляла обучение большей части сил Ирака и Афганистана. DynCorp участвовала во всех самых значимых конфликтах XX века: Боснии, Колумбии, Сомали, Анголе, Косово и других. Основным заказчиком DynCorp является США; более чем 65% дохода компания получает от сделок с штатами. Общий доход организации превышает 3 млрд. дол. Данная компания считается самой «грязной», так как её сотрудники были замешены в торговле оружием, наркоторговле, отмывании денег и т.п.

В число крупных американских ЧВК входит Military Professional Resources Incorporated (MPRI) (создана в 1987г.). Следует отметить солидность состава компании: помимо прочих, в нее входят свыше 300 бывших генералов армии США. Предоставляет услуги военного, охранного, консалтингового направления армии США и иностранным правительствам более чем в 40 странах мира. Компания известна своими операциями в Хорватии, Боснии, Албании, Косово и других. Помимо американского правительства, MPRI «принимает заказы» и от других государств. Прибыль компании оценивается свыше в 150 млрд. дол.

Помимо компаний, зарегистрированных в США, своей деятельностью известны и Британские ЧВК, одной из них является компания Group 4 Securicor – G4S (история начинается 1901 год, однако современное воплощение получает лишь в 2004 г.). Данная ЧВК предоставляет широкий спектр услуг в 6 континентах и более чем в 125 странах мира. Количественный состав: свыше 600 тыс. сотрудников. Штаб-квартира находится в Лондоне.

Крупная деятельность компании связана в основном с контрактами, предлагаемыми правительством Великобритании: контракт на строительство частных полицейских участков и набор полицейских, обеспечение безопасности на олимпийских играх в Лондоне в 2012 г. и др. Компания также предоставляет услуги разминирования, консультирования, обучения и управления персоналом, иногда задействована в береговой охране. В Австралии компания предоставляет услуги охраны и транспортировки золота и драгоценных камней [14], а также управлением процессами задержания нелегалов в данной стране. Заработок G4S на 2015 г. составил 10,5 млрд. дол. [8].

Частные военные компании в современном мире становятся существенным элементом международной безопасности. Они работают во многих странах на всех континентах, за исключением Антарктиды. Рынок коммерческой частной безопасности не 2009 год был оценен в более чем 165 млрд. дол. (прогнозируемые ежегодные темпы роста – 8%) [13, р. 1].

Тем не менее несмотря на широкое участие частных военных компаний в разного рода конфликтах, в среде ученых, юристов и военных специалистов спорным остается вопрос касательно их акторности. Несомненно, ЧВК скорее играют роль инструмента, нежели полноценного актора в гибридных конфликтах. Они сравнительно дешевы, более гибкие и эффективные по сравнению с регулярной армией. Несомненно, их быстрое распространение и усиление в качественных характеристиках делает их чем-то большим, чем традиционное средство (армия).

Однако ввиду отсутствия транспарентности в деятельности таких компаний: основной целью является обогащение, ведь прежде, чем соглашаться на условия контракта, компания тщательно взвешивает все риски и возможные потери с предлагаемой прибылью. Также стоит учесть, что их деятельность напрямую зависит от контрактов. Иными словами, их деятельность не связана с распространением своего влияния на международной арене, а связана скорее, с увеличением своего рейтинга среди других компаний подобного типа и извлечением прибыли. Так, например, доктор

права Института международного права и правосудия (США) Зои Сальцман (Salzman) утверждает, что они как вещи берутся на прокат – «солдаты на прокат» [16, р. 874].

Ключевым вопросом современной повестки дня остается вопрос правового регулирования деятельности частных военных компаний и установления четко регламентированных норм ответственности. Так, например, 2-я часть «Документа Монтрё», носит рекомендательных характер в отношении взаимодействия ЧВК и государств.

На данный момент условно можно выделить две ключевые стратегии [5, с. 185-208] правового регулирования деятельности и статуса ЧВК. Первая (известна под названием «Швейцарская инициатива») стратегия саморегулирования фундируется на принципах саморегулирования и признания ответственности самих ЧВК за совершенные ими действия. К положительным аспектам данной инициативы можно отнести, например, создание Международного кодекса поведения ЧВК, начало введения практики мониторинга и лицензирования деятельности компаний силами экспертов Ассоциации кодекса поведения ЧВК т.д. Помимо этого, «Швейцарская инициатива» рассматривает взаимодействие ЧВК не только с государствами и международными организациями, а и с другими участниками международных отношений. Тем не менее данный подход имеет ряд недостатков, а именно: отсутствие обязывающего характера, что порождает проблемы нечёткого регулирования правовой ответственности, вопросы юрисдикции, а также сложности в применении санкций в отношении ЧВК, нарушивших международное гуманитарное право. По мнению представителей ООН, стремление к саморегулированию вызвано опасением ЧВК ужесточением правовой структуры органами ООН.

Другая стратегия (предложена ООН) является конвенциональным документом. Среди позитивных моментов здесь можно выделить: обязательство государств нести ответственность за созданные, лицензированные, а также за находящиеся с ними в контракте силовые структуры; регулярное предоставление отчетности в реестр ООН о деятельности, характере и масштабе переданных силовых функций и т.п. Однако, при всех положительных моментах у данного подхода также имеются недостатки. Ключевым из них является то, что государства, которые прежде пользовались услугами ЧВК, будут настаивать на пересмотре положений Конвенции или же просто не поддержат её принятие, что лишит её всеобщей универсальной обязательности.

Таким образом, в условиях современного конфликтного взаимодействия на международной арене повышается роль использования государством «стратегии не прямых действий», что позволяет ему оказывать косвенное влияние на конфликты и лоббировать свои интересы с помощью таких инструментов, в частности, как ЧВК.

В условиях гибридного конфликта такой феномен как частные военные компании требует к себе особо пристального внимания. С одной стороны они предоставляет государству ряд преимуществ, таких как возможность удаленного влияния на страну или регион, хорошо специализированную силовую структуру, частичное снятие ответственности и др. Но с другой стороны, при выборе ЧВК государство рискует поплатиться частью своего суверенитета, посредством делегирования своей военной функции частной компании. Все это способствует не только возрастанию их роли в конфликтах, а и повышению уровня их субъектности, то есть открывает возможности самостоятельно действовать в качестве негосударственного актора международных отношений.

На данный момент отсутствует единая стратегия по правовому регулированию статуса и деятельности ЧВК. Возможно, в дальнейшем выше упомянутые стратегии смогут конвергировать, что позволит достичь, с одной стороны, своевременной адаптации к постоянно трансформирующимся тенденциям международных отношений, а с другой – придать легитимный статус ЧВК, не затронув основы государственного суверенитета.

«Приватизация войны» чревата утратой государством своей позиции гаранта публично-политической власти в обществе, а также передачей функций обеспечения безопасности фирмам, стремящимся к извлечению прибыли, что представляется делом весьма сомнительным с конституционной точки зрения. Затруднительность контроля ЧВК и действий такого рода структур, зачастую осуществляющихся вне национального и международного правового поля, размывают норму ответственности государств и требуют четкого регулирования в рамках международного гуманитарного права.

Список литературы

1. Бартош, А. А. «Трансформация современных конфликтов» / А. А. Бартош // Вопросы безопасности. – 2018. – № 1. – С. 1-18.
2. Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных

компаний в период вооруженного конфликта. Приложение к письму Постоянного представителя Швейцарии при Организации Объединенных Наций от 2 октября 2008 года на имя Генерального секретаря. – URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/ihl-montreau.htm> (дата обращения 17.05.2019).

3. Кревельд, М. Трансформация войны / М. ван Кревельд / пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова; 2-е изд. – М.: ИРИСЭН, Социум, 2015. – 320 с.

4. Най, С. Джозеф (младший). Будущее власти / Джозеф С. Най / пер. с англ. В. Н. Верченко. – М.: АСТ, 2014. – 444 с.

5. Небольсина, М. А. Регулирование деятельности частных военных и охранных компаний. Сравнительный анализ политики международных организаций и мировых держав: монография / М. А. Небольсина. – М.: ИД «Международные отношения», 2018. – 238 с.

6. Пономарев, В. В. Частные военные компании: агенты стратегии не прямых действий / В. В. Пономарев // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2019. – Том 8. № 2(27). – С. 33-36.

7. Сайт частной военной компании DynCorp. – URL: <https://www.dyn-intl.com/> (дата обращения: 24.05.2019).

8. Сайт частной военной компании G4S. – URL: <https://www.g4s.com/> (дата обращения: 24.05.2019).

9. Тернова, Л. О. Наёмничество как элемент «гибридных войн» / Л. О. Тернова // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П. А. Цыганкова. – М.: Изд-во Московского университета, 2015. – С. 166-186.

10. Цыганков, П. А. Введение. «Гибридные войны: понятие, интерпретации и реальность» / П. А. Цыганков // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П. А. Цыганкова. – М.: Изд-во Московского университета, 2015. – С. 5-30.

11. Шашкин, П. А. Политические аспекты наёмничества / П. А. Шашкин // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2017. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-aspekty-naemnichestva> (дата обращения: 11.06.2019).

12. Яницкий, О.Н. «Турбулентные времена»: слоган или проблема социологии? / О.Н. Яницкий. – URL: https://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=508 (дата обращения: 11.06.2019).

13. Abrahamsen, R., Williams, M. Security Beyond the State: Global Security Assemblages in International Politics / R. Abrahamsen, M. C. Williams // International Political Sociology. – 2009. – Volume 3. – P. 1-17.

14. Forbes: что известно о частных военных компаниях. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/365421-biznes-na-krovi-cto-izvestno-o-rossiyskih-chastnyh-voennyh-kompaniyah> (дата обращения: 24.04.2019).

15. Hoffman, F. Conflict in 21 st century: the rise of hybrid wars / F. Hoffman. – Arlington: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. – URL: https://www.potomacinstitute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf (дата обращения: 20.05.2019).

16. Salzman, Z. 2008. Private Military Contractors and the Taint of a Mercenary Reputation / Z. Salzman // New York University Journal of International Law and Politics. – 2008. – Vol. 40 № 3. – P. 853-892.

17. The Hilton assignment. The attempted overthrow of Col. Quaddafi of Libya by mercenaries in 1969. URL: <http://www.mercenary-wars.net/hilton/> (дата обращения: 18.05.2019).

Статья поступила в редакцию 12.12.2019

Garas, L. N., Lebed, N. I. *Features of Participation of Private Military Companies in «Hybrid Wars»*

The article analyzes the features of the transformation of modern international relations. There is an increase in conflict interaction in the international arena, an expansion of the range of actors, including the emergence of non-state actors. It is indicated that the aggravation of the conflict as a «hybrid war» presents us with the phenomenon of a mercenary. It is emphasized that mercenarism as a historical phenomenon, having undergone changes in the modern world, have been transformed into private military campaigns, covertly attracted by states to realize their interests. Attention is focused on possible dangers: increasing the subjectivity of PMCs, their action often outside the legal framework makes it difficult to resolve conflicts, increases their unpredictability, and also blurs the norm of state responsibility. There is a need for legislative regulation of the legal status of private military companies.

Keywords: non-state actor, international relations, mercenarism, private military company, «hybrid war» instrument, conflict, «hybrid war», international humanitarian law.

УДК 314.15(450)

В статье исследуется ряд причин миграционного кризиса 2015 года, а также его особенности в Италии. Анализируется специфика интеграции мусульманской общины и китайского комьюнити в принимающее сообщество. Отмечается отсутствие стремления иммигрантов к интеграции в итальянское общество, причем вне зависимости от длительности проживания в государстве. Делается акцент на неоднозначной реакции местного населения к данному феномену, поскольку происходит анклавизация мусульманских и китайских общин. Подчеркивается, что данные процессы обусловили приход к власти популистских партий на выборах в парламент Италии 2018 года. Заостряется внимание на необходимости проведения адекватной миграционной политики и мер, направленных на интеграцию иммигрантов в итальянское общество.

Ключевые слова: миграционные процессы, Италия, мусульманское сообщество, китайская диаспора, популизм, миграционная политика, безопасность.

Л. Н. Гарас, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: garas_ln@mail.ru

СПЕЦИФИКА МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛИИ

Миграционные процессы, охватывая многие регионы и обретая глобальные масштабы, становятся магистральным вектором развития современного мира. Тем не менее многоаспектность данного феномена не позволяет охарактеризовать его однозначно. Конечно, миграции оказывают влияние как на страны-доноры, так и страны-реципиенты, однако, существенные коррективы данный феномен привносит в жизнь стран приема. Воздействуя на политику и экономику, миграционные процессы обуславливают культурно-психологическую трансформацию личностных особенностей самих мигрантов, а также меняют характеристики, принимающих сообществ в целом.

Миграционный кризис 2015 года не просто затронул все страны Европейского Союза, а вынудил лидеров европейских государств к поиску «адекватного ответа». Так, был принят пакет антикризисных мер: для сокращения потока мигрантов заключено соглашение с Турцией, приняты решения о сохранении пограничного контроля внутри Шенгенской зоны, широко используется такая «инновационная модель партнёрства» как сотрудничество по линии Африканский союз – ЕС – спецгруппа ООН, введена политика квотирования распределения мигрантов между странами ЕС и др. Следует отметить, что отсутствие эффективного миграционного режима в рамках ЕС поставило «под удар» жизнеспособность «единой Европы». А специфика механизма принятия решений в условиях стремительного развития ситуации стала свидетельством несоответствия темпов совещательной политики и скорости реагирования на сложившуюся ситуацию, в том числе и в области безопасности [9, p. 186].

Целью данного исследования является анализ специфики миграционных процессов в современной Италии. Предпринят анализ реакции итальянского государства и гражданского общества на миграционный вызов.

Тематика причин миграции достаточно детально проработана в научной зарубежной литературе Э. Г. Равенштайном, Дж. Зипфом, Э. С. Ли, С. Ебергом, Д. Массеймом и др. В трудах Г. С. Витковской, В. А. Ионцева, Л. Л. Рыбаковского и др. проводится анализ нелегальной миграции (причины, масштаб и последствия). Вопросам корреляции государственной политики и миграционных процессов посвящены работы Ю. Г. Ефимова, А. Ю. Краснова и др. Разнообразные аспекты особенностей иммиграционных процессов в ЕС анализируются в трудах Р. П. Скорого, К. Г. Березовского, Н. Н. Жуковой и др. О. Ю. Потемкина поднимает вопросы общеевропейского сотрудничества по внутренней безопасности ЕС. В работах Е. А. Масловой анализируются особенности самых крупных иммигрантских сообществ (локация проживания, занятость, угрозы и т. д.): особенности мусульманских общин (А. М. Понамарева, А. В. Веретевской, Н. Н. Большовой и др.), китайское комьюнити в Италии (К. Г. Муратшина, К. М. Табаринцева-Романова и др.). Следует отметить работы Е. Ю. Царевой, посвященные анализу миграционной политики современной Италии.

Миграции в Средиземноморском регионе, характеризуясь наличием специфических закономерностей, обладают определенной логикой развития и вектором направленности [6, с. 90]. Конечно, следует подчеркнуть полифакторность миграционных процессов (экономические причины, фактор территориальной близости и т. д.). Согласно эконометрической теории, предложенной в 1960-

е годы американским социологом Эвереттом С. Ли, на человека как в местах отбытия, так и прибытия влияют разные группы факторов: удерживающие, притягивающие и выталкивающие, характеризующиеся чрезмерной противоречивостью. Помимо них оказывают влияние всякого рода «вмешивающие препятствия» и ограничения (расстояние, цена на транспортные расходы, достаточность и полнота информации, стоимость жилья и др.). Э. С. Ли вписывает в миграционные процессы особенности и жизненные обстоятельства личности, которая делает осознанный выбор. Согласно идеям Э. С. Ли основа выталкивания / притяжения мигрантов – это разница потенциалов стран и регионов. В дальнейшем данная концепция получила широкую популярность и была дополнена рядом принципиальных положений. В частности, С. Еберг предложил факторы миграции подразделять на мягкие (бедность, социальное неравенство, безработица) и жесткие (экологические катастрофы, гуманитарные кризисы, военные конфликты) в зависимости от разной степени воздействия на индивида. И хотя, по Э. Ли, человек сам принимает решение относительно миграции, тем не менее оно напрямую связано со складывающейся конфигурацией притягивающих и отталкивающих факторов, то есть потенциальный мигрант всегда оценивает оправданность трудностей и опасностей, сопутствующих процессу переезда.

Миграционные подвижки в регионе Средиземноморья показали, что для большинства мигрантов факторы «притяжения» (привлекательность «европейского образа жизни») оказались менее значимы по сравнению с факторами «выталкивания», которые вынудили иммигрантов покинуть свои дома, уйти из безнадежных условий проживания в лагерях беженцев стран транзита, прибегнуть к услугам контрабандистов. Согласно отчету агентства Frontex, уже в 2014 году наблюдался рост количества таких «посредников»: с 7 252 в 2013 году до 10 234 в 2014 году [7]. 96% прибывших мигрантов заявили об использовании услуг сетей криминальных сообществ для незаконного въезда в ЕС [11]. Следует особо подчеркнуть, что не контрабандисты способствовали всплеску нелегальной миграции, они просто отреагировали на сложившийся запрос, предоставляя поездки для потенциальных беженцев, в обмен на деньги. Таким образом огромные потоки людей, рискуя своей жизнью и жизнью своих детей, готовы были переправиться и переправлялись разными маршрутами, в том числе и морем в Южную Европу (в 2015 году государства ЕС сообщают о том, что свыше 1 млн. чел. незаконно пересекли границы, что в шесть раз превысило число обнаружений, зарегистрированных в 2014 году) [10]. Такие опасные «путешествия» не для всех заканчивались удачно, поэтому Средиземное море иногда сравнивают с «кладбищем» нелегальных мигрантов.

В данном контексте особо следует подчеркнуть сложность объективной оценки смертности среди нелегальных мигрантов из-за невозможности точного подсчета пропавших без вести. Агентство Frontex сообщает лишь о количестве обнаруженных тел в ходе проведенных операций. Так, в 2015 году в районе Средиземноморья таких было зарегистрировано 470, что на 112% больше по сравнению с 2014 годом. Тем не менее, по оценкам Международной организации по миграции, данная цифра больше – пропало без вести или умерло свыше 3 700 человек.

Несмотря на общий «вызов», в каждой стране ЕС миграционные процессы обладают своеобразием. Особой привлекательностью в региональных перемещениях населения обладает итальянское государство. Сегодня мигрантов в Италии насчитывается свыше 8 % населения, а иммигрантская среда характеризуется разнообразием этнического состава. Следует отметить неравномерность географической локации иммигрантов по территории страны, то есть представители того или иного этноса оседают в определенных регионах страны. Самая крупная православная диаспора в Италии – румынская, однако, Румыния входит в страны Европейского Союза и миграционный кризис 2015 года мало с ней связан.

Современная миграционная динамика в Италии коррелирует с увеличением присутствия мусульман в стране, преимущественно из Северной Африки и Балкан (крупные исламские общины в порядке убывания): марокканская - свыше четверти всех мусульман (около 450 тыс.чел.); албанская (немного менее 300 тыс. чел.); община мусульман из Бангладеш (около 100 тыс.чел.) и т. д. Тем не менее несмотря на достаточно существенную этническую разнородность просматривается единая характеристика - религиозная (мусульманская). Марокканцы проживают преимущественно на Севере Италии (Ломбардия, Эмилия-Романья, Пьемонт), занимаясь торговлей (как оптовой, так и розничной), также присутствуют в сферах социальных услуг и здравоохранения. Следует отметить специфику албанской диаспоры: располагается в северной и центральной частях Италии (Ломбардия, Эмилия-Романья, Тоскана), работают в промышленной сфере и строительстве.

Сегодня мусульмане в Италии составляют около трети иностранцев (свыше 1,6 млн. человек), а к 2020 году - предположительно 4,9 % населения страны, опережая по динамике другие группы населения, в частности христиан. В данном контексте особо актуализируется вопрос правового

регулирования исламского присутствия в поликонфессиональном сообществе, учитывая неоднозначное отношение местного населения как к мусульманам, так и к беженцам в целом.

Поэтому в целях недопущения латентизации ислама, в феврале 2017 года между итальянским государством и исламскими общинами (представляют более 70 % мусульман) заключен первый официальный документ – «Национальный пакт для ислама в Италии», который призван стать основой обеспечения институционального диалога государства с широким спектром ислама. Теперь мусульманские организации обязаны не только сформировать реестр своих имамов, а и проповедовать на итальянском языке, что, конечно, вызвало неоднозначную реакцию. Тем не менее этот документ является свидетельством прогресса отношений, так как давно созрела необходимость в едином официальном представительстве относительно разрозненных исламских общин как в целях налаживания диалога с государством, так и для решения насущных проблем исламской уммы в Италии. Именно религиозные общины могут внести большой вклад в консолидацию всего гражданского общества, а так же сформировать «фронт» против жесткого фундаментализма, которому можно противостоять только вместе с мусульманами, а не без или против них.

Еще одной особенностью итальянского государства, как и многих стран мира (154 страны [5]) является наличие китайского комьюнити. На фоне пристального внимания к иммигрантам из стран Ближнего Востока и Северной Африки диаспора из Китайской Народной Республики как-то не особенно приметна. Тем не менее сегодня происходит достаточно быстрый рост количества мигрантов из КНР: если по состоянию на 1997 г. в Италии насчитывалось до 32 тыс. китайцев со статусом постоянно проживающих (3,5 % от общего числа выходцев из стран, не входящих в состав ЕС), то на 1 января 2016 г. эта цифра увеличилась до 333968 чел. (8,5 % от общего числа жителей государств, не входящих в состав Евросоюза) [8]. Проживают преимущественно на севере Италии (Ломбардия – 22,3%; Тоскана 21,3% (провинция Флоренция и Прато – около 19% китайцев); Венето – 12,7%) [8]. Конечно, китайская иммиграция в Италию имеет уникальные особенности, отличающие ее от других групп мигрантов в этой стране, а именно: темпоральность и триггеры миграционных потоков.

Особо следует отметить низкий уровень безработицы китайской общины в сравнении с другими. Многие китайские иммигранты в Италии управляют малым бизнесом в секторах потребительских товаров и производства. Преобладающим сектором занятости у китайского сообщества – коммерция (свыше 40% занятых), а также промышленность (около 30%) и гостиничный бизнес (свыше 20%) и т.д.

Интересен факт, что сегодня предприятия, управляемые китайцами, вытеснили ряд итальянских подрядчиков. Данное явление связано с тем, что итальянские производители, стремясь адекватно реагировать на изменения, затронувшие их бизнес, концентрировались на производстве товаров высшего класса и нанимали на работу небольшое количество представителей китайской диаспоры. Однако, спустя некоторое время китайцев обвинили в нелояльной конкурентной практике, так как китайские мигранты, часто действуя вне узаконенных правил игры, успешно занимали нишу итальянских мастеров. Справедливости ради следует указать ряд преимуществ китайских иммигрантов, а именно: повышенная работоспособность, дешевизна выполняемых работ, быстрота в обслуживании и т. д. Поэтому в целях сокращения издержек производства ряд итальянских домов моды стали привлекать труд китайских иммигрантов. Например, сегодня широко известен такой центр производства итальянского текстиля и других товаров тосканский город Прато, в котором управляют китайские мигранты (фактически «отобрав» бизнес у местных производственных династий).

Однако, нельзя не обратить внимание на относительно высокую степень криминализации деятельности мигрантов из Китая: использование труда нелегалов; ужасающая санитарная ситуация на предприятиях, которые для многих являются как местом работы, так и местом проживания; фальсификации документов; финансовые преступления и т. п.

Сохраняя тесную связь с родиной и не желая интегрироваться в принимающее сообщество, китайская община живет обособленно, существует и структурируется, исходя из особенностей своего менталитета, а на «ущемление» своих прав реагирует молниеносно, устраивая акции протеста, вступая в столкновение с итальянскими стражами порядка, при этом получает поддержку со стороны МИДа Китая (жесткие комментарии и ноты). По факту китайское сообщество в Италии (и других странах) потенциально выступает в качестве латентного ресурса КНР по лоббированию интересов и дестабилизации ситуации в стране.

Конечно, массовый приток иностранцев и их анклавизация вызывают неоднозначную реакцию коренного населения страны, наблюдается превалирование настроений обеспокоенности в итальянской среде, некоторая часть которой настроена достаточно враждебно, а иногда и агрессивно

(например, нападения на мигрантов). Указанный тезис подтверждают данные опроса 2013 года, проведенного Немецким Фондом Маршалла. Согласно которому, в Италии иммиграцию как проблему, а не ресурс развития экономики, воспринимает 46% респондентов [12, р. 71]. Свыше половины опрошенных – 52% [12, р. 67] усматривают в ней дополнительную нагрузку на социальную сферу.

Рост объема миграционных потоков, а особенно кампания по секьюритизации иммигрантов как в традиционных, так и в новых медиа, несомненно нагнетают атмосферу. Однако, если предположить, что численность иммигрантов будет составлять, например, 20 % населения страны, то это будет достаточно затруднительная ситуация. Иммигранты смогут более четко артикулировать свою точку зрения и отстаивать свои интересы, оказывая активное влияние на традиции принимающего сообщества, навязывая свои порядки и нравы. В таком случае населению принимающего сообщества останется небогатый выбор действия: либо соглашаться со всем этим, либо каким-то образом противостоять [1].

Поэтому сегодня вопросы миграции являются ядром политической повестки, обуславливая распространение тенденций поправления электоральных предпочтений. Политизация данного вопроса, формирование образа «врага» в лице иммигрантов создают ситуацию в которой всегда удобно перекладывать вину за просчеты в социально-экономической, культурной политике, а так же разыгрывать «карту миграции» в политической игре. Так, тема «вторжения мигрантов» и увязка её с «евроскептицизмом», став ключевой в парламентской избирательной кампании Италии 2018 года, обеспечила правый поворот, а позиции, занятые политическими партиями в ходе избирательной кампании, сделали триумфаторами – правоцентристскую коалицию (набрала в целом 37% голосов) [4], (основная доля – это националисты из «Лиги Севера» М. Сальвини (17,5%), партия С. Берлускони «Вперед, Италия» (14%)) и популистскую партию «Движение пяти звезд» (около 32%).

«Движение пяти звезд» и «Лига» в июне 2018 года, проявив общность интересов, в первую очередь в вопросах иммиграции, сформировали первое в Западной Европе популистское правительство – так называемое «правительство изменений». Так, в октябре 2018 г. премьер-министр Италии М. Сальвини лично предложил пакет мер, направленных на поддержание безопасности (так называемый «декрет Сальвини», который оппозиционные силы сравнили с «расовыми законами») [2]. Иммиграционные ограничения, принимаемые на волне подыгрывания избирателю, могут иметь негативные последствия для межэтнических отношений и перспектив социально-экономического развития страны-реципиента, так как достаточно велик риск усечения востребованных экономикой страны контингентов иммигрантов. Таким образом, итальянское государство, длительный период проводя «политику открытых дверей», в сфере миграции постепенно трансформируется в сторону «полного отказа» от приема мигрантов под лозунгом «Остановите вторжение!» и даже запрета беженцам въезда в Рим [3].

Однако деятельность данного правительства была недолгой и в конце августа 2019 года премьер-министр Италии Джузеппе Конте объявил об окончании своей работы в данном правительстве. Правительственный кризис был спровоцирован лидером партии «Лига» Маттео Сальвини, а именно конвергенцией его личных амбиций (повышение своего рейтинга и т. д.) и партийных интересов (рост политического веса партии «Лига», которая, набрав свыше 34% голосов, получила серьезную победу на выборах в Европарламент в противовес «Движению», которое набрало – 17% голосов; миграционная политика, спровоцировавшая новому миграционному кризису относительно приема мигрантов и т. д.). Так, вице-премьер Сальвини, ранее заявил о существенных разногласиях в коалиции и призвал к проведению новых выборов.

4 сентября 2019 года Дж. Конте формирует свое второе правительство (союз популистов «Движения пяти звезд» и левоцентристов «Демократической партии»), которое быстро зарекомендовало себя как более проевропейское и более приемлемое для Брюсселя. Можно отметить, что новое правительство выступает своеобразным «окном возможностей» в Италии, потому что не апеллирует к тематике мигрантов в качестве ключевой для своей пропаганды, превращая миграцию в экзистенциальную угрозу. Однако, это не означает сдачу интересов Италии и никоим образом не связано с массовым притоком мигрантов, а, скорее, наоборот, коррелирует с стремлением урегулирования данной проблемы и снижением градуса накала секьюритизации нелегальной миграции в итальянском обществе.

Таким образом, в современном мире миграция стала одним из главных факторов политического процесса глобального и регионального уровней. Вектор миграционных устремлений достаточно конкретен и направлен в страны «богатого Севера» со стороны глобального «Юга». Усугубление глобального неравенства, усиление разрыва в уровнях жизненного благополучия, расширение

географии военных конфликтов, дестабилизация стран и регионов обуславливают нарастание миграционного притока в страны Европы.

Своеобразием отличаются процессы миграции в Италии. Мусульмане, как и мигранты из Китая не стремятся интегрироваться в принимающее сообщество, сохраняя свой уникальный уклад жизни вне зависимости от длительности проживания в итальянском государстве.

Миграционные процессы, инспирируя создание обществ с доселе не встречавшимся социокультурным разнообразием, обуславливают не просто рост напряженности, а приводят к политизации данного вопроса. Ни один избирательный цикл в большинстве стран ЕС, в том числе и в Италии, сегодня не обходится без острых столкновений политических акторов относительно миграционной политики. Тем не менее применение только репрессивно-запретительных мер не приносит желаемого результата, так как сбалансировать миграционные процессы и обеспечить стабильное развитие общества призвана адекватная система государственного управления и шаги, предпринимаемые гражданским обществом.

Список литературы

1. Апанович, М. Мигранты «топят» Евросоюз / М. Апанович. – URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/docu-ment276929.phtml> (дата обращения: 24.01.2019).
2. Оппозиция Италии сравнила декреты Сальвини с «расовыми законами». – URL: <https://regnum.ru/news/2490999.html> (дата обращения: 29.01.2019).
3. Послы 10 стран ЕС не смогли договориться о приеме мигрантов с судна Diciotti. – URL: <https://mir24.tv/news/16319445/v-es-ne-smogli-dogovoritsya-o-prieme-migrantom-v-sudna-diciotti> (дата обращения: 12.12.2018).
4. Правый поворот: чем закончились парламентские выборы в Италии. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/03/2018/5a9d0af59a7947765f541be7> (дата обращения: 29.11.2018).
5. Ходова, С. С. Роль «Хуацяо» в формировании политики открытости КНР / С. С. Ходова, Е. А. Федорова // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2015. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-huatsyao-v-formirovani-politiki-otkrytosti-knr> (дата обращения: 12.11.2019).
6. Чихарев, И. А. Миграционные процессы в регионе Средиземноморья: итальянский контекст / И. А. Чихарев, Л. Н. Гарас // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2018. – № 5. – С. 90-109.
7. Annual Risk. Analysis 2015. – URL: https://frontex.europa.eu/assets/Publications/Risk_Analysis/Annual_Risk_Analysis_2015.pdf (дата обращения: 20.10.2019).
8. Chinese community. Annual report on the presence of migrants in Italy. Exclusive summary. 2016. – URL: http://www.integrazionemigranti.gov.it/Areetematiche/PaesiComunitari-e-associazioniMigranti/Documents/ES_CINA_en.pdf (дата обращения: 09.11.2019).
9. Hintjens, H. Failed Securitisation Moves during the 2015 “Migration Crisis» / H. Hintjens // International Migration. – 2019. – Vol. 57 (4). – P. 181-196. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/imig.12588>
10. Risk Analysis for 2016. – URL: https://frontex.europa.eu/assets/Publications/ Risk_Analysis/Annula_Risk_Analysis_2016.pdf (дата обращения: 15.11.2019).
11. Risk Analysis for 2017. – URL: https://frontex.europa.eu/assets/Publications/Risk_Analysis/Annual_Risk_Analysis_2017.pdf (дата обращения: 10.11.2019).
12. Transatlantic Trends 2013. Topline Data. GMF. – 2013. – 95 p. – URL: <http://docplayer.net/53911692-Transatlantic-trends-topline-data-2013.html> (дата обращения: 28.01.2019).

Статья поступила в редакцию 25.11.2019

Garas, L. N. Specifics of Migration Processes in Modern Italy

The article examines a number of reasons for the migration crisis in 2015, as well as its features in Italy. The author analyzes the specifics of integration of the Muslim community and the Chinese community into the host community. Immigrants show no desire to integrate into Italian society, regardless of the length of their residence in the state. The emphasis is on the ambiguous reaction of the local population to this phenomenon, since the enclavization of Muslim and Chinese communities is taking place. It is emphasized that these processes led to the rise to power of populist parties in Italian parliamentary elections of 2018. Attention is drawn to the need for an adequate migration policy and measures aimed at integrating immigrants into Italian society.

Keywords: migration processes, Italy, the Muslim community, the Chinese Diaspora, populism, migration policy, security.

УДК 316.346.2(4-015)

Анализируются подходы и теории гендерной политики в региональном аспекте. На примере стран Большого Средиземноморья анализируются распространенные механизмы утверждения гендерного равенства. Используя показатели Индекса гендерного равенства, авторы делают вывод о дисбалансе реализации гендерной политики в странах Большого Средиземноморья.

Ключевые слова: гендер, гендерная политика, страны Большого Средиземноморья, регионоведение.

В. Д. Нечаев, профессор, д-р полит. наук, ректор СевГУ

Севастопольский государственный университет

А. В. Гришина, доцент, канд. психол. наук

Севастопольский государственный университет; Севастопольский экономико-гуманитарный институт филиал Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

E-mail: nast_kostsova@mail.ru

М. В. Косцова, доцент, канд. психол. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: mashasev@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ТЕОРИИ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ)

Современная политическая система строится на утверждении принципа социальной справедливости. Но отсутствие четких механизмов внедрения комплексного гендерного подхода в политику, а также недостаток фундаментальных научных исследований по проблеме гендерной политики нивелирует роль гендерных факторов в политической, социальной и экономической сферах. Гендерное равенство – не политическая самоцель, а предпосылка преодоления бедности, устойчивого развития и внедрения эффективного управления. Утверждение гендерного равенства не сводится к сфере защиты прав только женщин. Эта проблематика охватывает права человека в целом: как мужчин, так и женщин. В сфере гендерного равенства невозможно достичь результатов в отношении одного пола без учета статуса и возможностей другого. В демократическом обществе не может быть дискриминационной практики.

Таким образом, **целью** данной статьи является изучение политики гендерного равенства в странах Большого Средиземноморья с точки зрения регионального подхода.

Гендерное равенство законодатель определил как равный правовой статус женщин и мужчин и равные возможности для его реализации, что позволяет лицам обоих гендеров принимать равное участие во всех сферах общественной жизни, несмотря на исторические, религиозные и мировоззренческие стереотипы. Также гендерные отношения получают отражение во властных отношениях и определяют политические возможности женщин и мужчин.

Как известно, понятие «гендер» появляется в социально-гуманитарном знании второй половины XX в. как производное от понятия «пол» («sex») – биологическая основа человека [1]. Однако, гендер является не биологическим, а социокультурной категорией: индивид не получает «гендер» сразу же после рождения, а приобретает в процессе включения в общественную жизнь, что свидетельствует о социальном детерминизме понятия. В целом исследователи выделяют несколько наиболее распространенных определений понятия «гендер», где он понимается как социальный конструкт, который образуется благодаря институтам социализации, культуры, общественного разделения труда и политической системы.

Многомерное, развивающееся, по-разному толкуемое многочисленными исследователями понятие «гендер» стало в последней трети XX столетия центральной категорией междисциплинарной научной области знания под названием «гендерные исследования». Различие между двумя терминами «sex» (биологический пол) и «gender» (социокультурный пол) ввели психолог Роберт Столлер и эндокринолог Джон Мони [2]. Появление понятия «гендер» ни исторически, ни логически не случайно. Этот термин принадлежит английскому языку и западной цивилизации, в русском языке он скалькирован с английского.

Можно сказать, что «гендер» является составной частью современного процесса глобализации, понимаемого как вовлечение всего мира в единые универсальные процессы, начавшиеся ещё в период великих географических открытий XV века, что перевернуло всю систему социальных и

экономических отношений в обществе. Именно западная цивилизация исторически и теоретически подошла к такому этапу своего развития, когда необходимость гендерных изменений и гендерного анализа стала необходимостью.

Капиталистическое производство вовлекло огромные массы народа в свою систему, для повышения своей эффективности оно нуждалось в дешёвых рабочих руках. Таковыми не в последнюю очередь оказались руки женщин. Женщины стали выходить из частной, «невидимой» сферы общественной жизни в «видимую» сферу – общественное производство. К тому же перипетии XX столетия ставили перед женщинами проблемы не просто личного (семейного) выживания, но общественного выживания, где роль женщины постоянно усиливалась. Так вошла на политическую арену первая волна феминизма.

Складывающиеся демократические режимы ставили на повестку дня признание избирательных и иных законодательных прав женщин. К этому их подталкивала первая волна женского движения, поднявшаяся в конце XIX – начале XX-го веков. В этот период во многих странах мира женщины постепенно получили права не только участия в политической жизни, но одновременно права на получение высшего образования. Ни экономика, ни политика, ни образование не могли уже мыслиться без участия и представительства женщин.

Мощным импульсом вовлечения женщин во все общественные процессы и завоевание ими значимых общественных позиций во всём мире стала Октябрьская революция 1917 года в России, образование СССР, и политика так называемого «государственного феминизма», последствия которого для самих советских женщин были и позитивными, и негативными. Таким образом, на протяжении многих десятилетий гендерная теория ассоциировалась только с усилением роли женщин в обществе. Этот акцент был связан с историческими факторами. В современном мире была изменена стратегия в сторону стратегии гендерного равенства в контексте взаимосвязи мужского и женского гендера.

Исходя из выше описанных фактов, политика гендерного равенства рассматривается сквозь призму прав человека третьего поколения, специфика которых состоит в их коллективном характере. Если права человека первых двух поколений защищают индивида, то коллективные права – определенные социальные группы, требующие дополнительных гарантий для защиты своих прав и возможностей. Именно такими социальными группами выступают женщины и мужчины. Для исследования политики гендерного равенства важна концепция устойчивого развития. Современные гендерологи активно используют сравнительную методологию, институциональный и структурно-функциональный подходы, что дает возможность сравнить политико-правовые основы политических институтов и процессов в разных странах мира, по которым определяют показатели индексов человеческого и гендерного развития как атрибута репрезентативной демократии. Таким образом, гендерные исследования – это междисциплинарная исследовательская практика, реализующая возможности гендерного подхода для анализа социальных и политических изменений.

Из выше сказанного можно определить следующие этапы развития научной мысли относительно роли и места женщин и мужчин в политике [4]:

- 1) от древних времен до XVIII века: идеи о неравном положении женщины и мужчины в общественно-политической жизни;
- 2) XIX – начало XX века: формирование концептуальных подходов к проблеме равенства прав женщин и мужчин, историко-политические предпосылки появления гендерной теории;
- 3) начало XX века – 70-е годы XX века (разграничение в научной мысли общественных ожиданий женщин и мужчин, что обусловило развитие гендерной идентичности);
- 4) с 70-х годов XX века до наших дней (зарождение и развитие гендерной теории и институционализация гендерных исследований).

Политика гендерного равенства взаимосвязана с развитием демократии. Гендерная составляющая определяет уровень демократичности страны, является ее «лакмусовой бумагой». Гендерное равенство не утверждается в недемократическом обществе. В то же время власть является недемократической, если не учитывает гендерную составляющую развития общества. Наличие низкой политической воли и неприятие гендерной проблематики как важной составляющей политического процесса свидетельствует о недемократичности политической элиты и слабой организованности общества, что не солидарно во влиянии на власть. Политика гендерного равенства направлена на утверждение гендерных подходов во всех сферах жизнедеятельности общества и является специфическим в каждой стране, поскольку зависит от политического режима, особенностей системы органов публичной власти, степени развитости гражданского общества, уровня политической культуры.

Политическое гендерирование (как процесс) каждой страны имеет особое социально-структурное конструирование, основанной на идентичности и институциональном аспекте. Специфика политики гендерного равенства обусловлена общими тенденциями и особенностями

реализации прав и возможностей женщин и мужчин в конкретный период общественного развития. В целом, признанная на глобальном уровне стратегия обеспечения гендерного равенства называется «гендерный приоритет» («gender mainstreaming»), была представлена в Пекинской платформе действий и утверждена официально на Четвертой Всемирной конференции по положению женщин в Пекине в 1995 г.

Гендерный приоритет предусматривает реорганизацию, совершенствование, формирование и оценку политических процессов таким образом, чтобы участники процесса принятия политических решений использовали гендерный подход во всех областях политики и на всех этапах. Существующие различия между мужчинами и женщинами учитываются для определения негативных последствий, а не поддержки неравенств или иерархий, сложившихся в обществе. Гендерный приоритет применяется, например, в бюджетных процессах, так называемому гендерному формированию бюджета: то есть, это – гендерная оценка бюджетов, использование гендерного подхода на всех уровнях бюджетного процесса и реструктуризация доходов и расходов с целью содействия гендерному равенству. Таким образом, обеспечение гендерного равенства происходит путем реализации более справедливой государственной политики, идеи равных прав и возможностей для мужчин и женщин на всех уровнях ее реализации.

Идея и ценность гендерного равенства воплощается, прежде всего, на государственном уровне. Политика государства, направленная на обеспечение равных прав и возможностей женщин и мужчин определяется как гендерная политика. Исследовательница гендерной политики Н. Грицьяк [4] определяет государственную гендерную политику как действия органов государственной власти по решению проблем обеспечения гендерного равенства в обществе, а именно:

- обеспечение одинакового общественного статуса мужчин и женщин;
- обеспечение равных условий реализации прав человека для мужчин и женщин;
- обеспечение одинаковых возможностей использования социальных и экономических ресурсов для мужчин и женщин;
- обеспечение равных возможностей для мужчин и женщин делать свой вклад в национальное, политическое, социальное, экономическое, культурное развитие;
- обеспечение равного права для мужчин и женщин иметь одинаковую пользу от результатов их деятельности.

Исходя из представленных индикаторов, можно выделить, что гендерная политика в мире по критерию гендерного равенства имеет следующую типологию: патриархатная; патерналистская; эгалитарная.

Сущность патриархатной политики заключается в иерархическом распределении возможностей женщин и мужчин в общественной жизни, причем женщины ограничены исключительно частной сферой. Патерналистская политика – это политика, при которой статус и возможности женщин и мужчин определены и регулируются государством. Эгалитарная политика основывается на равенстве прав и возможностей для женщин и мужчин во всех сферах жизнедеятельности общества.

Можно выделить феномен гендерирования с точки зрения влияния территории на формирование гендерной политики. Такими константами могут быть:

1. факторы физической географии;
2. история региона;
3. политические процессы: государственные институты; внутренняя и внешняя политика; система международных отношений;
4. экономика региона;
5. социальная структура;
6. этнокультура и религиозная структура.

В основном, государственная политика стран Большого Средиземноморья относительно утверждению политики гендерного равенства относится к смешанному типу, поскольку в ней сочетаются патриархатные, патерналистские и паритетные тенденции. Их развитие обусловлено внешними и внутренними факторами.

Главным субъектом внешних гендерных преобразований выступают международные институты и процессы глобализации. Международные конвенции и рекомендации играют важную роль в продвижении гендерного равенства в странах Большого Средиземноморья и непосредственно влияют на их внутреннюю политику. Внутриполитическими факторами утверждения гендерного равенства в данных странах являются органы государственной власти, органы местного самоуправления, политические партии, общественные организации, СМИ и другие социальные институты.

Внедрение равных прав и возможностей женщин и мужчин требует поиска оптимальной модели национальных и региональных механизмов. Мировой опыт подтверждает полисубъектность этого процесса. Наиболее распространенные механизмы утверждения гендерного равенства в мировой политической практике:

- конституционное внедрения гендерного равенства (Словения, Франция);
- специализированные законы из равных прав и возможностей женщин и мужчин (Германия);
- омбудсмен из равных прав и возможностей женщин и мужчин (Босния и Герцеговина, Испания, Словения);
- парламентские структуры по утверждению гендерного равенства (Испания, Франция);
- правительственные структуры обеспечения гендерного равенства (Турция);
- координационно-совещательные органы власти гендерной политики (Греция);
- советники по гендерным вопросам (Италия, Германия, Франция);
- гендерная статистика (Италия);
- общественно-политические объединения;
- международные донорские структуры.

Таким образом, в странах Большого Средиземноморья полным ходом реализуется гендерный мейнстриминг. Учет позитивного мирового опыта (в первую очередь опыт Скандинавских стран) в преодолении гендерного неравенства позволит осуществить преобразования быстрее и эффективнее.

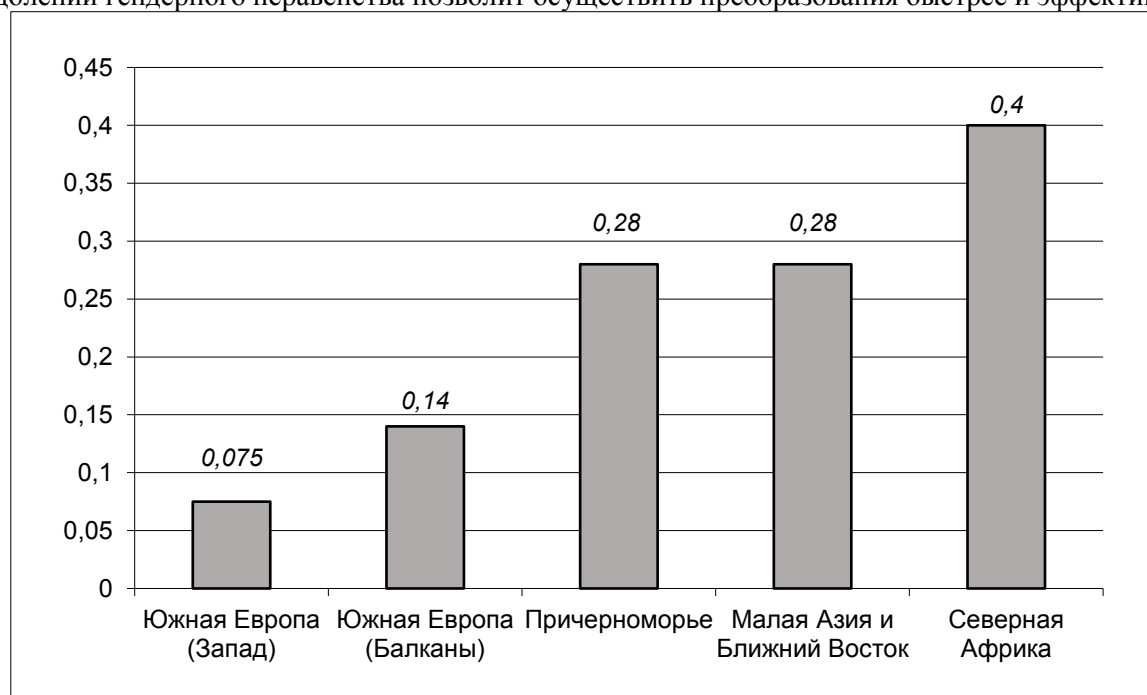

Рисунок 1. Усредненные данные по регионам Большого Средиземноморья по Индексу гендерного равенства³

Важным контекстом изучения гендерной составляющей политических процессов в Большом Средиземноморье является Индекс гендерного равенства по версии ПРООН [3]. Это комбинированный показатель, который измеряет достижения страны с точки зрения равноправия гендеров. Индекс измеряет достижения страны с точки зрения достигнутого уровня равноправия полов по трём основным показателям:

- охрана репродуктивного здоровья;
- гражданские права и возможности;
- возможности на рынке труда.

По результатам данного индекса по странам Большого Средиземноморья была получена следующая картина (Рис. 1).

Условные обозначения:

Страны Южной Европы: Португалия, Испания, Андорра, Франция, Монако, Италия, Сан-Марино, Мальта, Швейцария, Австрия, Германия, Гибралтар.

Страны Южной Европы (Балканы): Венгрия, Албания, Северная Македония, Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Черногория, Сербия, Болгария, Румыния, Греция.

Страны Причерноморья: Молдавия, Украина, Россия, Абхазия, Грузия.

Малая Азия и Ближний Восток: Турция Кипр Северный Кипр Сирия Ливан Израиль Палестина Сектор Газа Иордания.

³ В исследовании приняли участие только признанные государства.

Страны Северной Африки: Египет Ливия Алжир Тунис Марокко.

Исходя из Рис.1 можно утверждать, что наиболее высокие показатели по гендерному индексу в странах Западной Европы (индекс составил 0,075), что свидетельствует о реализации демократических свобод в данном субрегионе Большого Средиземноморья. На втором месте по индексу гендерного равенства находятся страны Южной Европы. На Балканах существуют все возможности для реализации прав и свобод мужчин и женщин в социуме. Напомним, в данных странах главные политические акторы – женщины. Страны Причерноморья и Ближнего Востока индекс примерно одинаков – 0,28, что тоже достаточно хороший показатель (62 место мирового рейтинга данного индекса). Самый низкий показатель в странах Северной Африки – индекс составляет – 0,4. Это означает, что существует перекося в распределении ресурсов между мужчинами и женщинами в соотношении (40 % к 60 %).

Исходя из анализа, можно сделать вывод, что в странах Большого Средиземноморья существует дисбаланс реализации гендерной политики. Причинно-следственные связи еще предстоит выявить. В рамках данной работы мы попытались выделить переменные, которые влияют на формирование гендерной политики. Для этого мы взяли показатели по Индексу гендерного равенства ПРООН, коэффициент фертильности и ВВП по ППС по странам Большого Средиземноморья и с помощью программного обеспечения «STATISTICA 6.0» была построена корреляционная матрица (Таб. 1).

Correlations			
	Индекс гендерного равенства	Коэффициент фертильности	ВВП по ППС
Индекс гендерного равенства	1	0,782727	0,0839
Коэффициент фертильности	0,782727	1	0,319849
ВВП по ППС	0,0839	0,319849	1

Таблица 1. Результаты статистической обработки данных с помощью программного обеспечения «STATISTICA 6.0»

Исходя из данных таб. 1 можно констатировать, что существует взаимосвязь между индексом гендерного равенства и коэффициентом фертильности ($r = 0.78$ при $p \leq 0,05$). Это свидетельствует о том, что реализация гендерной политики влияет на уровень рождаемости в конкретном регионе.

Таким образом, мы статистически доказали важность реализации гендерного подхода, который позволяет сформировать социально справедливую структуру реализации прав и свобод человека в современном государстве.

Список литературы

1. Аристова, М. В. Современные гендерно ориентированные технологии достижения гендерного равенства / М. В. Аристова // Гендер как инструмент познания и преобразования общества: материалы межд. конф. «Гендерные исследования: люди и темы, которые объединяют сообщество» (Москва, 4-5 апреля 2005 г.) / [ред.-сост. Е. А. Баллаева, О. А. Воронина, Л. Г. Луныкова]. – М.: РОО МЦГИ, 2006. – С. 180-187.
2. Воронина, О. А. Феминизм и гендерное равенство / О. А. Воронина. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.
3. Индекс гендерного равенства по версии ПРООН. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/gender-equity-index-un/info> (дата обращения: 12.10.2019)
4. Ярош, О. Б. Гендерна реконструкція політичної системи / О. Б. Ярош // Гендерні стратегії сталого розвитку України : кол. моногр. / [за наук. ред. Л. С. Лобанової]. – К. : Фенікс, 2004. – 432 с.

Статья поступила в редакцию 23.12.2019

Nechaev, V. D. Grishina, A. V., Kostsova, M. V. Modern Approaches and Theories of Gender Policy: Regional Aspect (on the Example of the Great Mediterranean Region)

The article deals with the approaches and theories of gender policy in the regional aspect. Using the example of the countries of the Great Mediterranean region, the authors analyze common mechanisms for asserting gender equality. Using the indicators of the gender equality index, the authors conclude that there is an imbalance in the implementation of gender policies in the countries of the Great Mediterranean region.

Keywords: gender, gender policy, countries of the Great Mediterranean region, regional studies.

Статья посвящена анализу революционной теории американского литературоведа М. Хардта и известного итальянского политического философа А. Негри, в которой изучается новая глобальная форма суверенитета, проникающая во все слои социального порядка и сопровождающаяся новой логикой и структурой управления – «Империя». В статье империологическое исследование М. Хардта и А. Негри рассматривается в контексте дискуссии о суверенитете и применимости ее положений к политической практике последних десятилетий. Также автор анализирует «неоимперскую идею» как одну из ведущих мировых концепций и элемент новой глобальной идеологии.

Ключевые слова: «новый суверенитет», Империя, М. Хардт, А. Негри, биовласть

Е. В. Скребец, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: l_skrebec@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ «ИМПЕРИИ» М. ХАРДТА И А. НЕГРИ

Размышления о будущих формах государственности в начале XXI ст. и развитие новых форм социокультурной интеграции способствовали возрождению интереса к имперским проблемам. Интеллектуальным ответом на глобальные вызовы представителями западной политической науки были названы новые модели политического управления современным миром – как, например, концепция транснациональной державы У. Бека, образцом которой он считает современную Европу. Этот исследователь констатирует, что в формирующемся космополитическом режиме шансы игроков в значительной степени зависят от их самоидентификации, и прогнозирует возникновение в складывающейся системе транснациональных организаций, объединенных общими интересами, и национально-интернациональных всемирных партий (или соответствующим образом переориентированных и реорганизованных партий), которые будут отражать и укреплять пространство транснационального опыта и горизонты транснациональных ценностей [1, с. 77].

Западные политологи пишут о нескольких имперских аспектах современной политической реальности. Прежде всего, в западной геополитике имперская терминология широко используется в исследованиях полуформального мирового правительства. Имперская форма рассматривается как средство не простого участия в глобализационных процессах, но достижения в них лидирующих позиций. Примером концептуального исследования глобальной политической конфигурации является политический бестселлер «Империя» американского литератора М. Хардта и итальянского политического философа А. Негри, получивший положительные отзывы в таких изданиях, как «New York Times», «Foreign Affairs», «Time», «London Observer». Опираясь на труды Фукидида, Ливия, Тацита, эти авторы полагают, что рождение империи вызывается ее способностью разрешать конфликты и обеспечивать расширение сферы консенсуса, поддерживающего ее власть. По их мнению, уже в XVIII в. Э. Сиейес отмечал зарождение тоталитаризма в понятиях национального и народного суверенитета, и предвидел будущее того, что может быть названо «тоталитарной демократией» [2, с. 114].

В своей монографии М. Хардт и А. Негри обращаются к юридическому понятию империи, прежде всего, римскому имперскому праву и европейской имперской традиции. Универсальность имперской идеи, по их мнению, состоит в ее этико-политической динамике, соединении этического и юридического принципов. Двумя изначальными координатами, определяющими имперскую модель власти, по их мнению, являются юридическое право на введение чрезвычайного положения и возможность использования полицейских сил [2, с. 31]. Основным признаком появления глобальной Империи, соответственно, является реабилитация понятия «справедливая война» («bellum justum»), а индикатором процесса построения Империи выступают новые правовые образы: способы наделения властью и легитимные инструменты насилия.

Согласно концепции «Империи», нормативную основу нового порядка заложило функционирование ООН и реализация проекта международного взаимодействия, являвшегося исторической ступенью, которая привела к становлению глобальной системы. Она основана на идее единой власти, определяющей политику крупнейших империалистических держав, единообразной их структуризации и общего понятия права, постколониального и постимпериалистического). По мнению авторов «Империи», современный наднациональный порядок должен определять внутригосударственные нормы. Наднациональные субъекты более не должны обосновывать свои действия нормами международного права (как, например, ООН), они вправе руководствоваться

«универсальными ценностями», «высшими моральными принципами» под предлогом возможности возникновения чрезвычайных обстоятельств. Формирующаяся имперская власть, по их мнению, является наукой управления порядком в целях разрешения непрестанно возникающих чрезвычайных ситуаций, основанной на практике справедливой войны [2, с. 32]. Специализированные учреждения ООН и крупнейшие транснациональные финансовые и торговые организации могут быть легитимированы в условиях современности только в качестве символов имперского порядка. Эти бесполезные сейчас институты, по мнению авторов концепции «Империи», могут способствовать «формированию и обучению административного персонала имперской машины», «дрессировке новой имперской элиты» [2, с. 43].

М. Хардт и А. Негри признают, что колониализм основан на жесткой борьбе, «которая должна начинаться вновь и вновь» и обосновывают положение, что насилие является необходимым основанием самого колониализма [2, с. 128]. Они констатируют аналогичность тактики европейского империализма до Первой Мировой войны и современной международной политики США, но утверждают принципиальную новизну неоимперской формы господства. Современному постмодернистскому миру, по их убеждению, соответствует имперский глобальный суверенитет, который представляет собой американский суверенитет, распространенный на весь мир, который «не аннексирует или уничтожает другие державы, с которыми он сталкивается, но, напротив, открывается для них, включая их в сеть» [2, с. 160]. Имперская форма государственности, согласно этой концепции, является наиболее эффективной в условиях современного исторического процесса, так как осуществляет детерриториализацию, которая создает условия для освобождения масс – «сил живого труда». Одновременно, одной из основных задач современности Хардт и Негри называют противостояние новому захвату власти массами [2, с. 81]. Проблема же политического участия решается в этой концепции через права глобального гражданства. Империалистическую расистскую практику они предлагают заменить на свободную конкуренцию, «рыночный отбор культур» в постоянно расширяющейся империи.

Империализм, по убеждению Хардта и Негри, – это борьба национальных государств за всемирную экспансию своих капиталов. Именно в этом пункте империализм, с точки зрения Негри и Хардта, перестает быть применим к нынешней эпохе, когда «Империя остается одна». Авторы «Империи» с симпатией цитируют работы Каутского, который еще в 1910-х годах предсказывал перерастание империализма в «ультраимпериализм», то есть наднациональное объединение капиталов и прекращение их соперничества. Хардт и Негри также проводят аналогию новой имперской модели и пролетарского интернационализма, который являлся наднациональным и глобальным. Более того, по их мнению, пролетарский интернационализм и борьба за коммунизм, отраженные во всех наиболее мощных революционных выступлениях XIX – XX вв., явились катализатором процессов капиталистической глобализации и формирования всемирной имперской формы. Отличием нового имперского порядка от тоталитаризма XX в. должна стать главенствующая роль власти нового наднационального права. Легитимация новой имперской машины, по их мнению, будет обеспечена индустрией коммуникаций. В настоящий момент, как утверждают Хардт и Негри, коммуникативное производство шагает рука об руку с конструированием имперской легитимации, имперская машина «сама себя легитимирует и воспроизводит, то есть является аутопойетической или системной» [2, с. 45].

В отличие от традиционного империализма, современная империя рассматривается авторами не как способ правления, а как порядок, который исключает ход истории, закрепляя существующее положение, и распространяясь на все уровни социума. Происходящие процессы глобализации являются переходом к империи постсовременности, которая представляет собой совершенную форму биовласти, обращенную к вечному и всеобщему миру [2, с. 14].

Новую имперскую парадигму Хардт и Негри описывают в позитивных терминах, и признают иерархической системой, централизованным конструированием норм и масштабным производством легитимности, развертывающимся в мировом пространстве [2, с. 28]. По их мнению, устанавливаемая системная тотальность приведет к эффективному консенсусу под эгидой верховной власти, способной преодолевать конфликты и кризисы современности. Необходимость его достижения объясняется возможностью империй разрешать глобальные кризисы, их способностью к установлению и поддержанию порядка. Однако, как признают авторы, сам процесс формирования глобальной империи сопровождается системными изменениями и перманентным кризисом. Произошедшие трансформации материального биополитического устройства современных обществ и имперские интеграционные процессы, по их мнению, уже привели к созданию новой суверенной наднациональной всемирной власти: «Империя» современности является новой формой суверенитета, новым режимом глобальных отношений, в котором допустимы горизонтальные, сетевые взаимодействия и способы контроля. Элементами имперского устройства современного мира

являются иерархически расположенные на первом уровне единственная сверхдержава – США и некоторые национальные государства, контролирующие важнейшие рычаги финансовой системы и объединенные в ряд организаций (G7, Парижский и Лондонский клубы, Давосский экономический форум и т.д.); военные и финансовые объединения, обладающие глобальной властью в разных сферах. Второй ярус составляют сетевые структуры, созданные ТНК на мировом рынке, и основная масса национальных государств, объединенная в региональные организации и подчиненная им. Третий, наиболее широкий ярус, – это группы, представляющие интересы населения в системе мировой власти, сдерживающие и легитимирующие народное представительство, правительственные и неправительственные организации. Хардт и Негри считают возможным сопоставить эту модель с моделью, предложенной Полибием (с отличием лишь в содержании структур) [2, с. 290-292].

Соединенные Штаты, как считают авторы, были «автором откровенных и жестоких империалистических проектов», однако Конституцию США они признают «имперской», а не «империалистической» – она основана на модели выстраивания заново открытого пространства и воссоздания бесконечно размытых и сингулярных отношений сетевого типа на неограниченной территории [2, с. 169, 174]. Внутренние конституционные американские процессы в настоящее время расширяются и превращаются в основу современного имперского строительства, «открытого пространства» имперского суверенитета.

Стратегия сопротивления глобализации, принятой левыми, является по мнению М. Хардта и А. Негри вредной, так как она «затемняет и даже отрицает действительные альтернативы и возможности освобождения, имеющиеся внутри Империи» [2, с. 56]. Различные проявления фундаментализма в современном мире также могут считаться симптомом перехода к «Империи» и неприятием сил, возникающих в новом имперском порядке. Противостоять неконвенциональным проявлениям призвана мощь глобальной империи, представляющей собой носителя абсолютной разрушительной силы, абсолютную противоположность силы жизни (с точки зрения ядерного оружия) [2, с. 321]. Средствами имперского контроля являются деньги и современные системы коммуникации: одним из наиболее мощных видов мирного оружия нового мирового порядка авторы называют неправительственные гуманитарные организации («Международная амнистия», «Оксфам» и т.п.), которые «погружены в биополитический контекст устройства», предвосхищают власть ее благотворительного вмешательства и готовят сцену для военной интервенции. Вмешательства представителей западной цивилизации в этнические конфликты оправдываются авторами «Империи», так как они укрепляют ткань международных отношений, обеспечивая легко поддающийся контролю «материал», и являются репрессивными или превентивными мерами, конструирующими новые территориальные и политические образования, более функциональные по отношению к устройству имперской модели [2, с. 48]. Таким образом, в изложении А. Негри и М. Хардта, империя – это политический субъект, который регулирует глобальные обмены и потоки; вид суверенной власти, правящий современным миром. Суверенитет, согласно этой теории, приобрёл новую форму и стал представлять собой серию национальных и наднациональных организмов, объединённых единой логикой правления.

Западные политологи проводят параллели между описанной М. Хардтом и А. Негри моделью глобально империи, с одной стороны, и практической деятельностью НАТО – с другой (М. Куус и др.). Имперская политическая форма рассматривается западными авторами – представителями позитивного дискурса империи – как идеальный тип глобальной политической системы, который позволяет успешно решать острые вопросы и проблемы мировой политики, такие как обеспечение международной безопасности, конфессионального мира, защита центра и развитие регионов. Декларируется формирование имперских институтов, которые способны обеспечить большую прозрачность принятия политических и экономических решений на глобальном уровне, и имперских принципов межэтнического содействия, которые призваны способствовать предотвращению глобальных социальных конфликтов.

Западные исследователи инициируют имперский дискурс, соответствующий реализации стратегий безопасности, прежде всего, стран «коллективного Запада». В данном контексте термин «империя» наиболее полно отражает содержание и особенности их национальных американских интересов, геополитических приоритетов в отношении распределения сил в мире; практики современного империализма рассматриваются как вариант приспособления западного общества к реалиям «постнационального» мира.

Анализ имперских аспектов формирующейся модели мироустройства позволяет осмыслить принципиально новую ситуацию, складывающуюся в мире, и роль имперской модели в контексте эпохальных изменений. Опираясь на западные политические традиции, согласно которым империя понимается как мир и гарантия справедливости для всех народов цивилизации, представители политической науки либо констатируют уже сложившееся положение, либо прогнозируют варианты

дальнейшей институционализации новой глобальной системы, представляющей собой архитектуру миропорядка. Империю в качестве легитимной политической структуры современная политическая наука рассматривает в связи с тем, что только такая политическая система способна ответить на вызовы эпохи постмодерна. С имперской – идеальной формой сосуществования многоконфессиональных и полиэтнических крупных обществ – западные авторы связывают проведение политики антимонопольного контроля и трудовой занятости, экологической политики и программ социального обеспечения в глобальных масштабах. Приводятся доказательства того, что имперская парадигма власти является более приспособленной к нынешним условиям с учетом циклических системных кризисов. Имперский порядок, который предполагается закрепить при помощи информационных технологий, сетевых, правительственных и неправительственных организаций, преподносится как адекватный ответ на кризисные, критические международные ситуации, а империя – как современное конституирование власти на наднациональном уровне. Неоимперские конструкции признаются единственными возможными средствами преодоления глобального цивилизационного кризиса.

Оценивая возможность процесса политической гомогенизации мира, западные авторы констатируют отсутствие ясного идеологического обоснования имперских намерений существующих сверхдержав, и, одновременно, предполагают их разрыв с традиционными ценностями; легитимируют процессы закрепления достигнутых преимуществ и перераспределения силовых центров в мире, заведомо неприемлемые для многих цивилизаций и вызывающие к жизни альтернативные проекты мироустройства представителей незападных культурно-цивилизационных сообществ.

Таким образом, в зарубежной политологии достаточно подробно проработаны вопросы формирования и развития империи в целом, и соответствия процессов глобализации имперской модели государственного строительства. Концепция М. Хардта и А. Негри является лишь одной из многих в этой тематике и можно констатировать, что проблема имперских политических технологий, прежде всего, правовых основ функционирования и легитимации внешнеполитической деятельности современных сверхдержав, является актуальной и востребованной в западной науке. Имперский тип правления в XXI веке легитимируется в глобальном масштабе.

Исследования, в которых империя рассматривается как проект нового планетарного порядка, управляющего глобальным пространством, представляют собой одно из магистральных направлений геополитических исследований. Общей тенденцией указанных исследований является анализ через призму имперской идеи процессов и институтов наднационального характера в целом и использования их как инструмента осуществления геополитической экспансии. «Неоимперская идея» является одной из ведущих мировых концепций и элементом новой глобальной идеологии: современная структура планетарного пространства не позволяет повторить на глобальном уровне демократизацию, которая имела место в условиях национального государства, поэтому лучшим политическим устройством, которое может предложить западная историческая практика государственного строительства в данных условиях, представляется империя.

Список литературы

1. Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / У. Бек; [пер. с нем. А. Б. Григорьева, В. Д. Седельника]. – М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 464 с.
2. Хардт, М. Империя; [пер. с англ., под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова] / М. Хардт, А. Негри. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.

Статья поступила в редакцию 5.12.2019

Skrebets, E.V. The Concept of «Empire» by M. Hardt and A. Negri

The article is devoted to the analysis of the revolutionary theory of the American literary critic M. Hardt and the famous Italian political philosopher A. Negri, which studies a new global form of sovereignty that penetrates all layers of the social order and is accompanied by a new logic and management structure – «Empire». The author considers the research of Empire by M. Hardt and A. Negri in the context of the discussion about sovereignty and the applicability of its provisions to political practice of recent decades. The author also analyzes the «neo-imperial idea» as one of the world's leading concepts and an element of a new global ideology.

Keywords: «new sovereignty», Empire, M. Hardt, A. Negri, biopower

Поднимается тема роли личности в истории, в частности, на крутом, переломном ее повороте. Проблема конкретизируется постановкой вопроса о роли Верховного главнокомандующего в Великой Отечественной войне. Анализируется деятельность И. В. Сталина на этом посту. Отмечается, что в первые месяцы войны сказывалась недостаточность оперативно-стратегической подготовки Сталина, когда он мало советовался с работниками Генштаба, командующими фронтами и проявлял склонность к единоличному принятию решений. Делается акцент на том, что ход войны вынудил Сталина опереться на коллективный опыт военачальников. К 1942 году процесс роста Сталина как полководца завершается. После Сталинградской и Курской битв он поднялся до вершин стратегического руководства. Делается вывод о том, что в период стратегического наступления советских вооруженных сил Верховный главнокомандующий проявил все основные качества успешного полководца. Он умело руководил действиями фронтов, в его лице советское военное искусство превзошло немецко-фашистскую военную школу. Лично Сталин достойно справился с возложенной на него миссией Верховного главнокомандующего.

Ключевые слова: история, личность, Великая Отечественная война, Верховный главнокомандующий, Сталин.

А. А. Чемшит, профессор, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: histphilsoc@sevsu.ru

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ: СТАЛИН КАК ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

Вопрос о роли личности в истории никогда не терял своей актуальности и значимости. В предельно широком (философском) его трактовании автор придерживается реалистической (материалистической) позиции, исходя из того, что масштаб личности обуславливается, в конечном счете, постановкой и объемом исторических задач. Другими словами, из исторического движения выкристаллизовывается личность, соразмерная вызовам истории. «Великий человек велик тем, – писал Г. В. Плеханов, – что у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени, возникающим под влиянием общих и особенных причин... Великий человек... видит дальше других и хочет сильнее других... он решает..., он указывает..., он берет на себя почин. Он – герой» [7, с. 333].

В политической жизни историческая личность рассматривается в качестве сильного лидера. Сильный политический лидер появляется тогда, когда в обществе возникает потребность в таком типе лидерства. Чем стабильнее общество, тем меньше оно нуждается в сильном лидере, так как действует механизм социального саморегулирования общественных структур. Когда общество вступает в период фундаментальных перемен, лидер может: во-первых, оказать влияние на выбор наиболее целесообразной политики, на то, в каком направлении и насколько последовательно будет развиваться общество, т. к. на переломных этапах истории существует несколько путей решения проблем, несколько вариантов развития; во-вторых, изменить политическую ситуацию так, чтобы она позволила ему добиться своих целей и свободы действий; в-третьих, влиять на народные массы и своих сторонников, изменяя их убеждения, ценности и отношения, оправдывая их ожидания и удовлетворяя их потребности.

Еще более конкретно выглядит вопрос о роли военачальника в системе вооруженных сил, о взаимоотношениях полководца и армии в целом. В одном кинофильме о службе на военно-морском флоте есть характерный эпизод: только что назначенный командир подводной лодки, обращаясь к экипажу, формулирует суть военной, в данном случае флотской, жизни: «Вы без меня – ничто, а я без вас – никто. Вместе же мы – непобедимая сила!».

Нам представляется, что выяснение места и роли Верховного главнокомандующего в ходе и исходе Великой Отечественной войны «зависло» в части военно-исторического исследования и не получило однозначной оценки на политическом уровне. С подачи Н. С. Хрущева, в академическую среду, в народное сознание внедрилось субъективное мнение о том, что Сталин был плохим полководцем, который, не владея стратегией, только мешал командовать войсками маршалам и генералам; не владел ситуацией и, не бывая на фронтах, управлял «по глобусу»; не доверяя разведке,

«прозевал» внезапное нападение в 1941 г.; будучи предельно жестоким человеком, не щадил солдатских жизней; «неправильно» оборонялся и «неправильно» наступал и т. д., и т. п. Вершиной абсурдного понимания роли Верховного главнокомандующего в истории Великой Отечественной войны явился либеральный слоган: «Войну выиграл советский солдат не благодаря Сталину, а вопреки ему».

Подобная позиция не имеет ничего общего ни с логикой, ни с моралью. Ни одно сражение из всех известных в истории не было выиграно без военачальника, тем более такая война, как Великая Отечественная. Такая позиция одновременно является и безнравственной, поскольку она не только неадекватна, но и несправедлива.

Начнем с трагедии 22 июня 1941 г. Сталина обвиняют в недооценке ситуации, чрезмерной осторожности, недоверии разведанным и т. п. Мы придерживаемся иного мнения: должных оснований для подобных обвинений не существует. Формулировка «о внезапности нападения» Германии была придумана некоторыми генералами для того, чтобы взвалить на Сталина вину за неудачное начало войны и оправдать просчеты военного командования в этот период. В действительности, начиная с 24 мая 1941 г. Сталин неоднократно предупреждал военных о грядущем в ближайшем же будущем нападении Германии. В этот день Сталин подписал приказ, оповещающий командующих западными военными округами о предстоящем в самые ближайшие дни нападении и о необходимости в связи с этим приведения вверенных им войск в полную боевую готовность [6, с. 321]. До мая 1941 г. Сталин последовательно проводил свой стратегический замысел: максимально оттянуть начало войны и подготовить армию к отражению германской агрессии [5, с. 247]. На то были свои причины и основания. Сталин надеялся на то, что Франция со своим потенциалом способна продержаться 6 месяцев. Кроме этого, война на два фронта – не по правилам военного искусства и расчет на то, что против СССР Гитлер пойдет, лишь покончив с Англией, был серьезным аргументом. Все это оставляло шанс отодвинуть войну до лета 1942 г. Но уже в мае 1941 г. Сталин понял, что начало войны неотвратимо. Все его усилия не поддаваться провокациям истощены, надо переходить от стратегии отсрочки начала войны к новой стратегии, соответствующей создавшейся ситуации.

После начала немецко-фашистского вторжения Сталин вступил в должность Верховного главнокомандующего. Насколько оправданно было такое решение? Ведь Сталин не был профессиональным военным деятелем. На наш взгляд, безусловно оправданно и единственно верно. В тот предельно трудный период не существовало иного решения, чем объединение в одном лице функции политического, государственного, экономического и военного руководства. У нас была только одна возможность: немедленно превратить страну в военный лагерь, сделать фронт и тыл единым целым, подчинить все наши силы задаче разгрома немецко-фашистских захватчиков. С присущей ему энергией, основательностью и четкостью управление страной было переведено на военный лад. В кратчайшие сроки были созданы и начали функционировать Ставка Верховного Главнокомандования, обновленный Генштаб, система эвакуации, организована работа тыла. На все ответственные должности назначались достойные военачальники и командиры. Вся страна сразу же ощутила железную волю Сталина разгромить врага, непоколебимую уверенность в том, что в этой справедливой народной войне мы одержим победу. Сталин вел себя так, как и подобает вести себя в военное время. Оба его сына отправились на фронт, старший погиб.

Надо признать, что Сталин, принимая на себя руководство Вооруженными Силами, не обладал в полной мере военными знаниями, какие требовались в области новейшего оперативного искусства. Но у него был опыт гражданской войны, он знал процесс советского военного строительства и развития военного дела. Однако решающим, думается, являлся громадный политический авторитет Сталина на грани мистического доверия к нему армии и народа [1].

Сталин на ходу овладевал искусством полководца. Для этого он выезжал на фронт, чтобы на месте ознакомиться с положением дел. В 1941-1942 гг. он посетил Можайский, Звенигородский и Солнечногорский оборонительные рубежи. На Волоколамском направлении он побывал в 16-й армии Рокоссовского, посетил дивизии генерала Панфилова. Через три дня после знаменитого парада 7 Ноября Сталин выезжал в войска, чтобы лично осмотреть прибывшие из Сибири дивизии. В 1942-1943 гг. он по-прежнему практиковал выезды в войска и побывал на Западном фронте, у генерала Соколовского, и Калининском, у генерала Еременко. Для того, чтобы досконально знать обстановку на фронтах, Сталин направлял туда представителей Ставки ВГК, требуя от них ежедневных докладов и донесений. За период войны таких поездок было более 60. Кроме того, Сталин 157 раз принял командующих фронтами с докладами о предстоящих операциях. 1413 раз он принимал различных руководящих работников Вооруженных Сил. В суровую осень 1941 г., когда решался вопрос о судьбе

Москвы, было принято решение об эвакуации правительства и Верховного Совета. Сталин, отдавая себе отчет, что его отъезд будет расцениваться армией и народом как неуверенность в победе, принял решение остаться в столице и разделить её судьбу [8].

Трудно переоценить политическое и мобилизующее значение инициативы Сталина о проведении торжественного собрания и военного парада, посвященных 24 годовщине Октябрьской революции. Анализ причин наших временных неудач, уверенность и убедительность манеры общения с народом, пророческое предсказание «Наше дело правое – победа будет за нами!» послужили механизмом сплочения и воодушевления армии и народа на борьбу с агрессором. Не лишним будет заметить, что эти две сталинские акции повергли в шок германское командование. Противник не мог не осознавать, что парад 7 Ноября – это не просто военный парад, а это Парад военно-политический, Парад-вызов, Парад-презрение к врагу.

Возглавив Ставку Верховного Главнокомандования, Сталин постепенно установил эффективный и деловой стиль ее работы. Если рассматривать этот стиль, начиная с осени 1942 года, то его характеризовали: опора на коллективный опыт при разработке оперативно-стратегических планов, высокая требовательность, оперативность, постоянная связь с войсками, точные знания обстановки на фронтах.

Составной частью стиля работы самого Верховного главнокомандующего являлась его высокая требовательность. Причем она была не только суровой, что, собственно, оправданно в военное время. Он, не взирая на прежние заслуги человека, не прощал нечеткость в работе, неумение довести дело до конца. Сталин был выдающимся организатором. Он сам много работал, умел также заставить работать в полную меру сил других, выжать из них все, что они могли дать [3].

Сталин плотно и неуклонно руководил всеми отраслями оборонной промышленности. Он поименно знал практически всех руководителей экономики и Вооруженных Сил, вплоть до директоров заводов и командиров дивизий. Буквально день и ночь по телефонам он торопил директоров танковых, артиллерийских, авиационных заводов: «Давайте быстрее и больше вооружения!». Труженики тыла после эвакуации держались на пределе человеческих возможностей, ещё не развернули производство на полную мощь в плохо приспособленных помещениях. Зачастую станки ставили на бетонные основания и начинали работать, а уж потом возводили стены и крыши. Но раз фронт требует, раз Сталин приказал – надо выполнять заказ.

Сталин придавал большое значение созданию резервов. Во многих операциях он вводил свои резервы в кульминационные моменты, чем достигал успеха в пользу своих войск как в оборонительных, так и в наступательных операциях. Кроме формирования резервов, которые обеспечивали советским войскам неоднократно успех, нельзя обойти вниманием одно «мероприятие», колоссальное по своей стратегической значимости. Без этой сталинской инициативы вообще могла не состояться легендарная Сталинградская эпопея.

Когда Гитлер нанес удар по Кавказу, на пути к бакинской нефти, а затем и в направлении Сталинграда, Сталин раньше других понял, что в случае, если они достигнут намеченной цели, страна, а значит, и армия, будет разрезана пополам и останется без горючего. Все железные дороги в европейской части нашей территории будут перекрыты. Возможность перегруппировки войск с Севера на Юг и обратно, а также снабжение их всем необходимым нарушатся. Особенно это касалось обеспечения горючим, которое шло тогда, в основном, из кавказских источников.

Осознав эту опасность, Сталин приказал срочно создать запасы нефти на Урале. Верховный побеспокоился о том, что, в случае временного захвата Баку и Сталинграда, созданные запасы нефти помогут продержаться, пережить этот кризис. Сталин приказал также срочно построить железную дорогу вдоль левого берега Волги для подвоза горючего и снабжения защитников Сталинграда. В предельно сжатый срок, под непрекращающимся огнём противника, дорога была построена. Цена предвидения Сталина очевидна: если бы рокадная железная дорога на берегу Волги не была построена, ни окружение, ни уничтожение армии Паулюса могли не состояться [4].

По ходу войны Сталин из стратега политического превратился в полноценного военного стратега. По признанию огромного числа людей из разных стран мира, Сталин был чрезвычайно широко образованным, эрудированным человеком, с тонким знанием дела разбиравшимся, в том числе, и в важнейших военных вопросах, актуальных проблемах военной теории и науки. Помощник и консультант Сталина по военным вопросам генерал П. А. Ермолин отмечал: «Как военного специалиста, меня поражало в Сталине то, что он, формально штатский человек, гениально разбирался в военных вопросах. Знания Сталина и в области экономики, и в области стратегии, и тактики были глубоки и обширны, поражали присутствовавших исключительной четкостью постановки и объяснения обсуждаемых задач» [6, с. 367].

Так, уже сражение на Курской дуге показало зрелое полководческое мастерство Сталина на всех этапах: при подготовке оборонительной операции, а затем быстрой перегруппировке и переходе в контрнаступление, в мастерском проведении грандиозного наступления в целом. Весь комплекс военных действий осуществлялся Сталиным уверенно, твердо, демонстрировал полное превосходство в военном искусстве над немецкими полководцами, противостоящими ему по ту сторону фронта.

По признанию многих маршалов и адмиралов, все основные предложения о ведении войны исходили от Сталина. Более того, зарождение идеи той или иной операции и воля Верховного главнокомандующего определяли успех сражений (будь то оборона Ленинграда или взятие Берлина).

Грандиозным выглядит замысел Верховного на летнюю кампанию 1943 г. Все задуманные им операции были осуществлены: Смоленская и начало освобождения Белоруссии; изгнание фашистов с Донбасса – важного промышленного района; освобождение левобережной Украины; освобождение Черниговской области; Брянская операция (продвижение от Среднерусской возвышенности к бассейну р. Десна); Новороссийско-Таманская операция, завершающая освобождение Кавказа; Севастопольская операция (выход к Крымскому перестью со стороны Перекопа); Керченская десантная операция (высадка в Крыму через Керченский пролив). Все эти операции планировалось начинать в разное время, они как бы перекрывали одна другую, не давая возможности противнику маневрировать резервами, которые у него еще оставались.

Будучи классиком стратегии, он убедил генералитет в том, что на каждом этапе войны нужна своя стратегия и своя тактика [9]. К примеру, начиная с 1943 г., Сталин постоянно требовал от генералитета уменьшать число операций на окружение и переносить центр тяжести борьбы с врагом на операции по скорейшему изгнанию оккупантов с родной земли, в целях скорейшего освобождения Родины для мирного труда, для созидания.

Выдержавшая испытание временем военная пословица гласит: «Хороший полководец не только учит свои войска, но и сам у них учится». Это в полной мере относится к Сталину. Обучая своих маршалов политической стратегии, он учился у них собственно военному мастерству. Слово Сталина оставалось последним и решающим в большинстве случаев, но известно также, что при принятии окончательного решения относительно той или иной военной операции он несколько раз менял первоначально занятую позицию и соглашался с оригинальной точкой зрения того или иного командующего фронтом. Например, так произошло с идеей маршала Рокоссовского о нанесении одновременно двух главных ударов (в отличие от академически принятого одного) при проведении операции «Багратион» и с предложением маршала Жукова отказаться от поддержки антигитлеровского восстания в Варшаве ввиду усталости и измотанности на тот момент наших войск, требовавших отдыха и подтягивания тыла к боевым частям.

Сталин никогда не забывал о том, что войны выигрываются не на своей территории. Умелое управление войсками в течение 1944 г. («10 сталинских ударов») привело к изгнанию немецких захватчиков за пределы нашей страны и позволило Верховному главнокомандующему поставить окончательную задачу: «Добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя Победы» [8, с. 132].

С приближением победного завершения войны у Сталина отчетливо стало просматриваться намерение поднять свой личный авторитет, компенсируя тем самым репутационные потери после неудач в первый год войны более активным вмешательством в успешные боевые дела. В связи с тем, что количество фронтов уменьшилось, протяжение общего фронта также сократилось, руководство фронтами упростилось, открылась возможность управлять ими непосредственно из Ставки.

Политически усиление роли Верховного на завершающем этапе войны вполне оправдано, оставался, однако, чисто нравственный, человеческий вопрос об отстранении Жукова, как представителя Ставки, от руководства крупными операциями фронтов, что было нормой в течение всей войны. Полководческое самлюбие – не праздный вопрос. Сталин уважал и ценил Жукова, ставя его как своего заместителя несколько выше других маршалов: Конева, Василевского, Рокоссовского. В этой плеяде полководцев Жуков был единственный удостоен звания трижды Героя Советского Союза. Он был награжден высшим полководческим орденом «Победа» под номером 1, именно ему было оказано доверие принимать Парад Победы 24 июня 1945 года.

Нивелируя, по сути, должность заместителя Верховного, Сталин назначил Жукова командующим первым Белорусским фронтом, находящимся на берлинском направлении. Фактически Сталин как бы сказал: «Я беру все в свои руки, а Вам дарю лавры покорителя гитлеровской столицы – Берлина». Для Жукова – полковдца «военной кисточки» – такая перспектива, естественно, была и лестной, и почетной.

Этим назначением Сталин в большой степени оправдал себя в глазах военачальников, которые восприняли назначение Жукова как заслуженный закономерный шаг. Кому же брать Берлин, как не Жукову? И вот Сталин, вместе со всей армией, ценящий и уважающий маршала Жукова, именно ему и оказывает эту высокую честь. Весь народ воспринял это сталинское решение как еще одно проявление его мудрости [2].

Сталин прочно и навсегда вошел в военную историю. Под его непосредственным руководством как Верховного главнокомандующего советские Вооруженные Силы выстояли в оборонительных кампаниях и победоносно провели все наступательные операции. Но он никогда не говорил о своих заслугах. И наград у него было меньше, чем у командующих фронтами. О просчетах же, допущенных в годы войны, он сказал народу честно и прямо в своем выступлении на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г.: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941-1942 гг., когда наша армия отступала, покидая родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому, что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества – над фашизмом» [8, с. 180-181].

Таким образом, Сталин был не просто Верховным главнокомандующим. Он оставался лидером правящей партии и главой советского правительства. В силу этого масштаб его деятельности простирался на военную, политическую, государственную и геополитическую сферу. Объективности ради, он был более чем успешным Верховным главнокомандующим. Под его непосредственным руководством была выиграна самая великая из всех войн, осуществлен «атомный проект», восстановлена историческая справедливость, изменена в пользу СССР архитектура мира, заложены основы мирного сосуществования государств на десятилетия вперед.

Список литературы

1. Василевский, А. М. Дело всей жизни / А. М. Василевский. – М., 1975. – 552 с.
2. Егоршин, В. Генералиссимусы / В. Егоршин. – М., 1994. – 368 с.
3. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления / Г. К. Жуков. – М., 1978. – Т. 1. – 382 с.
4. Жухрай, В. Сталин: правда и ложь / В. Жухрай. – М., 1996. – 352 с.
5. Карпов, В. В. Генералиссимус / В. В. Карпов. – М.: Вече, 2014. – 752 с.
6. Мартиросян, А. Б. Сталин и Великая Отечественная война / А. Б. Мартиросян. – М.: Вече, 2016. – 480 с.
7. Плеханов, Г. В. К вопросу о роли личности в истории. Избранные философские произведения в 5-ти томах / Г. В. Плеханов. – М.: Госполитиздат. – Том 2. – С. 300-334.
8. Сталин, И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза / И. В. Сталин. – СПб.: Питер, 2010. – 192 с.
9. Сталин, И. В. Об основах ленинизма / И. В. Сталин. – Соч. – Т. 6. – М.: Госполитиздат, 1954. – С. 69-189.

Статья поступила в редакцию 6.12.2019

Chemshit, A. A. The Role of Personality in History: Stalin as the Commander-in-Chief

The article deals with the role of personality in history, in particular at its turning point. The issue of this article is concretized by the formulation of this question as to the Commander-in-Chief role in the Great Patriotic War. I. V. Stalin's activity on this post is analyzed. It is noted that the insufficiency of Stalin's operational-strategic training had an impact on the first months of the war. Especially, when he didn't consult the General Staff and the front commanders and showed a tendency to a sole decision-making. It is stressed that the course of the war forced Stalin to rely on the collective experience of military leaders. The growth process of Stalin as a commander was completed by 1942. After the battles of Stalingrad and Kursk he rose to the heights of strategic leadership. It is concluded that during the strategic offensive of the Soviet armed forces, the Commander-in-Chief showed all the basic qualities of a successful commander. He skillfully directed the actions of the fronts; in his person the Soviet art of war surpassed the German-fascist military school. Stalin worthily coped with the mission of the Commander-in-Chief assigned to him.

Keywords: history, personality, Great Patriotic war, Commander-in-Chief, Stalin.

УДК 17.022.1:[316.46:32]

В статье рассматриваются вопросы политического языка, определяется его роль в формировании имиджа политического лидера. Автор утверждает, что имидж политического лидера в условиях виртуализации публичной политики выступает посредником между лидером и массами, играет роль системообразующего двигателя новой политико-коммуникационной матрицы и берет на себя выполнение ряда функций лидера. В данном процессе ведущая роль отводится политическому языку.

Ключевые слова: политический язык, имидж, политический лидер, функции политического лидера.

Е. Ю. Шавардова, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: Lenash_72@mail.ru

ORCID: 0000-3600-0689-6894

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

По своей природе люди различны, одни психофизически устойчивы, рассудительны и умны в разных, порой даже критических, ситуациях. В этом и состоит феномен лидера, который также наделен и организационными качествами, это личность, которая способна реализовать интересы сообщества, политических интересов, направлять их активность, сплачивать вокруг себя группы сторонников и вести их за собой. Политический лидер имеет репутацию, то есть имидж. Имидж – это отражение общественного представления об идеальном воплощении определенной социальной роли, это набор утверждений и представлений общественности о конкретном политике путем обобщений и эмоциональных переживаний и воображений. Имидж политического лидера представляет собой образ, который формируется для осуществления эмоционально-психологического влияния на определенных лиц и создается на почве специфического сплетения информационных, эмоционально-коммуникативных и действенных факторов, способных воздействовать на массовое сознание.

Синонимами имиджа политического лидера выступает типаж, амплуа, образ, харизма, репутация и авторитет. Политический имидж – это одна из несущих конструкций института политического лидерства, современный инструментарий реализации политической власти лидера [5, с.22].

Политологический подход к пониманию имиджа акцентирует внимание, во-первых, на целостно воспринимаемом (рационально, иррационально, эмоционально) образе политика, создающем о нем определенное впечатление и мнение у окружающих; а, во-вторых, активно моделируемом посредством современных коммуникационных технологий комплексе свойств, призванных вызвать определенное отношение окружающих к конкретному лидеру.

Имидж политического лидера в условиях виртуализации публичной политики не только выступает посредником между лидером и массами, но и начинает играть роль системообразующего двигателя новой политико-коммуникационной матрицы и берет на себя выполнение ряда функций лидера, а именно, завладение вниманием электората в условиях избирательных процедур формирования органов власти, мобилизацию политической поддержки и контроль над политическим поведением масс.

Формирование имиджа политического лидера являются важным компонентом процесса виртуализации власти и политики в современном обществе. Этот процесс имеет основательные объективные доказательства, берущие истоки в социокультурных, нормативно-ценностных, коммуникативных изменениях, происходящих в процессе трансформации традиционного общества в общество индустриального и постиндустриального типа.

Имидж политика зависит от многих составляющих его личности: стиля поведения и внешнего вида, черт характера, поступков, профессиональных качеств и вербально образующих факторов. В процессе формирования имиджа политического лидера обращается внимание на следующие качества и характеристики лидера: честность, энергичность, открытость, убедительность, обаяние и чувство юмора, успешность в предыдущей деятельности. Имиджу политического лидера способствует также обеспеченность и репутация примерного семьянина. Политик, политический лидер должен обладать ораторским искусством, иметь правильно поставленный голос, управлять своей мимикой и жестами.

Как известно, институты и процессы в политике не существуют вне языка и языковых процессов в обществе. В то же время и сам язык в той или иной степени испытывает на себе влияние политики. Язык политического лидера подчеркивает его языковой портрет как политика, его имиджа, усиливает внимание к его личности, повышает силу речевого воздействия на коммуниканта. Языковой образ реализуется как один из видов описания языковой личности, заключающийся в отражении определенных лингвистических и экстралингвистических черт, обусловленных жанровой и ситуативной спецификой. Характеристика речевого образа политического лидера и его имиджа заключается в комплексном анализе всех его уровней: синтаксического, грамматического, языково-культурного, психолингвистического, лексикологического. Описание этого явления возможно путем анализа речи конкретной языковой личности политического лидера и формирования его характеристики по таким критериям как текст, лексика и т. д. Прямая связь языка с властью дает возможность говорить о существовании такого явления, как «политический язык».

На протяжении всего периода существования политический язык развивается и совершенствуется под влиянием различных факторов, среди которых большую роль играют политические события, которые влекут за собой изменения в подвижных сегментах языка – лексике и фразеологии. Возникает понятие политического языка, тесно связанного с речевым имиджем политика [1, с.36].

Для создания политического имиджа используется целый ряд вербальных и невербальных средств. В сознании общества образ политического лидера и его речь неразрывно связаны воедино. Язык в политике является основой создания политических концепций, направлений, образа и имиджа политика, а также проводником всего этого в общественное сознание. Слово – мост, перекинутый между политиком и избирателем, их общая территория [6, с. 26]. Вербальная деятельность определяет профессионализм политика, его имидж, и является главным инструментом его взаимодействия с обществом.

Исследователи считают, что политика невозможна и невыполнима вне языка [2, с.93]. Некоторые функции политической системы осуществляются с помощью языка как инструмента коммуникации. Это такие функции, как консолидация общества, определение стратегии и тактики развития общества, пропаганда идей и жизненных ценностей.

Феномен политико-языковых отношений, его теоретическое осмысление и аналитическое освоение предполагает построение абстрактной модели как совокупности взаимодействий между социальными и политическими акторами, в процессе которой происходит обмен информацией, волевыми установками, когнитивными позициями, знаково-языковыми практиками, символическими стратегиями, результатами деятельности и другими объектами. Отношения этого рода составляют не только по поводу языка как такового, но и по взаимно направленному объединению языка и политики.

Сущность политики – это дискуссия между определенными принципами и теориями общества. Политическое явление превращается во что-то доступное для обсуждения только будучи выраженным в словах, поэтому базовые понятия политического языка, политические формулы и клише в значительной мере определяют образ восприятия политической действительности. Язык для политики и имиджа политического лидера – важная и неотделимая составная часть. Восприятие политических реалий в значительной мере определено структурой и эмоциональной силой языка. Слова не только характеризуют определенную политику, а и сами являются частью этой политики.

Язык служит для легитимизации (узаконения) отношений организованной властной силы. Канонизация, в свою очередь, артикулирует отношения власти, в результате чего и становится возможной их институционализация [3, с. 13]. Легитимация – это признание того или иного общественного образования в определенной господствующей иерархии. В основе современных форм управления в демократическом правовом государстве лежит политическое господство, которое нуждается в одобрении и в этой связи – в обосновании. Как одобрение, так и обоснование реализуются через политическую коммуникацию. Категория легитимации может существовать лишь в условиях демократической конституции и демократической системы ценностей. Легитимация является как бы границей между политической культурой и политической структурой, между мыслями, приемлемостью, с одной стороны; и нормами и общественными институтами, с другой стороны.

Вклад в обогащение политического языка вносят специалисты, которые вовлечены в политическую сферу: политологи, журналисты, имиджмейкеры, спичрайтеры, а также сами политики. Слово обладает той силой, которая дает возможность управлять поведением людей, и цель любого политического выступления – сформировать у адресата определенную точку зрения,

побудить его к активному действию. Для достижения этой цели политические лидеры вырабатывают особый стиль общения с аудиторией, подбирая эффективные языковые средства, находя актуальные понятия, ключевые слова и выражения, многие из которых являются новыми, либо употребляются в непривычном значении. Таким образом, современный политический лидер не может успешно действовать без использования политического маркетинга (совокупность теорий и методов для выявления имиджа лидера), средств влияния на поведение электората. Политический маркетинг дает возможность лидеру: а) развивать средства влияния в зависимости от выдвинутых идей; б) определять соответствие своих идей рыночным условиям; в) раскрывать, какую позицию необходимо занять с учетом личных качеств и наличия претендентов. Очень важно, что средствами политического маркетинга можно также определить имажинативного лидера, т.е. идеальную модель самого лучшего политика, которая создана массовым сознанием в определенных группах электората. Имажинативная модель политического лидера предусматривает наличие определенных психологических, соматических и интеллектуальных качеств, которых общественность хочет видеть в политическом лидере.

Устойчивое и массовое использование политического языка политическими лидерами дает основание говорить о политическом языке в той же степени, в какой мы говорим, например, об официально-деловом языке. Однако, в отличие от языка официально-делового, политический язык рассчитан на широкую массовую аудиторию, а потому должен быть доступным для понимания рядовым членом общества.

Существенной особенностью политического языка является его доступность для понимания практически всеми членами языкового сообщества в следствие деспециализации политических терминов (детерминологизации). Политический язык вместе с общеупотребительными фрагментами естественного языка включает в себя специально обусловленные термины – слова с строго заданным содержанием. Например, слова «миф», «диалог», «решение», «партия», «масса» и т. п. применяются в разных областях, но в политике они имеют соответствующее свое содержание, благодаря чему некоторые из них становятся категориями политологии.

Процесс детерминологизации терминов обычно осуществляется в три этапа: 1) расширение употребления; при этом понятия, используемые средствами массовой коммуникации, сохраняя свои терминологические характеристики, проявляют тенденцию к некоторому упрощению смысловой структуры; 2) использование термина в неспециальных текстах и, связанное с этим, его переосмысление; такое нестандартное употребление, как правило, бывает экспрессивно маркированным; 3) новое нетерминологическое значение теряет свою экспрессивность, становится визуальным и фиксируется в словарях как производное, преимущественно нейтральное значение [7, с. 77].

Высокая значимость политического языка как фактора и инструмента реализации политики, многократное усиление этой значимости в условиях информационного общества, которое требует соответствующих новых коммуникативных возможностей лингвистического оснащения политики, противоречивость последствий глобализации, медиатизации и виртуализации политического процесса, ставят для функционирования языка перед политической наукой новые исследовательские задачи.

На имидж политического лидера влияет использование политического языка по критерию сферы влияния. В этом аспекте предложено авторское истолкование дифференциации политического языка, а именно: профессиональный политический язык – это язык функционирования политических институтов; парламентский язык, который применяется преимущественно представителями определенной профессии; риторический политический язык – это язык публичных выступлений политических деятелей; язык выборов, политическая языковая деятельность «рядовых» граждан, которые принимают участие в митингах, собраниях, демонстрациях; публицистический политический язык – язык пропаганды и рекламы, язык СМИ; документальный политический язык – язык политических документов: конституций, законов, договоров, соглашений [8, с. 104].

С целью поднятия своего имиджа и авторитета, выступления политических лидеров строятся на общеупотребительной лексике, составляющей основу национального языка, которая в определенном идеологическом контексте наделяется новым смыслом, приобретает новое значение. Любые изменения в национальном языке на новом этапе исторического развития общества находят отражение в языке профессиональных политиков. Идеиные предпочтения и задачи отдельного политического лидера, его понимание того, что может быть интересно адресату, определяют содержание и стиль общения с аудиторией. Общаясь с народом, политический лидер, как правило,

касается тех тем, которые интересны и важны людям, но истинные цели, преследуемые оратором, могут быть скрыты от аудитории.

Современная практика формирования политического имиджа лидера обладает широким арсеналом действенных средств: от профессионально поставленной политической рекламы до системы публичных рилейшнз. В настоящее время существует и поддерживается авторитетными исследователями (и не безосновательно) гипотеза о том, что языковой имидж в принципе трехчастен. Он подразделяется на следующие составляющие: 1) речевой (коммуникативный); 2) собственно языковой; 3) текстовый (содержательный) [9].

Опытные имиджмейкеры умеют за короткое время «раскрутить» того или иного претендента на должность и привести его к победе. Как справедливо пишет А. Максимов [4, с.50], небольшая группа профессиональных политических консультантов способная просто перевернуть ход компании, превратить признанного лидера на аутсайдера, а никому до сих пор не известного человека сделать лидером общественной мысли.

Подводя итог изложенному материалу и проведенному анализу по проблеме политического языка как инструмента развития имиджа политического лидера, автором позиционированы основные положения по актуальным вопросам взаимосвязи и взаимообусловленности языка и политики, которые выражаются в том, что политический язык является потенциальным и наиболее эффективным инструментом в развитии имиджа политического лидера. Автор не претендует на исчерпывающую и всеобъемлющую информацию этой проблемы и намерен проводить дальнейшие исследования в этом направлении с целью более глубокого изучения системно-языковых характеристик современного имиджелогического аспекта политического лидерства.

Список литературы

1. Баранов, А. Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. – М., 1991. – 63 с.
2. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) / Язык и моделирование социального взаимодействия / Р. М. Блакар. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88-124.
3. Леденева, А. Тенденции изменения концепции социальных наук / Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас / А. Леденева. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – С.4 -15.
4. Максимов, А. А. «Чистые» и «грязные» технологии выборов: российский опыт / А. А. Максимова. – М., 1999. – 50 с.
5. Мякотина, О. В. Имидж политического лидера: тенденции становления и изменения: автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / О. В. Мякотина. – М., 2008. – 28 с.
6. Почепцов, Г. Г. Имиджелогия / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2002. – 704 с.
7. Савруцкая, Е. П. Феномен коммуникации в современном мире // Сборник научных работ «Проблемы теории коммуникации» / Е. П. Савруцкая. – СПб: Изд-во СПб-ГПУ, 2004. – С.75 – 85.
8. Шавардова, Е. Ю. Политический язык как метод коммуникативного влияния / Е. Ю. Шавардова // Научный вестник (Одесский государственный экономический университет). – 2010. – №6(107). –С. 101-109с.
9. Osetrova, E. V. Image from a linguistic point of view: structure and content / E. V. Osetrova // Онтогенез речи: мультидисциплинарные исследования. – 2012. – №1. – URL: http://www.es.*****/speech-ontogenesis (дата обращения 12.10.2019)

Статья поступила в редакцию 25.11.2019

Shavardova, E. Yu. Political Language as a Tool for Forming the Image of a Political Leader

The article deals with the issues of political language and defines its role in shaping the image of a political leader. The author argues that the image of a political leader in the conditions of public policy virtualization acts as an intermediary between the leader and the masses, plays the role of a system-forming engine of the new political and communication matrix, and assumes a number of leadership functions. Political language plays a leading role in this process.

Keywords: political language, image, political leader, functions of a political leader.

Научное издание

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов
Выпуск 15-16
2019

Под общей редакцией *Е. Н. Максимовой*

Составление, верстка, оригинал-макет – *А. А. Ковалевский*

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Гагарина, д. 13,
каб. 3.7 E-mail: iorbook@sevsu.ru
URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-64133 от 25.12.2015. Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна

Подписано в печать 27.12.2019. Формат 60×84/8. Заказ № 52/19.
Усл. печ. л. 16,04. Уч.-изд. л. 15,71. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в
РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7